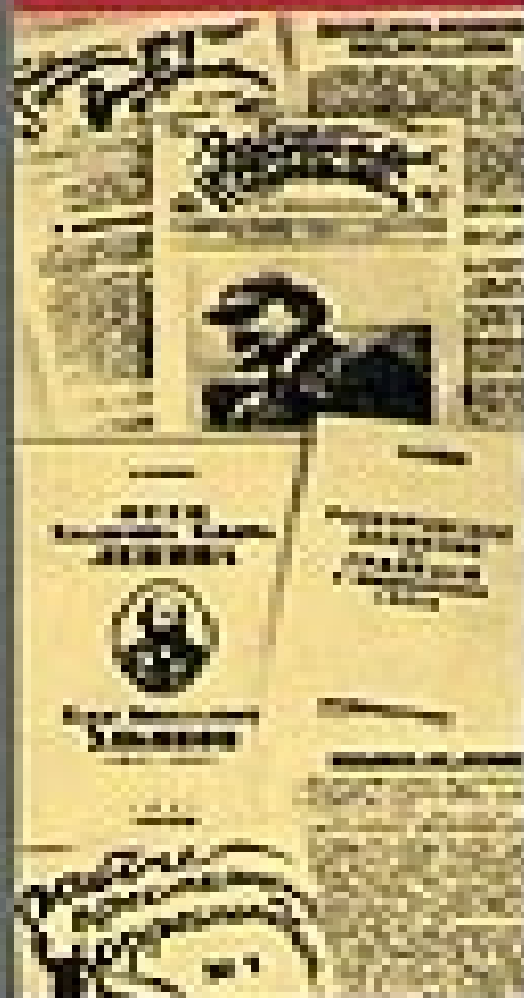

МАРИЯ УЛЬЯНОВА

Л. Кунецкая
К. Машинкова

ПРАВДА

ПРАВДА

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Мария Ульянова, сестра В.И. Ленина, один из старейших деятелей Коммунистической партии. Вся ее жизнь принадлежала партии, революции. Агент «Искры», ответственный работник «Правды», один из организаторов рабкорского движения в нашей стране, заведующая Бюро жалоб при Комиссии советского контроля — таков путь этой замечательной женщины.

- [illegible]

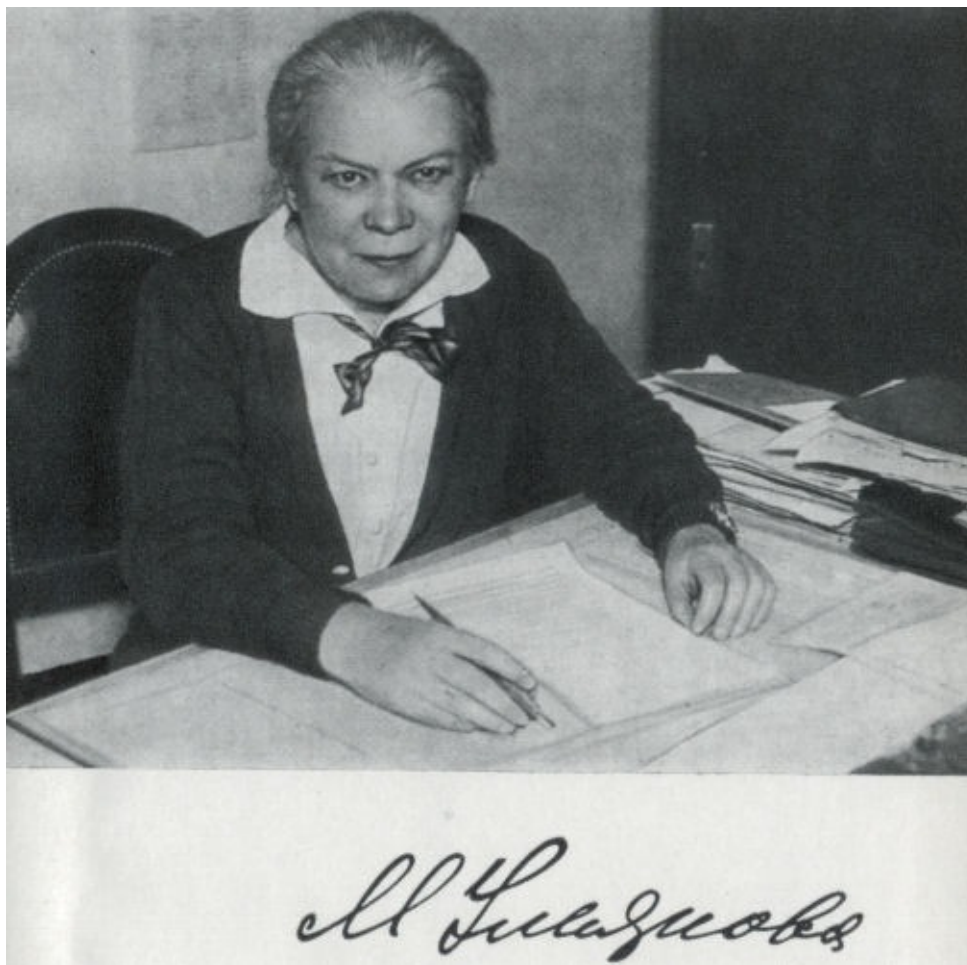
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)

- [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
  - [104](#)
  - [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
  - [108](#)
  - [109](#)
  - [110](#)
  - [111](#)
  - [112](#)
  - [113](#)
  - [114](#)
-

Мария Ульянова

Нашим матерям с глубокой любовью

Уже одна принадлежность человека к замечательной семье Ульяновых вызывает к нему пристальный интерес исследователей. Нас интересует духовный мир отца, матери, братьев и сестер великого Ленина не только потому, что они помогают раскрыть внутренний мир вождя пролетарской революции, понять процесс формирования его личности, но и потому, что каждый из Ульяновых оставил глубокий след в истории русского революционного движения.

Дети Ильи Николаевича и Марии Александровны были различны по характеру, имели только им присущие сферы деятельности, но их

объединяли общность цели жизни, общность мировоззрения, преданность делу революционного преобразования России.

Мы рассказываем в своей книге о младшей сестре Ленина — Марии Ильиничне Ульяновой, жизнь которой с юных лет была слита с жизнью и деятельностью Владимира Ильича, была без остатка отдана делу партии.

Детство

Вечером 6 февраля¹ 1878 года, когда старинный Симбирск, утопавший в сугробах, засыпал, в семье директора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова родилась дочь. Принимала ее акушерка Анна Дмитриевна Ильина, чуть ли не единственный друг Марии Александровны в первые годы жизни семьи в Симбирске. Передавая счастливому отцу маленький, аккуратно запеленатый сверточек, Анна Дмитриевна спросила: «Вы уже решили, как назовете дочку?» Вглядываясь в крохотное личико с закрытыми глазками и смешно посапывающим носиком, Илья Николаевич ответил: «Так же, как и мать, — Марией».

Семья снимала в это время небольшой деревянный дом № 28 по Покровской улице (ныне улица Льва Толстого). Это был типичный для Симбирска дом с резными наличниками, резным кружевным фронтоном и коньком. Небольшие комнаты с низкими потолками, в кухне огромная русская печь. Со временем он стал тесен для увеличившейся семьи.

Летом того же 1878 года Илья Николаевич, уже долгие годы занимавший пост директора народных училищ в губернии, купил наконец собственный дом на Московской улице, поместительный и удобный. С этим домом связано детство Марии Ильиничны.

Все дети жили во втором этаже. Старшие имели маленькие отдельные комнатки, а младшие — Маняша и Митя — жили в «детской» вместе с Олей, которая была старше Мани на 7 лет.

Ранние детские годы Марии Ильиничны были счастливыми. Она росла в большой и дружной семье, в атмосфере взаимной любви, внимания, предупредительности. Передовые идеи нравственного и физического воспитания детей Илья Николаевич проводил и в своей собственной семье. Детей обучали иностранным языкам, музыке, готовили к поступлению в гимназию. Не забывали и об их физическом развитии. В саду были установлены «гигантские шаги», качели, устроена крокетная площадка, всячески поощрялись живые, подвижные игры. Ненавязчиво и вместе с тем неуклонно проводился принцип трудового воспитания. Старшие дети делали для младших различные игрушки, учебные пособия. С раннего детства всех приучали к аккуратности, умению все делать самим. Мальчики пилили, строгаи, выжигали по дереву. Девочки вышивали, вязали, учились шить.

Мария Ильинична запомнила такой эпизод из своего раннего детства:

«Перед глазами так ясно встает картина, как я ребенком сижу рядом с матерью. Она с работой, и у меня в руках носовой платок, который я должна подрубить. Работа не очень интересная, так и побежала бы побегать по двору или саду, но мать умеет ласково удержать меня, скрашивая труд своими рассказами, и я благополучно доканчиваю работу. А когда подхожу к последнему краю платка, то нахожу кусочек шоколада, завернутый в бумаге и приколотый к моей работе. Удивлению моему нет границ: платок был все время у меня в руках, и объяснить себе появление шоколада я никак не могу — это кажется мне каким-то волшебством. А мать улыбается на мое недоумение. Она так ловко проделала этот фокус, что я ничего не заметила»².

Воспитанная в интеллигентной семье врача, Мария Александровна была по своему интеллектуальному развитию много выше большинства губернских дам. Живая, общительная, она чуждалась, однако, бесконечных взаимных визитов, во время которых дамы сплетничали, вели пустые разговоры. Чтобы следить за учебой детей, иметь возможность помочь им, Мария Александровна окончила курсы домашних воспитательниц. И она и Илья Николаевич стремились развить художественный вкус детей.

Отец читал им стихи классиков и поэтов-разночинцев, выписывал литературно-художественные журналы, поощрял их собственное творчество. Всю жизнь Мария Ильинична берегла и повсюду возила прекрасный подарок матери — собрание сочинений великого русского поэта Пушкина. Этот чудесный подарок маленькая гимназистка получила в день своих именин — 1 апреля 1892 года. На форзаце первого тома сохранилась надпись, сделанная Марией Александровной: «Моей дорогой Маничке 1-го апреля 1892 года».

Затерялись со временем, а может быть, остались где-то в вологодской ссылке или эмиграции многие тома, но два томика стихов чудом уцелели. И хранятся по сей день в кремлевской квартире Ленина.

В далеком детстве и навсегда вошла в жизнь Марии Ильиничны музыка. Для всех детей Марии Александровны музыка неразрывно связывалась с образом горячо любимой матери. Мария Александровна, незаурядная музыкантша, знакомила детей с произведениями величайших русских и западных композиторов. Тихая колыбельная песня матери — первая ступень на пути к познанию музыки. Занятая хозяйственными заботами, Мария Александровна находила время, чтобы, собрав вокруг рояля детей и племянников, в старом кокушкинском доме проигрывать им оперы, напевая отдельные арии и объясняя смысл прослушанного.

Мария Ильинична вспоминала, что старшие брат и сестра, Анна и

Александр, очень любили малышей и часто играли с ними, но, естественно, были дальше от младших, чем Володя и Оля. Когда Маняша подросла, Оля обучала ее грамоте, занималась с ней музыкой. Старшие всегда были в курсе всех дел малышей, принимали близко к сердцу их заботы. Сохранились письма Ольги Ильиничны из Петербурга, куда она в 1890 году уехала учиться на Бестужевские курсы. В письмах она сообщает матери о своей жизни, с любовью и заботой пишет о младшей сестре. Так, в ответ на просьбу купить для младшей сестры ноты Ольга Ильинична пишет, что обошла все нотные и букинистические магазины: «К сожалению, у них очень плохой выбор: все старые и трудные вещи. Да, правда, Маня теперь как раз играет так, что ей очень трудно найти хорошие вещи: от детских уже она выросла; классические вещи, как Бетховена и Моцарта, начинать ей рано, — и приходится пробавляться какой-нибудь музыкальной стряпней, вроде Бейера. Я послала ей сегодня 3 вещицы: пусть она попробует разучить сонату Гайдна. Если ей сразу не понравится, то все же посоветуй ей не бросать, потому что это такая вещь, которую надо хорошенько разучить».

Любимым братом Марии был Володя. «С самых детских лет, — вспоминала Мария Ильинична, — я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе с своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка. И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать. Уже не говоря о том, чтобы я проявляла какую-нибудь тень непослушания по отношению к нему. А между тем он никогда не выказывал никакой строгости ко мне, даже наоборот, баловал меня, как младшую в семье».

Все, кто бывал в семье Ульяновых, неизменно отмечают именно духовную спаянность ее членов. Непререкаемый авторитет старших рождался и поддерживался не в результате принуждения, а благодаря ежедневному примеру трудолюбия, честности, доброжелательности, который показывали старшие. Дети никогда не замечали разногласия у родителей. Наоборот, они постоянно ощущали взаимную любовь и доверие Ильи Николаевича и Марии Александровны. Эти чувства они пронесли через всю совместную жизнь.

Принуждение отрицалось всей системой нравственного воспитания в этой семье. Здесь признавалось лишь убеждение. Вот почему всех Ульяновых отличали свобода суждений, умение их отстаивать, чувство собственного достоинства и высокий гуманизм.

Ничто, казалось, не предвещало несчастья, хотя Илья Николаевич стал очень уставать во время инспекционных поездок. Часто болела голова. Доктора находили сильное переутомление. 12 января 1886 года все в семье шло как обычно. Мария Александровна хлопотала по хозяйству, дети были в гимназии, Илья Николаевич работал над годовым отчетом. Перед обедом зашли инспектор чувашской школы Иван Яковлевич Яковлев с женой поздравить Илью Николаевича с наградой — орденом Станислава I степени. Ульяновы хорошо знали и любили Яковлева — энтузиаста просвещения чувашей и других народностей Поволжья. Илья Николаевич много помогал ему в его трудовой деятельности, встречавшей яростное сопротивление властей.

Гости заметили, что Илья Николаевич очень бледен и явно чувствует себя не совсем здоровым. Они отказались от радушного приглашения Марии Александровны пообедать вместе и, сославшись на какой-то срочный визит, распрощались. Илья Николаевич, тоже отказался от обеда. Прилег в кабинете отдохнуть.

Обед проходил в непривычной тишине. Вдруг Илья Николаевич появился в дверях столовой. Много лет спустя Мария Ильинична напишет: «...Остановившись около двери, обвел всех нас долгим взглядом. «Точно проститься приходил», — говорила позднее мать». Несколько минут спустя Мария Александровна прошла в кабинет, она вышла встревоженная и послала за доктором. Но было уже поздно. Пришедший врач констатировал смерть.

Марии было всего 8 лет, ее и Дмитрия на время тяжелых похоронных хлопот отправили к Яковлевым. Сестра и брат были еще малы, чтобы постичь всю глубину и непоправимость несчастья.

В последний путь Илью Николаевича провожал весь Симбирск. В местных газетах появились некрологи, отмечающие огромные заслуги Ульянова в деле просвещения. Хотя друзья старались окружить семью вниманием, дом на Московской улице осиротел. Александра по настоянию матери на похороны не вызывали. В марте Анна уехала учиться в Петербург. Характер Владимира резко изменился. Из живого, подвижного, шаловливого мальчика он как-то сразу превратился в серьезного, сосредоточенного юношу. Он и Оля стали еще внимательнее и ласковее с матерью и с младшими братом и сестрой.

Маняша росла хрупкой, часто болеющей девочкой. Володя за постоянные простуды называл ее «Мимозой». Было у нее в семье еще одно ласковое имя — «Медвежонок». Темноволосая, кареглазая, в детстве она была угловатой и несколько неуклюжей. Навсегда Маняша осталась

любимицей Владимира Ильича, а ее домашние имена — «Мимоза» и «Медвежонок» — превратились со временем в партийные подпольные клички.

Со смертью отца в семье, которая и раньше жила скромно, появились материальные затруднения. Надо было экономить каждую копейку. Мария Александровна постоянно что-то шила, штопала, вязала. Девочки усердно помогали ей.

Маняша готовилась к поступлению в гимназию. Как и все братья и сестры, она рано научилась читать и писать, особые успехи проявляла в точных науках. Ей хорошо давалась математика, она легко усваивала основы химии и физики. Мария Александровна обучала ее немецкому языку, Оля занималась с ней французским. День маленькой Мани был расписан по часам так же, как и день старших детей. Однако она частенько нарушала порядок: то ей не хотелось рано вставать, то не было охоты сидеть над занятиями. Мать ласково, но неуклонно требовала исполнения режима.

Ульяновы не успели прийти в себя после смерти Ильи Николаевича, как на них обрушилось еще большее горе. В марте 1887 года Вера Васильевна Кашкадамова — учительница, друг семьи — получила из Петербурга письмо от родственницы Марии Александровны — Е.А.Веретенниковой, где сообщалось об аресте Александра и Анны как участников заговора, покушавшихся на жизнь царя. Вера Васильевна показала письмо Володе, и ему выпал тяжкий долг сообщить о случившемся матери. Мария Александровна не заплакала, не вскрикнула, только сильно побледнела и стала тотчас собираться в Петербург.

Дом Ульяновых окружило словно выжженное пространство. Даже Митя и Маня старались как можно меньше выходить на улицу, так как соседи запрещали сверстникам играть с ними. Ведь их брат был государственным преступником, «цареубийцей».

В автобиографии Мария Ильинична писала: «Не могла я отнестись вполне сознательно и к причинам гибели старшего брата Александра, повешенного в 1887 году за покушение на Александра II. Но во всяком случае эта гибель, отношение к ней родных, и особенно Владимира Ильича, разговоры, которые велись в связи с ней как среди родных, так и знакомых, оставляли на мне свой след, дали сильный толчок к более сознательному отношению к окружающему...»³

Через много лет, выступая на вечере памяти Владимира Ильича, Мария Ильинична скажет: «Весной 1887 года (год окончания Владимиром Ильичем гимназии) мы получили известие о казни старшего брата. Десятки

лет прошли с тех пор, но и теперь я хорошо вижу выражение лица Владимира Ильича в ту минуту и слышу его голос: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И он стал готовить себя к тому пути, который, по его мнению, должен был привести и действительно привел к победе».

Это был трудный для семьи год. На улице бывшие друзья переходили на другую сторону, заведя одетую в траур Марию Александровну. От первой ученицы гимназии Ольги Ульяновой отшатнулись почти все подруги.

Володя сдавал выпускные экзамены, а преподаватели делали над собой усилие, чтобы соблюдать элементарную вежливость с братом казненного «цареубийцы». Но успехи Владимира Ильича были столь бесспорны, что его все-таки наградили золотой медалью. Когда шли последние экзамены, в местной газете «Симбирские новости» появилось объявление: «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль и мебель. Московская улица, дом Ульяновой».

Семья снималась с обжитого места и уезжала в Казань, так как Анне Ильиничне по просьбе матери сибирскую ссылку заменили на ссылку под надзор полиции в Казанскую губернию. Кроме того, Владимир Ильич решил поступать в Казанский университет, который когда-то окончил его отец.

Грустно было расставаться с привычным жизненным укладом, и лишь меньшие дети — Митя и Маня — радовались поездке по Волге и встрече со сверстниками в милом привольном Кокушкине, небольшом имении близ Казани, куда летом съезжались сестры Марии Александровны со своими детьми.

В Казани все было иначе: дом не так поместителен, нет привычного сада, зато и нет той моральной изоляции, которая окружала семью в Симбирске. В Казани Мария Ильинична впервые вплотную столкнулась с полицией в первый же год их пребывания в городе. Она впоследствии вспоминала: «Чтобы старшей сестре не очень тоскливо было жить одной в деревне, с ней отправили меня, и там мне впервые пришлось столкнуться с полицией, в лице станового пристава, которому было поручено следить за сестрой, как находящейся под гласным надзором полиции. С этой целью он нередко «навещал» нас. В декабре того же года (1887. — Авт.) в Кокушкино был выслан и Владимир Ильич, исключенный из университета за студенческие волнения. В день его высылки я была в Казани и помню, как поразило меня, что кибитку, в которой мы ехали с братом в деревню, провожал до городской черты местный пристав»⁴.

Сколько потом будет в ее жизни арестов, обысков, ссылок и высылки! Но в ее душе навсегда остался морозный звездный вечер, тесная кибитка, звон колокольчиков, скрип полозьев по снегу и сани с полицейским чином. До деревни их проводила Мария Александровна. Маня запомнила спокойствие, с которым мать и брат восприняли присутствие полицейского.

Мария Александровна тут же вернулась в город — ведь Ольга и Дмитрий оставались там, они учились в гимназии.

Первая ссылка Владимира Ильича и Анны Ильиничны. Маленькая деревушка. Старый, холодный дом. Летом, наполненный шумом и смехом детей, хлопотами сестер Марии Александровны, он казался уютным и тесным, так много сюда съезжалось родственников. А теперь часть комнат закрыта, не отапливается.

Свет керосиновой лампы не достигает углов, освещая лишь стол и разложенные на нем книги. Брат и сестра занимаются. Анна делает перевод с итальянского, Владимир читает юридический справочник, а Маняша листает журнал «Нива» или детское приложение к нему. Днем старшая сестра готовит ее к поступлению в гимназию.

«В Кокушкине, — пишет Мария Ильинична, — Володя проводит все время за книгами в своей комнате за письменным столом, и я вхожу в эту комнату с каким-то особенным чувством уважения. А когда он берется заниматься со мной — что, впрочем, в этот период случалось редко, я испытываю глубокую радость, и мне кажется, что все занятия идут у меня куда лучше. Гулять мы отправлялись обыкновенно на речку по льду. Владимир Ильич охотился за зайцами, но, должно быть, неудачно, и сестра часто поддразнивала его этими неудачами. Зимой в деревне жилось невесело...»

В Казани семья прожила недолго. В связи с предстоящим замужеством Анны Ильиничны все переехали в мае 1889 года на хутор Алакаевка близ Самары, купленный по поручению Марии Александровны женихом дочери Марком Тимофеевичем Елизаровым, жившим неподалеку. Свадьба состоялась в июле того же года. У Мани появился новый родственник, ставший, когда она подросла, ее большим, преданным другом.

С Марком Тимофеевичем Анну Ильиничну познакомил старший брат. Сын недавнего крепостного, Марк Тимофеевич проявлял с детства огромные способности. Ему удалось кончить гимназию и поступить на физико-математический факультет Петербургского университета. Он полностью разделял политические взгляды Владимира Ильича и позднее стал его активным помощником. В Самаре за ним наблюдают полицейские ищейки, которые находят, что он может оказать «крайне вредное» влияние

на младших Ульяновых.

Когда в семью Ульяновых вошел Марк Тимофеевич, всем стало как-то веселей. Он был завзятый шахматист, и все по очереди играли с ним, но выигрывать удавалось лишь Владимиру, остальным Марк Тимофеевич сразу уступал несколько фигур. Теперь, как и при жизни отца и Александра, собирались у рояля и пели хором русские, революционные и студенческие песни. Приятный басок Марка Тимофеевича выделялся на фоне других голосов, сливаясь с юношеским баритоном Владимира Ильича. Им вторили женские голоса и звонкий детский голосок Маняши. И, как всегда, все много занимались. Лучше всего об этом рассказывает сама Мария Ильинична: «...как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето. Особенно хороши там были степной прозрачный воздух и тишина кругом. В нескольких десятках саженей от старого одноэтажного дома был старый запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. У каждого из нас был там свой любимый уголок. «Один клен», — говорили мы. И действительно, вторую мою сестру чаще всего можно было застать за книгой около высокого старого клена. Анна Ильинична больше любила березовую аллею. В старой липовой аллее, лучше всего сохранившейся, было слишком много тени: верхушки деревьев почти сходились, образуя точно купол. На этой аллее сидели и гуляли больше по вечерам. Минутах в десяти ходьбы от дома был пруд, куда мы ходили купаться. А кругом раздолье: доли, холмы, леса! Невдалеке был так называемый Муравельный лес, в котором было много лесной малины, и мы нередко отправлялись за ней...

Террасы в доме не было, ее заменяло крылечко с крышей, достаточно, впрочем, большое для того, чтобы наша семья могла разместиться на нем за самоваром. По вечерам на этом крылечке, чтобы в комнаты не налетели комары, зажигалась лампа, и вся молодежь усаживалась за стол с книгами».

Вполне идиллическая картина, если забыть, что двое из сидящих за столом — поднадзорные, что два-три раза в неделю в дом является полицейский чин, чтобы проверить, не отлучился ли кто без разрешения, что крестьян деревни спрашивают, о чем с ними говорят Ульяновы, какие книги дают читать. К тому же семья испытывает материальные трудности, старшему сыну запрещено учиться в университете, и зимой в Самаре он будет давать уроки для заработка.

Осенью 1889 года Маняша, прекрасно подготовленная Ольгой, поступила во второй класс гимназии. Учение давалось ей легко, но «Мимоза» часто болела, пропускала занятия. Если догонять подруг было особенно трудно, помогал Владимир, так как Оля уехала в Петербург

учиться на высших Бестужевских курсах.

Уроки старшего брата оставили неизгладимый след на характере Марии Ильиничны. Он не просто следил, поняла ли она задание, правильно ли его выполнила. Он приучал свою любимицу к точности, аккуратности, к стремлению все сделать наилучшим способом. Он сурово заставлял переделывать небрежно нарисованную карту, используя не глазомер, а циркуль и линейку. На всю жизнь запомнила Маняша упрек и насмешку в его глазах, когда он двумя пальцами поднял сшитую ею для словаря тетрадь и протянул: «Как, белую тетрадь черными нитками!» Если позднее она видела чью-нибудь небрежно или неаккуратно выполненную работу, ей всегда слышался этот возглас старшего брата.

После долгих и упорных хлопот Марии Александровны Владимир получил разрешение сдать экстерном экзамены за юридический факультет. Весной 1891 года он уехал в Петербург. Писал редко. Зато подробные письма о его жизни и сдаче экзаменов приходили от Ольги. И вдруг телеграмма, где Владимир Ильич сообщал матери, что Оля в тяжелом состоянии лежит в больнице, у нее тиф. Мария Александровна не медлила ни часу. Она еще застала дочь в живых, однако дни ее были сочтены. Опять в доме траур. Дети стараются, как могут, утешить мать, но долго еще в квартире Ульяновых не будет ни смеха, ни шуток, ни пения.

Оля была олицетворением энергии, жизнерадостности, благожелательности. Все прочили ей самую блестящую будущность.

В 1977 году в «Правде» были опубликованы новые материалы об Ульяновых и в том числе письмо соученицы Ольги Ильиничны по Бестужевским курсам Веры Емельяновой, написанное ею брату после смерти Ольги: «О, Арсений, если бы ты знал, что за человек была Ульянова. Сколько надежд на нее возлагалось! Смело можно сказать, что в лице Ульяновой Россия лишилась одного честного, неутомимого деятеля-женщины. Об Ульяновой я, кажется, говорила с тобой, что это был человек выдающегося ума, развитой, высокообразованный, талантливый... Она владела хорошо английским, французским, немецким, латинским, шведским языками, она читала лучшие сочинения по политэкономии, по социологии, удовлетворяла все просьбы «разъяснить» своих однокурсниц, хорошо шла по математическому отделению». Так пишет девушка, знавшая Олю лишь около года.

Сдав экзамены, Владимир Ильич вернулся в Самару и занял должность помощника присяжного поверенного. С марта 1892 года он стал выступать в Самарском окружном суде.

Марии Ильиничне 14 лет. Она внимательно приглядывается ко всем,

кто посещает их дом. А ведь здесь собираются все самарские марксисты — А.П.Склярченко, И.Х.Лалаянц, М.И.Семенов, А.И.Ермасов и другие. Именно в Самаре начинается активная и последовательная борьба Владимира Ильича против народнической идеологии. Он выступает с рефератами, в которых разоблачает антинаучную сущность взглядов народников, пропагандирует марксизм. Трудно было достать произведения Маркса и Энгельса, на русский язык они почти не переводились. Владимир Ильич сам делает перевод «Коммунистического манифеста», читает доклад о книге К.Маркса «Нищета философии».

Пройдут всего три-четыре года, и Мария Ильинична станет активной помощницей брата, а сейчас, в самарском доме, она пытливо прислушивается к спорам и дискуссиям. Ей еще трудно вникать в суть обсуждаемых вопросов, и все-таки она уже понимает, что Владимир, Анна и Марк Тимофеевич ведут работу, которая может стоить им жизни, что она направлена на революционное просвещение народа, ведется для блага трудящихся.

В 1893 году Дмитрий успешно закончил гимназию. Всей семьей решили, что он поступит в Московский университет на медицинский факультет.

В Москву переезжали в августе. Поселились в центре — в Большом Палашевском переулке. Рядом кипела оживленная Тверская (ныне улица Горького) — основная городская артерия, а переулок был спокойным и тихим. Правда, Марию Александровну огорчало полное отсутствие зелени, да квартира в типичном «доходном» доме казалась холодной и казенной. Мария Ильинична поступила в Елизаветинскую гимназию, считавшуюся очень хорошей по подбору педагогов.

Владимир Ильич прожил в Москве недолго — он решил перебраться в Петербург, крупнейший промышленный центр страны, где рабочие уже не раз проводили стачки и забастовки, где на основе рабочего движения наиболее быстро развивалась революционная мысль, где была наиболее подготовлена почва для создания марксистской партии.

Маняша окунулась в кипучую московскую жизнь. Со старшей сестрой и Марком Тимофеевичем она посещала прославленные московские театры и музеи, слушала концерты. Между нею и Владимиром Ильичем завязалась переписка. В каждом письме к матери или Анне Ильиничне он неизменно спрашивает о Маняше и пишет ей отдельные обстоятельные письма. Они полны заботы, нежности, тревоги за ее здоровье.

Первое из сохранившихся писем Владимира Ильича к младшей сестре датируется началом октября 1893 года. Очевидно, Мария Ильинична

подробно написала ему о жизни в Москве, о гимназии, о музеях и театрах и просила его рассказать о том, что он видел в Петербурге. Владимир Ильич пишет: «Я прочитал с интересом письмо твое от 27 сентября и был бы очень рад, если бы ты иногда писала мне.

Здесь я не был ни в Эрмитаже, ни в театрах. Одному что-то не хочется идти. В Москве с удовольствием схожу с тобой в Третьяковскую галерею и еще куда-нибудь.

«Русские ведомости» читаю в Публичной библиотеке (за 2 недели назад). Может быть, выпишу их, когда получу работу здесь. Для меня беречь их не стоит, но и рвать рано, думаю, тоже не следует: может понадобится что-нибудь интересное.

Из твоего рассказа об учителе французского языка я вижу, что московские гимназистки, если и обогнали тебя, то не на много. Вероятно, средние ученицы не лучше тебя знают? Напиши, много ли проводишь времени за уроками дома?»⁵ Это письмо адресовано уже не маленькой девочке, а вдумчивой, серьезной девушке. В письмах Ульяновых вообще нет сюсюканья, они искренни, серьезны, в каждом письме чувствуется глубокое взаимопонимание переписывающихся.

Документы позволяют нам судить же только об общности политических взглядов Ульяновых. Мы видим, как вкусы старших неизменно становятся близкими следующим по возрасту членам семьи. Сохранились записные книжки и тетради, куда Мария Ильинична в гимназические годы переписывала полубившиеся ей стихотворения. Здесь чаще всего встречаются произведения Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Майкова. Знаменитое стихотворение Языкова «Пловцы». Романс Вильбоа на эти слова так часто пел юный Владимир Ильич под аккомпанемент Ольги. И Маняша старательно переписывает в свою тетрадь это стихотворение. Тетради, заполненные округлым детским почерком, о многом могут рассказать внимательному исследователю. Нередко на их страницах можно найти «опальные» сочинения. Ульяновым такие сочинения знакомы и любимы ими. Хотя, конечно, их не показывали посторонним.

Мария Ильинична и родные боялись, что после провинциальной Самары ей будет трудно учиться в Москве. Опасения оказались напрасными, она быстро догнала подруг, однако в начале зимы Маняша заболела — простуда дала осложнение на уши. Пришлось сидеть дома. Маняша стремилась наверстать пропущенные уроки усиленными домашними занятиями. Уговоры матери не действовали. Возможно, что Мария Александровна написала об этом сыну в Петербург, да и сама Мария

Ильинична писала брату, что если учиться, то как можно лучше. В семье считалось само собой разумеющимся, что учиться надо хорошо. Трудолюбие — отличительная черта всех Ульяновых.

Сохранились два письма этого времени Владимира Ильича к сестре. 13 декабря 1894 года он пишет: «Как твое здоровье, Маняша? Мне писали, что ты уже ходишь в гимназию.

Следовало бы заставить себя гулять ежедневно часа по два. Стоит это сидеть так усердно за уроками — и портить здоровье.

Что ты подделываешь кроме гимназических занятий? Что читаешь?.. Напиши еще, если удобно, об истории в Университете с Ключевским. Говорят, он какую-то лекцию читал, потом какую-то книгу издал. Я не видал даже заглавия этой книги; интересно бы узнать»⁶. Затем Владимир Ильич спрашивает, не удалось ли достать третий том «Капитала», который ему очень нужен.

В семье Ульяновых дети выросли быстро. И Владимир Ильич не скрывает от младшей сестры своих интересов, дает ей поручения, связанные с определенным риском. Дело Ключевского вызвало много шума. Известный историк выпустил отдельной брошюрой свою верноподданническую речь «Памяти в бозе почившего государя императора Александра III». Студенты университета скупили несколько сот экземпляров, прибавили к ним напечатанную на гектографе басню Фонвизина «Лисица-казнодей». Издание, «исправленное я дополненное», не только широко распространялось по Москве, студенты во время лекции под свистки и шиканье аудитории преподнесли его самому Ключевскому. За эту демонстрацию против верноподданнического поведения известного профессора более 50 студентов было арестовано и некоторые из них были высланы из Москвы.

В следующем письме Владимира Ильича от 24 декабря говорится: «С твоим взглядом на гимназию и занятия — я согласиться не могу.

Во-первых: доктор сказал не ходить до рождества, а ты находишь, что пропускать неудобно. Пропускают ведь месяцы, не только недели: не лучше же будет, если к весне придется слечь.

Во-вторых. Ты пишешь: или совсем не учиться, а если учиться, то «все-таки не совсем спустя рукава». Мне кажется, теперь дело может идти самое большее о том, чтобы кончить»⁷.

Владимир Ильич стремится заставить ее больше бывать на воздухе, кататься на коньках. А в конце письма весьма важные строки: «Насчет Шелгунова я с тобой согласен, что некоторые вещи у него устарели. Какие

у него статьи тебе нравятся? По русским вопросам или исторические? Экономические или философские?»⁸

Николай Васильевич Шелгунов — сподвижник Чернышевского, писатель и общественный деятель — имел огромное влияние на молодежь 60 — 80-х годов. Сторонник крестьянской революции, он считал, что она послужит началом социалистического преобразования России на базе крестьянской общины. Шелгунов познакомил русского читателя со взглядами Энгельса на рабочий вопрос, писал о развитии капитализма, о росте пролетариата в России. Как литературный критик он выступал за демократическую литературу, боролся против теории «искусства для искусства». Шелгунов неоднократно подвергался арестам, дважды был заключен в Петропавловскую крепость. Все это не могло не импонировать революционно настроенной молодежи. Примечательно, что под приветствием, посланным больному писателю слушательницами Бестужевских курсов, одной из первых стоит подпись Ольги Ульяновой. Есть там и подпись Надежды Константиновны Крупской. Ее имя еще не упоминается в письмах родных, но очень скоро она войдет в эту замечательную семью полноправным членом. В феврале 1894 года уже состоялось знакомство Владимира Ильича и Надежды Константиновны.

В конце века, когда господствующим общественным течением становится марксизм, Владимир Ильич обсуждает с сестрой и достоинства и недостатки художественных и исторических работ Шелгунова.

В 1895 году Мария Ильинична окончила Елизаветинскую гимназию. Затем проучилась еще год в 8-м педагогическом классе, пребывание в котором давало звание домашней наставницы. 1895 год заканчивался в семье Ульяновых тяжело. В декабре были арестованы Владимир Ильич и другие члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Мать и старшая сестра уехали в Петербург хлопотать, чтобы его отдали на поруки до решения суда. Они ходят на свидания, носят передачи, выполняют его многочисленные поручения.

Желая быть ближе к Владимиру Ильичу, Ульяновы сняли дачу на лето 1896 года под Петербургом на берегу Финского залива. Однако прекрасная природа и морские купания мало радуют Марию Александровну и ее детей. Теперь Маняша тоже ходит на свидания с братом. Тюрьма произвела на нее гнетущее впечатление. Внешний фасад дома предварительного заключения вполне обыден и мало чем отличается от окружающих построек, только на лицах людей, входящих в его массивный подъезд, особая печать — печать тревоги и горя. Свидания разрешены лишь в присутствии конвоира. Сначала домашние новости, в которые, конечно же, вкраплены и сведения

об оставшихся на воле товарищах, об их подпольной работе. Нелегальные клички ловко маскируются под названия книг. Владимир Ильич выглядит похудевшим и бледным и все-таки, несмотря ни на что, бодр и полон оптимизма.

Мария Ильинична советуется с ним о своем дальнейшем образовании. Как и Оле, ей хотелось бы учиться на физико-химическом отделении математического факультета Бестужевских курсов в Петербурге. И она дважды подавала туда заявление, однако руководство курсов не торопится с ответом. Семья решила не покидать Москвы до объявления приговора Владимиру Ильичу, и тогда Маняша выбирает курсы Герье в Москве. 25 августа 1896 года она пишет прошение на имя директора курсов: «...Желая поступить в текущем 96 — 97 году на физико-химическое отделение математического факультета вверенных Вам курсов, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство принять меня в число слушательниц...»⁹

Эти двухгодичные курсы были открыты в Москве вслед за Бестужевскими курсами в Петербурге профессором В.И.Герье, который выступал как активный поборник женского образования. Сам он читал на курсах цикл лекций по русской истории. Мария Ильинична поступила на физико-математическое отделение. Несмотря на ряд ограничений при поступлении (высокая плата — 50 рублей, необходимость представить документ, что слушательница имеет достаточное материальное обеспечение), на курсах собиралась передовая часть женщин-интеллигенток. Только высшее образование, по мнению многих, давало возможность участвовать в дальнейшей работе на благо народа. Многие курсистки были участницами различных нелегальных кружков, где получали обширные политические и социологические знания.

13 февраля 1897 года Ленину был объявлен приговор — три года сибирской ссылки. 18 февраля он приехал в Москву попрощаться с семьей. По просьбе матери ему разрешили ехать в Сибирь не по этапу, а за свой счет. Владимир Ильич договорился с Анной Ильиничной и Маняшей, что они будут пересылать ему необходимую периодику и книги, а также поддерживать связь с товарищами.

За пять дней пребывания в Москве Владимир Ильич находит возможность позаниматься в Румянцевской публичной библиотеке — в разгаре его работа над капитальным трудом «Развитие капитализма в России». Мария Ильинична сопровождает брата, и они делают необходимые выписки «в две руки». Владимир Ильич показывает сестре, как надо систематизировать материал, где выписывать дословно положения

автора, а где давать суммарные данные и т.д. Он с благодарностью принимает предложение сестры делать эти выписки и впредь из тех газет и журналов, которые не удастся переслать в далекую сибирскую ссылку.

Пять дней пролетели незаметно. Сборы кончены. Владимиру Ильичу пора уезжать. Еще и еще раз поражается Мария Ильинична неиссякаемому мужеству матери, ее сдержанности, полному достоинству спокойствию. Ни дома, ни на вокзале не было слез, хотя дочь знала, что эти ночи мать почти не спала. Она перебирала и укладывала вещи сына, проверяла и перепроверяла, какие куплены и уложены продукты. Что-то чинила, штопала. Мария Ильинична понимала, что Мария Александровна старается этой работой отогнать горькие думы.

Пришел день отъезда. Марк Тимофеевич уже отправил багаж. Решено всей семьей проводить Владимира Ильича до Тулы и хоть на какое-то время оттянуть разлуку. «Если здоровье позволит, — сказала Мария Александровна, — приеду я к тебе летом с Маняшей. Только бы не отправили тебя на Север». Ведь вопрос о месте ссылки должен был решать красноярский губернатор. Незаметно доехали до Тулы. Последние объятия, напутственные пожелания. Прозвучал станционный колокол, и поезд увез Владимира Ильича.

Многим сверстницам Марии Ильиничны показались бы чуждыми и непонятными те дела, которыми она занималась. Ее день был заполнен до предела. Утром — занятия на курсах. Она ставит опыты в лаборатории, ходит на лекции. И не только на физико-химическом отделении. Она прослушала лекции по новой философии, которые читал профессор А.И.Введенский. Целую тетрадь занимает конспект этих лекций. Отличительные черты новой философии, изложение взглядов Р.Декарта, Арнольда Гейлинкса (Голландия), Николая Малебранта, Спинозы и др.

Занятия на курсах постепенно перестают ее удовлетворять, и в переписке с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной все чаще она выражает желание продолжить свое образование в одном из европейских университетов.

Ее можно почти ежедневно видеть в читальном зале Румянцевской библиотеки. Делая выписки для брата, она постигает сложности политической экономии. Вечерами она посещает студенческие кружки, а в свободное время ходит в театры, музицирует. Ее игра доставляет много радости матери, и Мария Ильинична разучивает ее любимые вещи — Бетховена, Чайковского, Вагнера. Нередко играют в четыре руки — Мария Александровна то со старшей, то с младшей дочерью.

Мужание

Весна в Москве была ранней, в арбатских двориках цвела сирень всех оттенков. Мария Ильинична готовилась к экзаменам, много занималась. Вечерами они с матерью гуляли по тихим изломанным переулкам, беседовали, обсуждали полученные из Сибири письма. Мария Александровна прекрасно понимала, что младшая дочь тоже втянулась в подпольную работу, но не делала никаких попыток отговорить Маняшу, удержать ее подле себя, ничем не проявляла своей тревоги. Интересно, что несколько позднее, в разгар революционного движения, когда для всех, в том числе и врагов, станет ясна роль и значение Ленина в русском и международном социал-демократическом движении, департамент полиции заведет специальное «дело» и на его мать — вдову действительного тайного советника Марию Александровну Ульянову. Нет, полиция не думает, что она состоит в какой-либо организации, но чиновники департамента убеждены, что мать в курсе всех событий в жизни детей. Поэтому с таким усердием на протяжении почти двух десятков лет будут перлюстрировать ее переписку с детьми, выискивать в безобидных фразах другой, тайный смысл, брать на заметку каждое новое появившееся в переписке имя.

А письма в маленькую арбатскую квартиру приходят почти каждый день. Далеко не все их можно переслать в Сибирь, да многие из них интересны для Владимира Ильича лишь каким-нибудь одним сообщением или фактом. Мария Ильинична усердно делает выписки или пересказ всего, что может пригодиться брату.

Об этом говорят следующие строки из письма Владимира Ильича матери (26.III.97): «Очень благодарю Маняшу за ее письмо и за экстракты из полученных писем. Прилагаю здесь ответ на один из этих экстрактов — пусть Маняша распорядится с ним по-прежнему. Я рассчитываю еще поэксплуатировать ее и по письменной части и даже по литературной»¹⁰.

У Марии Ильиничны выработалось еще одно правило — возить письма на вокзал и сдавать к моменту отправления почтового поезда. Это сокращало время доставки письма адресату и ограждало от «любопытства» московской полиции. Маняша наизусть знала расписание поездов, где были почтовые вагоны.

Каждый день все с нетерпением ждали прихода почтальона. Получивший письмо отправлялся к себе в комнату, наедине прочитывал

его, а затем все собирались вместе и вслух читали то, что интересно всем членам семьи.

Мария Ильинична переписывается и с Надеждой Константиновной Крупской, с которой познакомилась в Петербурге после ареста Владимира Ильича. Между ними как-то сразу установились теплые, дружеские отношения, и Маняша была искренне рада, узнав, что брат сделал ей предложение. Порывистая, но несколько замкнутая Маняша, очень осторожно привыкавшая к людям, — ей на всю жизнь запомнилось отчуждение бывших подруг от сестры Оли после казни Александра — сразу приняла Надежду Константиновну и как жену брата и как товарища по борьбе.

Выпущенная из тюрьмы на поруки после Ветровской истории¹¹, Надежда Константиновна ждала приговора и обивала пороги департамента полиции, прося разрешения последовать за женихом в село Шушенское. Идет время, а приговора все нет. «Относительно моего отъезда... Ничего я, Маня дорогая, не знаю. Тут живет одна дама из Минусинска, она говорит, что ехать позднее 10-го — 12-го числа нельзя уже будет — рискуешь застрять по дороге. Я все надеялась, что приговор будет объявлен 4-го марта, и тогда мы бы выехали 10-го вечером. Но приговор отложили до 11-го марта... Завтра пойду опять в департамент. Так мне не хочется, чтобы моя поездка откладывалась до весны. Сегодня тороплюсь очень, а завтра вечером напишу Анне Ильиничне и расскажу о результатах моего путешествия в департамент. Завтра же буду просить там свидания с Кубой, а то уж больно обидно уезжать, не повидав ее ни разу.

Крепко целую. Н.Крупская».

Разрешение отбывать ссылку в Шушенском было получено. По пути в Сибирь Надежда Константиновна с матерью остановилась в Москве у Ульяновых.

Семья приняла горячее участие в сборах и проводах. К багажу, привезенному из Петербурга, прибавилось немало заказанных Владимиром Ильичем книг и различных «гостинцев», которые посылала ему мать.

Крупские уехали. Мария Ильинична по-прежнему выполняет многочисленные поручения брата, покупает и пересылает книги и журналы, ей он доверяет корректуру целого ряда своих статей, через нее поддерживает связи с оставшимися на свободе товарищами.

Для матери и сестер письма Крупской из Шушенского — окно в тот мир, где живет Владимир Ильич. В Москве их читают и перечитывают, так как Надежда Константиновна подробно пишет о самых различных сторонах ссыльного бытия. Письма самого Владимира Ильича строго

деловые, а родным хочется знать как можно больше о жизни сына и брата.

Мария Ильинична была в курсе всех подпольных связей брата. Ей не надо расшифровывать партийных кличек. Она знает, что Куба — это Аполлинария Якубова, что В.В. — это народник Воронцов, что Schwester — это сестра Кржижановского, Булочка — З.П. Кржижановская и т.д.

В своей автобиографии Мария Ильинична указывает 1898 год как год вступления в РСДРП. В этом же году ее имя впервые встречается в полицейских донесениях. 2 февраля 1898 года в квартире одной из курсисток, Анисимовой, по Большой Грузинской улице состоялась сходка учащихся курсов Герье. Среди участников доносчик указывает и М.И. Ульянову, сообщая также ее адрес: Собачья площадка, дом Романовых, кв. 4. Теперь слежка ведется и за самым младшим членом семьи Ульяновых, но пока это делается «профилактически», на всякий случай.

Растет число и марксистских кружков. Марксизм идет на смену народничеству. В Москве, как и в Петербурге, он завоевывает все больше сторонников среди передовой интеллигенции, рабочих.

Еще нет единой организации, каждый кружок ведет работу на свой страх и риск, но рабочие тянутся к занятиям, а интеллигенция начинает видеть в рабочих ту силу, которая сможет сокрушить царизм.

Мария Ильинична посещает кружки, сходки, диспуты, выполняет задания Московского комитета РСДРП. Связи с ним искать не требуется: в первый состав комитета вместе с П.В. Луначарским и М.Ф. Владимирским вошла Анна Ильинична.

В хлопотах и заботах незаметно подошла пора выпускных экзаменов на курсах Герье. Мария Ильинична, которая все два года занималась систематически и с большим удовольствием, экзамены сдала успешно. Когда собрались за столом, чтобы в семейном кругу отметить это событие, первую трудную преодоленную ступень, снова поднялся вопрос, уже не раз обсуждавшийся: что же дальше? Диплом давал звание домашней учительницы и лаборанта. С ним, конечно, можно было бы где-то устроиться, но Марии Ильиничне ее знания кажутся недостаточными. Многие из ее сокурсниц собираются довершить образование в каком-либо из европейских университетов. Друзья советуют ехать в Бельгию, так как Брюссельский университет считается одним из лучших, да и материально там жить легче, а это немаловажный фактор для Марии Ильиничны. Хотя и мать, и Аня, и Марк Тимофеевич убеждают ее, что посылать необходимую сумму, чтобы платить за учение и жить в Бельгии, им будет нетрудно, Маняша знает, что Марк ради этого поедет в какую-нибудь дальнюю командировку, а мать будет экономить каждую копейку из своей

вдовой пенсии.

Вся семья голосует за продолжение образования. Одобряя намерение сестры, Владимир Ильич пишет из Шушенского: «План Маняши ехать в Брюссель мне кажется очень хорошим. Вероятно, учиться там можно лучше, чем в Швейцарии. С французским языком она, вероятно, скоро справится... У Нади есть знакомый, который лет 5 жил в Бельгии и теперь собирается опять туда (в Льеж) из России. Женат он на одной близкой Надиной приятельнице. Надя пишет сегодня ей, прося отписать Маняше (в Подольск) все сведения и адреса, которые могут быть ей полезны»¹².

В Льеж уезжали Мещеряковы. Анну Ивановну и Николая Леонидовича уже много лет знала Надежда Константиновна. Вместе с Анной Ивановной она преподавала в вечерней воскресной школе для рабочих на Охте.

Всегда тревожно надолго уезжать от родных, тем более если это дальняя поездка за границу, а путешественнице только 20 лет. Заграничный паспорт получен без затруднений, у полиции еще нет оснований для отказа. Мать, как всегда, спокойно, несуетливо помогает ей собраться, едет провожать. Глядя на родных из окна вагона, Мария Ильинична особенно ясно увидела, как за последние годы постарела мать. Волосы совершенно побелели, голова чуть заметно трясется. Но прекрасные карие глаза по-прежнему молоды. Сейчас она быстрыми шажками, поддерживаемая Марком Тимофеевичем, идет за движущимся вагоном. Остановилась, и дочь поняла по губам: «Береги себя!» Сколько раз мать провожала детей этими словами!

Бельгия встретила путешественницу ярким солнцем и многоцветьем старинных домов. На перроне Мария Ильинична увидела знакомую курсистку, с которой предварительно списалась. Она уже нашла небольшую удобную комнатку неподалеку от Нового университета. Хозяйка оказалась милой, разговорчивой женщиной.

Ульянову зачислили на химико-физический факультет Нового брюссельского университета. Марии Ильиничне очень понравилось старинное, но удобное здание, она пришла в восторг от оборудования лаборатории. В коридорах и аудиториях можно было встретить выходцев из самых разных стран. Нередко звучит здесь и русская речь.

Первые дни Мария Ильинична посвятила знакомству с городом. После петербургских проспектов и уютных московских улиц Брюссель кажется ей городом из сказок Андерсена. Дома вытянуты вверх и тесно прижаты друг к другу. Окрашенные в яркие светлые тона, они делают улицу праздничной. Островерхие крыши покрыты черепицей. В лабиринте узких улочек легко затеряться, и все-таки хочется бродить и бродить по ним, стараясь угадать,

что там, за очередным поворотом: новая чистенькая улица, готическая суровая церковь или уютная площадь, украшенная фонтаном?

Поначалу письма Маняши из Бельгии были восторженными. Ее огорчает лишь то, что она пока с трудом понимает лекции. Ведь у нее не было случая попрактиковаться во французском языке. Кроме того, в Бельгии говорят с особым акцентом. Писем Марии Ильиничны того периода сохранилось мало, но о ее жизни в Брюсселе можно узнать кое-что по ответным письмам родных. 18 сентября Мария Александровна пишет дочери: «Получила вчера последнее письмо твое, дорогая моя Маня, и читала его уже сама с большим удовольствием.

Очень рада, что тебе нравится там! Я вполне надеюсь, что чем дальше, тем более ты будешь привыкать и понимать лекции — упражняйся и говори больше, ведь только начало трудно — и тем больше интереса будешь находить. Мой совет — не разбрасываться, а держаться той специальности, которую ты выбрала первоначально...»¹³

31 октября Марии Ильиничне отвечает старшая сестра. «Так приятно слышать, что ты чувствуешь себя хорошо там и что у тебя такие милые подруги, — хотелось бы познакомиться с ними... Очень рада была слышать, что ты начала уже понимать на лекциях, что увлекаешься ими. Какие симпатичные все профессора по твоему описанию!...»

Марии Ильиничне нравится работать в лаборатории, нравится, что многие препараты по правилам университета необходимо готовить самим. По совету матери она сшила себе клеенчатый фартук, предохраняющий одежду от реактивов. Из скромных средств, которые присылает мать, Мария Ильинична выкраивает деньги на дополнительные занятия по химии и биологии, берет уроки французского языка. Чтобы удешевить жизнь, она с подругой сама готовит по очереди еду.

На факультете много девушек из разных стран и несколько человек из России. Мария Ильинична быстро прижилась в русской колонии. Она изучает древний прекрасный город, богатейшие музеи. Позволяет себе посещение театров и концертов, хотя для этого иногда приходится урезывать и без того скромный рацион питания.

Владимир Ильич не преминул воспользоваться пребыванием сестры в Бельгии. 11 ноября он пишет ей из Шушенского: «Получили мы, Маняша, твое письмо и были ему очень рады. Взялись сейчас за карты и начали разглядывать, где это — черт побери — находится Брюссель. Определили и стали размышлять: рукой подать и до Лондона, и до Парижа, и до Германии, в самом, почитай, центре Европы... Да, завидую тебе. Я в первое время своей ссылки решил даже не брать в руки карт Европейской России и

Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки. Ну, а теперь ничего, обтерпелся и разглядываю карты более спокойно... Насчет газет и книжек, пожалуйста, добывай, что можно. Каталоги присылай всяческие и букинистов и книжных магазинов на всех языках. Хотел было даже сегодня дать тебе одно порученьце, да решил уже отложить пока до следующего раза. Напомню, что писал тебе или Ане прошлый год, именно, что из газет бывают часто особенно интересны официальные органы, содержащие стенографические отчеты о прениях парламентов. Если ты разузнаешь, где продают эти газеты (есть ли в Брюсселе только бельгийские или и французские и английские?), и будешь присылать интересные номера (ты ведь следишь за газетами, надеюсь?), то это будет очень хорошо. Советую тебе не ограничиваться бельгийскими газетами, а выписать еще какую-нибудь немецкую: и языка не забудешь, и материал для чтения получишь прекрасный; а цены на газеты не высокие»¹⁴.

Все эти поручения Мария Ильинична выполнила скрупулезно. В Россию, в далекую Сибирь идут посылки и бандероли, которых там ждут с нетерпением.

Владимир Ильич дарил сестре все написанные им книги, и это была не только дань родственной любви, но и благодарность за помощь, которую она оказывала ему.

В очередном письме из Шушенского Владимир Ильич сообщает: «Получил, Маняша, от тебя каталоги. Большое merci за них... Собираюсь прислать тебе список книг, которые желал бы приобрести. Напиши, ознакомилась ли ты с Брюсселем вообще? с книжным и книгопродавческим делом в частности? Интересно бы почитать стенографические отчеты о некоторых интересных прениях и парламентах. В Париже, например, их можно найти в «Journal officiel», который продается, конечно, и отдельными номерами. Не знаю, можно ли его достать в Брюсселе? Вероятно, и в бельгийской правительственной газете печатаются такие же отчеты. Где ты достала английские каталоги? есть ли в Брюсселе книжные английские магазины, или ты выписала из Лондона?..

Если попадется у букинистов литература по экономии сельского хозяйства во Франции, Англии и т.п. (сельскохозяйственная статистика, enquete'ы, отчеты английских комиссий) или по истории форм промышленности (между прочим, Babbage, Ure, — старинные писатели по этому вопросу), то приобрети, буде цены умеренные.

Много ли у тебя работы? Когда думаешь ехать домой?»¹⁵

Марию Ильиничну вскоре хорошо узнали продавцы окрестных газетных киосков и книжных магазинов. Ее встречали благожелательными улыбками и неизменно оставляли *pour mademoiselle russe* (для русской барышни) те газеты и журналы, которые она обычно покупала, приберегали для нее специальные и редкие издания. Подчас она сразу получала целую кипу газет и журналов, отдав за них деньги, предназначенные на питание за неделю.

Мария Ильинична окунулась в бурную общественную жизнь Бельгии.

Мещеряковы, да и сокурсницы помогли ей связаться со студенческими и социал-демократическими кружками, изучающими социологические и политические вопросы. Она нечасто вступает в споры, но всегда внимательно выслушивает разные мнения и делает выводы.

Так непривычны для русских никем не разгоняемые демонстрации, митинги, манифестации. Рабочие открыто выражают свои требования — улучшение экономических условий жизни и труда. Правда, пока это лишь экономические требования, о политических речи нет.

Вместе с подругами Мария Ильинична посещает народные праздники и гулянья с участием народных хоров. Наблюдает жизнь народа. Европейские рабочие производят впечатление более культурных, чем русские, они держатся свободнее. От ее зоркого глаза не ускользает и налет успокоенности, который лежит на многих слоях обеспеченной части бельгийских рабочих. Эти-то слои и питают оппортунизм.

Она все свободнее чувствует себя в Брюсселе, языковой барьер исчез. И именно здесь, в столице Бельгии, родилась в ней тяга к литературному творчеству. Мария Ильинична решила попробовать свои силы в переводах с немецкого и французского языков, тем более что подходящего материала очень много. Для перевода она подбирает хорошо написанные остросоциальные или романтические рассказы. Ей хочется, чтобы переводы понравились читателю и пробудили определенные мысли и настроения. Конечно, она советуется сродными, да и пристроить переводы можно в России только с помощью знакомых — ведь в журналах и газетах к незнакомым молодым авторам относятся с недоверием. Ей важно мнение матери и сестры о качестве проделанной ею работы, она доверяет их литературному вкусу и знанию языков.

Мария Александровна довольна дочерью и всячески поддерживает ее: «Перевод твой получили еще 28 и читали вместе за чаем — и Маруся была у нас — всем понравился, — пишет она. — Прекрасно делаешь, что практикуешься в переводе, хвалю за это и советую продолжать. Эту статейку надеются пристроить где-нибудь. Присылай еще».

Матери вторит Анна Ильинична: «Сказочку твою мне было очень приятно получить; радуюсь твоим успехам во французском языке: ты перевела ее премило, и слог очень хорош, особенно для первого перевода. Я сделала несколько небольших поправок, и мамочка переписывает ее теперь».

В архиве сохранился ряд переводов, сделанных Марией Ильиничной, и среди них древнеегипетская сказка «Перстень Гаруа». Мария Ильинична сумела передать аромат романтического стиля восточного повествования. Первая удачная работа свидетельствует и о хорошем знании иностранных языков, и о незаурядных литературных способностях переводчика.

Так у Марии Ильиничны появилось увлечение, которое сохранится и позднее.

Год, прожитый в Брюсселе, дал ей очень много. Однако ее перестают удовлетворять лекции целого ряда профессоров. Слишком они сухи, академичны. Мария Ильинична делится своими сомнениями со студентами. Многие из них прослушали курс уже в нескольких университетах. Особенно хвалят университет в Льеже. Мария Ильинична просит совета у самого близкого человека — матери. Мария Александровна советует не торопиться, не доверять чужому мнению, а самой съездить в Льеж.

Мария Ильинична поехала в Льеж на несколько дней, прослушала ряд лекций, посмотрела лаборатории. И было решила остаться здесь, но, когда выяснила, что срок обучения в Льежском университете не три года, как в Брюссельском, а четыре, то вопрос о переезде сразу отпал. Прожить лишний год вдали от семьи, родины, от партийной работы Мария Ильинична считает невозможным.

Приближались каникулы. Оба семестра Мария Ильинична закончила успешно. Сдав экзамены и зачеты, она еще несколько дней прожила в Брюсселе — выполняла поручения брата, покупала книги, журналы, газеты и маленькие подарки для родных. Наконец тронулась в обратный путь, домой. Глядя в окно на уплывающий город, она, конечно, не могла и подумать, что никогда больше не вернется в ставшие привычными аудитории и лаборатории Брюссельского университета.

Встреча с матерью, Анютой, Дмитрием и Марком Тимофеевичем была радостной. Семья жила в Подольске, так как Дмитрию Ильичу, участвовавшему в революционном движении, проживание в Москве было запрещено.

Нет конца рассказам и расспросам. Внимательно перечитывает Мария Ильинична письма Владимира Ильича из Шушенского. Отдых в Подольске

был недолгим. Через несколько дней она отправилась в Москву по адресу, указанному Аней. Это было началом ее активной работы в Московской социал-демократической организации.

Московский комитет РСДРП стремился наладить связи с кружками, которые имелись на предприятиях города и губернии. Кружки эти занимались главным образом распространением нелегальной литературы, пропагандой. МК РСДРП выпустил несколько прокламаций в помощь кружкам, даже начал выпускать газету «Волна», но вышло всего два номера.

Как и в других организациях, в Московской идет борьба с «экономизмом». Среди руководителей рабочих кружков встречалось немало сторонников этого течения. Они увлекались агитацией на почве лишь экономических требований, защищали раздробленность и кружковщину. Массовые аресты среди революционных социал-демократов способствовали усилению «экономизма» в рабочем движении.

В такой сложной обстановке начинает Мария Ильинична свою деятельность в Московской организации РСДРП. Каждый день уезжает в город — встречается с товарищами на конспиративных квартирах, участвует в создании подпольной типографии, в работе кружков, распространяет нелегальную литературу.

Осложняло работу в Москве и еще одно обстоятельство. В то время во главе Московского охранного отделения стоял полковник Зубатов. Он содействовал распространению среди рабочих популярной литературы «экономистов», основательно наладил слежку за революционерами, а главное — широко раскинул сеть провокаторов в социал-демократических кружках. Некоторые из них были связаны только с ним и так засекречены, что разоблачили их долгие годы спустя. Лишь после революции была расшифрована некто Серебрякова, на квартире у которой бывали руководители московской организации. Встречалась с ней и Анна Ильинична, но поспешила оборвать знакомство, почувствовав фальшь в поведении Серебряковой. Это спасло Анну Ильиничну от ареста, когда 30 сентября 1899 года по всей Москве прошли повальные обыски и аресты среди членов Московского комитета РСДРП. Однако арестовали Марию Ильиничну: при обыске у членов организации сестер Караваевых нашли ее письмо.

В квартире Ульяновых тщательнейшим образом был произведен обыск, жандармы отобрали все, что казалось предосудительным. За Марией Ильиничной впервые захлопнулась дверь тюремной камеры. Улики были слабые, поэтому и донесение охранного отделения составлено на

основе общего характера деятельности М.И.Ульяновой: «...Мария Ильинична Ульянова давно замечена Московским охранным отделением в сношении с лицами политически неблагонадежными и, кроме того, известна как участница вечеринки, устроенной 2 февраля минувшего года в пользу кассы «Рабочего Союза». Ввиду всего сказанного, предположение о прикосновенности Марии Ульяновой к делу хранения нелегальной типографии... является вполне основательным»¹⁶. Этих предположений оказалось недостаточно для тюремного содержания. В октябре Марию Ильиничну высылают в Нижний Новгород под особый надзор полиции.

Понимая, что полиция не имеет против нее веских материалов, она пишет прошение о возвращении в Москву. Документ этот аккуратно подшит в дело. Марии Ильиничне 21 год, она уже прошла хорошую школу конспирации. У нее прекрасные «консультанты» — Владимир, Анна, Марк Тимофеевич. В своем прошении она пишет: «...Ничего нелегального я у себя же имела. (Ничего не было найдено. — Авт.) Из бумаг, отобранных у меня, занесены в протокол: 2 лекции: Вандервельда по социализму в Бельгии; выписки из немецкой книги Эдуарда Бернштейна, приобретенной в магазине Ланге, из одного каталога для систематического чтения, из некоторых русских журналов, а также из французской газеты «Reforme», отрывок сделанного мною для упражнения перевода из книги Чернышевского «Lettres sans adresse» и наброски повести. Затем, купленное мною на улице в Брюсселе стихотворение «Le drapereau noir», приобретенная там же группа, где помещены фотографии троих из профессоров Брюссельского университета и «Stammbaum des modernen socialismus», таблица демократических учений, начиная с древнейших времен и до наших дней, купленная мною по возвращении из Брюсселя в Берлин»¹⁷.

Мария Ильинична упорно подчеркивает, что все отобранные у нее материалы куплены вполне законным путем, в основном, конечно, за границей, где свободно продаются. Она даже указывает магазин, где приобрела книгу Бернштейна. Поэтому поднадзорная Мария Ульянова просит не только разрешения вернуться в Москву к семье, но и вернуть ей отобранную при обыске литературу.

Два месяца полиция следит за каждым ее шагом в Нижнем Новгороде, еще и еще раз проверяет ее связи в Москве. Жандармам нужны какие-либо новые, более веские компрометирующие Марию Ильиничну сведения. Усердие полицейских ищек напрасно, и наконец ей разрешают вернуться в Москву и жить с матерью. Но полиция ликвидировала ее заграничный паспорт, и не может быть речи о его восстановлении, поэтому с

Брюссельским университетом ей пришлось проститься навсегда. Мария Ильинична не намерена жить на средства матери или старшей сестры. Она понимает, что нужна работа, которая, отнимая минимум времени и сад, вместе с тем дала бы возможность встречаться с товарищами, служила бы надежным прикрытием нелегальной деятельности. Мария Ильинична устроилась счетоводом в Управление Московско-Казанской железной дороги.

Здесь всегда «толчея непротолченная». Среди многочисленных посетителей легко затеряться связному партийного комитета, всегда есть возможность передать сверток с листовками или нелегальной литературой, записку или письмо.

Аресты осенью 1899 года пробили большую брешь в Московской социал-демократической организации, однако постепенно связи восстанавливаются, работа становится более активной.

Маняша вернулась в Москву в январе 1900 года, а в феврале возвратился наконец из ссылки Владимир Ильич. Он собирался за границу, чтобы там наладить издание общероссийской партийной газеты. Жить в столицах и крупных промышленных городах ему запрещено, потому Владимир Ильич решил до отъезда за границу обосноваться во Пскове. Не ставя в известность полицию, он несколько дней прожил у родных в Москве. Радостным разговорам не было конца. Мать не может насмотреться на сына, которого не видела три года. Сияют глаза сестер. Пошли разговоры о партийной работе, о будущей газете.

Зубатов доносит в департамент полиции: «...В здешнюю столицу (Москву) приехал известный по литературе (под псевдонимом «Ильин») представитель марксизма, Владимир Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири, и поселился тоже нелегально в квартире сестры своей Анны Ильиничны Елизаровой, проживающей в доме Шарапова по Бахметьевской улице вместе с мужем своим Марком Тимофеевичем и сестрой Марией Ульяновой (все трое состоят под надзором полиции). Последняя из упомянутых 17 числа свела своего брата Владимира на Мещанскую улицу, где указала ему дом Гельбрас, куда он и зашел — здесь квартирует приятель его, негласно надзорный, инженер-технолог Герман Борисов Красин и жена последнего Екатерина Васильевна». Затем отмечается, что в квартиру Елизаровых, когда там были Владимир Ильич и Мария Ильинична, приходил И.Х.Лалаянц.

Мария Ильинична в курсе планов брата и выполняет труднейшие и опаснейшие задания — связывает Ленина с нелегальными работниками партии в Москве. Действуют и партийные «цепочки»: документы и устные

договоры передаются от товарища к товарищу. Каждый связной знает не более 2 — 3 человек.

Приехав в Псков, Ленин проводит там ряд совещаний с товарищами-марксистами, где обсуждается организационный план построения «Искры», распределяются функции тех, кто остается в России, и тех, кто может выехать за границу.

Срок ссылки Надежды Константиновны еще не кончен. Ей разрешен переезд в Уфу, и туда перед отъездом за границу едет Владимир Ильич.

В июне 1900 года по дороге в Уфу он остановился в Москве и почти две недели прожил вместе с семьей в Подольске.

К Владимиру Ильичу приезжают товарищи. Еще и еще раз оговаривают все вопросы, связанные с изданием газеты. Мария Ильинична каждое утро уезжает в Москву на службу и выполняет, как обычно, партийные поручения Владимира Ильича — перевозит его письма и записки, достает необходимую литературу и спешит в Подольск: она дорожит каждой минутой, проведенной вместе с любимым братом. Мария Александровна с нежностью смотрит на детей, собравшихся за вечерним чаем: они молоды, полны сил, оживленны. Они не скрывают от нее своих мыслей и своей работы, и она разделяет их взгляды, помогает им как может. Сейчас, слушая, как Марк Тимофеевич запекает «Дубинушку», а все остальные подхватывают песню, она старается отогнать мрачные мысли. Маняша аккомпанирует певцам и улыбается матери, затем переводит взгляд на энергично дирижирующего Владимира. Все понимают, как недолго им осталось быть вместе.

В июле Владимир Ильич уехал за границу.

Создание газеты предполагало большую работу в России — организация сети корреспондентов, агентов газеты, подготовка пунктов для ее приема и много других дел.

Мария Ильинична получила наказ брата — она должна собирать материал для будущей газеты, готовить рабочих корреспондентов для нее, так как сила «Искры» в местном актуальном материале.

Московская организация РСДРП начинает действовать более активно. Осенью 1900 года группа социал-демократов, руководимая Марией Ульяновой, написала и сумела размножить на гектографе прокламацию «Memento!» («Помни!»). Необходимость такой прокламации, обращенной к демократическому студенчеству, была вызвана распространением работ Э.Бернштейна, ревизующих марксизм. Советуя молодежи с большой осторожностью относиться к современным критикам марксизма, прокламация давала политическую оценку выступлениям против Маркса

Эдуарда Бернштейна и его соратников. Одновременно она призывала молодежь к активной борьбе «за лучший строй жизни против унижительного бесправия всего нашего общества»¹⁸.

Постепенно в руках Марии Ильиничны сосредоточиваются и московские связи, и связи с организациями целого ряда городов.

Получая материал для «Искры» из различных социал-демократических организаций, Мария Ильинична со всеми необходимыми предосторожностями пересылает его Владимиру Ильичу за границу. Почта к Ленину проходила несколько этапов: сначала корреспонденция следовала в Прагу на имя рабочего Яна Модрачека, тот пересылал ее в Мюнхен на имя хозяина пивной г.Ритмейера, а уже Ритмейер направлял ее в Лейпциг к Владимиру Ильичу.

Ленин с нетерпением ждал из России заметок, статей, корреспонденций. Мария Ильинична регулярно отправляла материал. Она сумела связаться с одним из выдающихся рабочих-революционеров, учеником Владимира Ильича Иваном Васильевичем Бабушкиным. Все Ульяновы хорошо знали и любили Ивана Васильевича. Мария Ильинична восстановила его связь с Лениным, и уже в четвертом номере «Искры» была помещена корреспонденция Бабушкина о порядках на фабриках Морозовых в Орехово-Зуеве. Затем его статьи печатались почти в каждом номере ленинской газеты за 1901 год.

Если найти корреспондентов, собрать материалы было сложно и трудно, то не менее сложно и трудно было переправить собранное за границу. Оказии случались нечасто. Доверить материал можно было не каждому, ведь «курьер» должен быть абсолютно «чистым» в глазах полиции, чтобы избежать досмотра багажа на границе.

Способы пересылки материала изобретаются самые разные. В конце 1900 года появился «Манифест» складывавшейся в это время из народнических кружков и групп мелкобуржуазной партии (организационно она оформилась в 1902 году в получила название партии социалистов-революционеров). Ознакомившись с ним, Мария Ильинична поняла: «Манифест» нужно переслать Ленину. Как это сделать? Задумавшись, шла она по оживленной Тверской. В одной из витрин ее внимание привлек великолепный альбом в прекрасном сафьяновом переплете с тисненными золотом виньетками и позолоченными застёжками. Стоил он дорого, но Мария Ильинична решительно выложила требуемую сумму. Несколько дней понадобилось на то, чтобы собрать около полусотни различных семейных фотографий, а затем несколько вечеров они с Митей и Марком клеивали листки с текстом эсеровского манифеста в паспорту фотографий

и заполняли ими альбом. «Вот родственничков развелось, всех не упомнишь», — смеялся Марк Тимофеевич, сочиняя очередную «дарственную» надпись на фотографии.

Владимир Ильич, получив подарок, пишет Марии Александровне: «Шлю большой привет Мите и Марку, а Маняшу очень благодарю за присланные книги и особенно за чрезвычайно красивые и интересные фотографии, посланные кузенком из Вены; очень желал бы почаще получать такие подарки»¹⁹. В пятом номере «Искры» была помещена статья Г.В. Плеханова, посвященная этому «Манифесту», — «Новое вино в старых мехах».

В декабре 1900 года увидел свет первый номер ленинской «Искры», газеты, которая сыграла решающую роль в создании революционной партии в России. В Германии Ленин и Крупская читали и перечитывали пахнущие типографской краской листы. Тонкие спрессованные пачки газет прятали в чемоданы с двойным дном и разными путями отправляли в Россию. Один из таких чемоданов о первом номере «Искры» в январе 1901 года был доставлен в Москву. Сразу состоялось собрание Московской социал-демократической организации. На собрании обсудили вопрос о пропаганде среди рабочих. Там же было решено создать партийную кассу, чтобы иметь средства на приобретение нелегальной литературы и другие партийные нужды.

Мария Ильинична стала активнейшим распространителем газеты, которую с нетерпением ждали в рабочих и студенческих кружках. Каждый номер «Искры» зачитывался буквально до дыр, так как его передавали из рук в руки, и иногда один и тот же экземпляр успевали прочитать несколько десятков человек.

Печатание газеты обходилось дорого, а партийная касса была бедна. Письма Владимира Ильича и Надежды Константиновны в Россию полны отчаянных призывов: «Денег, денег!» Нечем платить хозяину типографии, наборщикам, не на что покупать бумагу. Мария Ильинична знакомит с содержанием этих писем московских сторонников Ленина. 14 февраля 1901 года на фабриках и заводах Москвы, в университете и других учебных заведениях царило оживление — проводился сбор средств в помощь пролетарской газете. В нем участвовали все социал-демократы ленинского толка. Те, кто имел такую возможность, обращались к либеральным деятелям — адвокатам, профессорам, и нередко удавалось что-то получить. Однако такая единовременная помощь не спасала положения, поэтому в конце февраля Московский комитет принимает специальное решение о ежемесячном отчислении 50 рублей в фонд «Искры». Рабочие видели в

газете своего вождя и организатора, участие в ней и материальную поддержку газеты считали своим кровным делом.

Нелегальная работа заметно оживилась. 1 марта 1901 года полиция провела новые аресты. Было схвачено более двадцати человек, в том числе и Мария Ильинична и Марк Тимофеевич. Анна Ильинична в это время находилась у Владимира Ильича в Германии, лишь это помогло ей избежать ареста. Квартира Ульяновых опустела.

Мария Александровна не находит себе места. Несколько дней она все приводит в порядок после обыска «с пристрастием». Затем начинаются ее хождения в тюрьму на свидания то с дочерью, то с зятем. Марию Ильиничну заключили в одиночную камеру Таганской тюрьмы.

При обыске полиции удалось захватить большое количество нелегальной литературы искровского направления, в том числе листовку «К студентам», изданную московскими социал-демократами. Студентов призывали к совместным с рабочими выступлениям против правительства. Самым опасным было то, что у одной из товарищей обнаружили «Общий план организации московской группы социал-демократической рабочей партии», «Устав кассы борьбы за свободу печати», а также материал, подготовленный для первого номера газеты «Рабочее слово», которая должна была быть выпущена в марте.

Одиночная камера. Серые шершавые стены, намертво прикрепленные к стенам кровать, стол, откидной стул. Мария Ильинична присела на койку, застланную грубым солдатским одеялом, и задумалась. Она перебирала в памяти недавние события, пытаясь разобраться в причинах провала, вспоминала, с кем виделась последние дни. Первые дни были особенно мучительны именно своей неизвестностью — кого арестовали, что нашли при обысках.

Одиночество — это уже наказание. Ее не вызывали на допросы, не разрешали ни прогулок, ни свиданий. Мария Ильинична понимала, что провал серьезный и кара может быть суровой. Но она давно приготовилась и к такому повороту событий. Теперь нужно лишь запастись терпением и мужеством. Она пытается выяснить, кто ее соседи и что они могут сообщить об арестах. Попытка прибегнуть к обычному способу общения заключенных — перестукиванию ни к чему не привела. Стены «Таганки» так толсты, что не пропускают негромких звуков, а если усилить стук, сейчас же открывается дверной глазок, взгляд жандарма обшаривает камеру и с тупой злобой упирается в хрупкую фигурку заключенной. По всему длинному коридору прокатывается гулкий окрик: «Прекратить!»

Окно камеры невелико, но если встать на стол, то видно

противоположные стены тюрьмы. Мария Ильинична стоит у окна часами, напряженно глядя в окна. В их темных провалах лишь неясные светлые пятна лиц. Узнать никого невозможно. И вдруг в одном из окон вспыхивает яркий лучик. «Что это может так блеснуть?» Погас, опять вспыхнул! Кто же из политических заключенных не знает азбуки Морзе?! «Всем политическим! — читает Мария Ильинична. — Передайте: в Москве арестовано 20 человек», и дальше следуют имена. В окошке, расположенном в угловой части стены, тоже вспыхнул лучик: «Мы из Екатеринослава, откликнитесь». Мария Ильинична поспешно перерыла свое имущество. Вытащила небольшое зеркальце. Увы, солнце не светит на ее сторону. Надо ждать второй половины дня.

Вскоре переговоры наладились. Утром она принимала сигналы солнечных зайчиков. После двух часов могла отвечать. «Зайчики» порхали от окна к окну. Так Мария Ильинична узнала, что, кроме Москвы, аресты произведены еще в ряде городов. И вот сидят здесь, в Таганской тюрьме, товарищи из Екатеринослава. К ним никто не приходит на свидания, никаких писем, никаких посылок. Во время первого же свидания Мария Ильинична просит мать, чтобы она сообщила находящимся на свободе товарищам, что екатеринославцев надо поддерживать. Так у арестованных из других городов вдруг оказалась в Москве масса всяких родственников: невесты, дяди, племянники, кузины и кузены. В Московское охранное отделение посыпались прошения, запросы, письма, посылки. Теперь к иногородним арестованным приходило не меньше посетителей, чем к москвичам. Запретить эти посещения жандармы не могут, так как степень родства проверить не представляется возможным, хотя жандармы отлично понимают, что все эти смущенно краснеющие «невесты», как правило, впервые видят своих женихов именно здесь, на свидании в Таганской тюрьме.

Первое свидание с матерью Марии Ильиничне было разрешено лишь 26 марта в результате нескольких прошений, поданных Марией Александровной. Сколько их на своем веку написала мать Ленина! Вот одно из них: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне свидание с дочерью моей Марией Ильиничной Ульяновой. После ареста ея, я осталась, в преклонных летах моих 67 лет, совершенно одна, совершенно убитая горем, и нравственное состояние мое страшно угнетено. Свидание с дочерью успокоит и ободрит меня, поэтому и прошу Ваше Превосходительство разрешить мою просьбу...»²⁰

«...Имею честь покорнейше просить...» — такова форма, ее невозможно обойти, но покорности-то и нет ни в Марии Александровне, ни

в ее детях. Мария Александровна с достоинством держится в присутствии полицейских чинов, ничем не выдает своего беспокойства, хотя вид дочери, которая под стать ей — подтянута, энергична, — ясно говорит о недоедании, о плохом, сыром помещении, об отсутствии необходимого движения. Мария Ильинична просит передать книги и на немецком и на французском языках. Обещает делать гимнастику и съедать все, что мать присылает. А для отдыха она вяжет — это помогает коротать время.

Весть об аресте Маняши и Марка доходит до Владимира Ильича. Он спешит ободрить их и поделиться своим «опытом» отсидки в одиночке. 19 мая он пишет сестре из Мюнхена: «Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом обратные, т.е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

Из одного твоего письма, пересланного сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже наладить некоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить еще незаметнее. Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает»²¹.

Мария Ильинична старается следовать советам брата. В тюрьме много работает: переводит, читает, вяжет. Она так же, как и брат, мужественно держится на допросах. Следовательно не помогают ни очные ставки, ни перекрестные допросы, ни информация шпики. Мария Ульянова отрицает свою принадлежность к московской группе РСДРП и отказывается признать или назвать кого-либо из своих знакомых. Вследствие ее стойкого поведения, которое было поддержано большинством арестованных, ей определено наказание — высылка под особый надзор полиции с запрещением проживать в столицах, С.-Петербургской и Таврической губерниях, университетских городах и тех местностях, фабричных районах, «...в коих пребывание ее Министерством Внутренних дел будет

признано нежелательным...»²². Так гласило секретное предписание.

За окнами тюрьмы меняются времена года, а для тех, кто сидит в одиночке, эти перемены замечаются только по цвету московского неба, видного в маленькое окошко, да по атмосфере в камере. Летняя жара раскаляет стены тюрьмы, нечем дышать, все падает из рук. Требуется колоссальное усилие воли, чтобы выполнять раз принятый режим.

6 октября за Марией Ильиничной закрылись ворота Таганской тюрьмы. Моросящий серый дождь не мог испортить ей настроения. Свобода! Свобода! Хотя полиция дала ей всего одни сутки на сборы для отъезда в Самару. Этот город она избрала местом своего проживания. Мать обо всем уже позаботилась. Вещи собраны, багаж отправлен. Мария Ильинична оживленно рассказывает о «тяжбе» с жандармами: получив имущество, отобранное при аресте, она обнаружила «пропажу» — не хватало целой пачки фотографий. «Написала я, мамочка, прошение. Думаю, а вдруг пройдет?!» До нас дошел этот документ:

«...В день моего освобождения из заключения, ведущий дознание жандармский офицер отказался вернуть мне находившиеся в моем альбоме фотографические карточки (в том числе большинство моих гимназических подруг и карточки некоторых моих родных), мотивируя свой отказ тем, что я (на допросе 4-го октября сего 1901 года) не сочла возможным называть фамилии по этим карточкам...»²³

Ей были дороги эти фотографии, она делает попытку вызволить их из архива департамента полиции, но в охранном отделении уже нет работников, которые еще 10 лет тому назад портрет К.Маркса спокойно рассматривали как портрет дедушки того или иного политического заключенного. Ведущий дознание жандарм в ответ на прошение М.И.Ульяновой дает следующее объяснение: «...М.Ульяновой при ее освобождении из-под стражи не возвращены 23 фотографические карточки (относительно лиц, изображенных на коих, Ульянова не только отказалась назвать фамилии, но и дать какие-либо указания). Вследствие того, что среди указанных фотограф. снимков оказались: карточка Николая Лопатина и группа, изображающая политических преступников: Николая Лурье, Феликса Кона, Мечеслава Маньковского, Фаддея Рехневского и Генриха Дулемба, и вне сомнения, есть карточки и других политических преступников и лиц, политически неблагонадежных (ибо только среди таковых Ульянова и вращается), то все они и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств»²⁴.

Вот так... Полиция давно уверена, что в окружении Ульяновых

верноподданных царского правительства не имеется.

Агент «Искры»

Семья опять снялась с места. С Марией Ильиничной едут мать и брат Дмитрий, только что закончивший университет в Дерпте и не получивший «пока» никакого места. Причина ясна — полицейский надзор. Может быть, в Самаре удастся устроиться, а сейчас они рады, что Дмитрий Ильич не связан работой — вместе легче обжиться на новом месте.

В Самаре, едва сойдя с поезда, они сразу попали в дружеские объятия. Их встречали Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна Кржижановские, обосновавшиеся здесь после сибирской ссылки. В данном случае конспирация была излишней, так как полиция давно знала о дружбе Ульяновых и Кржижановских.

Нанятая Глебом Максимилиановичем квартира была невелика и уютна. Устроившись, Мария и Дмитрий включаются в работу организации, которая была очень сильна в Самаре. Здесь находились многие соратники Владимира Ильича по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», окончившие ссылку, — Михаил Александрович Сильвин, Иван Иванович Радченко, Фридрих Вильгельмович Ленгник и другие. Ко времени приезда Ульяновых здесь уже действовали многочисленные рабочие и студенческие кружки, велась активная переписка с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

Самара стала одним из пунктов, куда доставлялись ленинская «Искра», издания группы «Освобождение труда» и другая нелегальная литература. Через Самару следовали партийные курьеры. Они вводили местных социал-демократов в курс заграничных дел, собирали местный материал. Сюда сходились нити из многих поволжских городов, хотя неусыпный придирчивый надзор полиции очень затруднял связь между группами. Приходилось особенно тщательно продумывать именно цепочку связи. Каждый член группы постоянно общался лишь с теми, о знакомстве с кем полиции и так было известно. Круг расширялся, постепенно охватывая самые различные слои самарского общества. Как и везде, где жили революционеры, предлоги для встреч были самыми невинными — праздники, именины, приезды родственников и т.п.

Мария Ильинична сразу начинает искать работу. В конце 1901 года она уже служит статистиком в Самарской губернской управе. Она занята всю первую половину дня. Сюда, в управу, под самыми различными предложениями к ней могли заходить товарищи. Почте доверять было нельзя, поэтому все

важные сообщения передавались непосредственно с глазу на глаз.

Ленин готовит съезд партии. Для этого нужна спаянная организация, необходимо провести огромную предварительную работу, все больше документов партийной литературы присылают в Россию нелегальным путем.

В январе 1902 года в Самаре произошло событие, имеющее колоссальное значение в истории нашей партии, — была созвана общероссийская конференция сторонников «Искры». Владимир Ильич назвал эту конференцию «основанием организации «Искры». В город на Волге съехались под разными предлогами самые активные деятели русского революционного подполья, преданные сторонники Ленина. Собрались на нелегальной квартире. Жандармам так и не удалось разгромить конференцию, здесь действовали опытные конспираторы. Все они уже долгие годы хорошо знали друг друга, что полностью исключало проникновение провокаторов. Самарцам пришлось проделать нелегкую работу, подыскивая безопасные квартиры для приезжающих, — они прибывали с фальшивыми паспортами из разных концов страны.

Все участники совещания были давно и хорошо знакомы полиции — Л.М.Книпович, Г.И.Окулова, П.А.Красиков и другие. Их одновременное появление в Самаре, будь оно замечено, вызвало бы крайние меры со стороны властей предрежащих.

Зима была суровой. С Волги дул пронизывающий ледяной ветер. Самара утопала в сугробах. Вечерами улицы вымирали, и одинокого прохожего мог заметить любой дворник, которые зачастую были платными осведомителями. Поэтому собирались днем. Каждому участнику конференции назначали определенное время появления в доме, чтобы большое количество гостей не бросалось в глаза.

После первых слов приветствий начиналось оживленное предварительное обсуждение вопросов. Вновь прибывшие рассказывали о положении на местах, обменивались партийными и личными новостями. Жизнь этих людей давно принадлежала революции, они не имели ни постоянного места жительства, ни устроенного быта, над ними неотступно висела угроза ареста. Но, собравшись вместе, они чувствовали себя счастливыми: наконец можно было выговориться, поделиться своими мечтами и планами, побыть в кругу единомышленников. Это не мешало бурным спорам при обсуждении того или иного вопроса. По окончании обсуждения опять принимались за разговоры, воспоминания, тихонечко пели запрещенные песни. Расходились поодиночке. Шли в разные концы города на свои нелегальные или полулегальные квартиры, обдумывая

обсуждавшиеся вопросы, еще раз проверяя в уме правильность принятых решений.

30 января 1902 года Зинаида Павловна Кржижановская докладывает в письме редакции «Искры»: «Ждем от Вас ответов на все уже посланные Вам запросы. А пока довожу до Вашего сведения следующий шаг в нашей деятельности.

Состоялось собрание, на котором были поставлены и обсуждены следующие вопросы: 1) Выбор членов Центрального Комитета «Искры». 2) Распределение ролей. 3) Сношения. 4) Касса. 5) Отношение к местным комитетам и группам. 6) Отношение к местным органам. 7) Отношение к съездам комитетов.

I) Выбрано 16 членов Центрального Комитета. Фамилии сообщу после, когда под руками будет шифр. Каждый член озабочивается выбором себе кандидата на случай провала...

II) Решено разъехаться в разные места: 2 — на Юг, 2 — в среднюю полосу России, 4 — на Восток, 2 — летучие агенты, один на Севере. Роли остальных еще не выяснены. Выбран секретарь ЦК и его помощник...»

Этот Центральный Комитет известен как Самарское бюро или Бюро русской организации «Искры». Секретарем избрали Зинаиду Павловну, а ее помощником — Марию Ильиничну Ульянову. Члены бюро разъехались по местам — Ф.В.Ленгник и Д.И.Ульянов уехали на юг; П.Н.Лепешинский на север; Г.И.Окулова и Е.В.Барамзин должны были работать в средней полосе, супруги Кржижановские, М.И.Ульянова и В.П.Арцибушев — на востоке европейской части России. Труднейшую и ответственнейшую роль разъездных агентов получили И.И.Радченко и М.А.Сильвин. Бакинскую нелегальную типографию «опекала» Лидия Михайловна Книпович, а Петр Ананьевич Красилов руководил транспортировкой нелегальной литературы.

Мария Ильинична с каждым годом завоевывает все больший авторитет у товарищей. Ее самоотверженность, преданность общему делу, богатая эрудиция и опыт конспиративной работы позволяют ей занять место среди самых ответственных работников, проводивших в России указания Владимира Ильича.

Создание бюро организации «Искры» оживило работу. В руки жандармов попадает все больше конфискованной при обысках новой, ранее невиданной литературы. В «Искре», в журналах и брошюрах искровского направления обсуждаются не только общетеоретические вопросы революционной борьбы. Речь идет о создании марксистской нелегальной партии и о подготовке социалистической революции.

Полиция стремится задушить это движение. Идут повальные обыски и аресты. Несмотря на то, что гласный надзор полиции за Марией Ильиничной был отменен 28 февраля 1902 года, обыски у нее все-таки продолжались. Это была «профилактика», проводившаяся по инициативе местного полицейского управления.

Сестрам и брату Ленина часто приходится менять места службы — и не всегда из-за полицейских преследований. Так, весной после долгой переписки, поисков уехал в Феодосию Дмитрий Ильич. Со стороны казалось: все обыденно — нашел хорошее место на юге в грязелечебнице. Прекрасный климат, дешевая жизнь. На самом деле Дмитрий Ильич едет на юг по заданию партийной организации.

Мария Ильинична в августе 1902 года оставляет место статистика в Самарской губернской управе и поступает работать счетоводом на строительство Самарского сельскохозяйственного училища. Это тоже диктовалось ее нелегальной деятельностью. В управе сослуживцы слишком хорошо знали ее знакомых, здесь каждое новое лицо привлекало внимание окружающих. А счетовод на строительстве может и принимать кого-то в конторе, и сам имеет возможность передвигаться более свободно. Работа нравится Марии Ильиничне. Цифры, учет не кажутся ей скучными, она собрана и добросовестна.

Приближается лето. Уже в мае наступила жара. В организации тревога — тяжело заболел и лег на операцию Глеб Максимилианович. Зина каждый день по несколько часов проводит в больнице. Все секретарские обязанности легли на плечи Марии Ильиничны. Придя с работы, она едва успевает поесть и сейчас же уходит по партийным делам. Каждое свидание с товарищами требует много времени и сил, так как приходится добираться на встречу кружным путем.

Возвратившись, Мария Ильинична садится с матерью пить чай, они беседуют о новостях, о жизни, и все чаще Мария Александровна заговаривает о поездке за границу, к Володе. «Старая я становлюсь, Манечка, вдруг больше не увидимся». Мария Ильинична не возражает и начинает в письмах обсуждать с братом и этот вопрос. Наконец обо всем условились, и Мария Александровна отправляется в далекий путь. Владимир Ильич с нетерпением ждет мать. Из Дрездена в Логиви на северном берегу Франции выезжает и Анна Ильинична, находившаяся в Германии по делам «Искры».

В Самаре Мария Ильинична ожидает вестей, с удовольствием читает письма матери и Анюты, вычитывает новости о Владимире Ильиче. Одной в Самаре тоскливо. Единственная радость — выздоровление Глеба, правда,

они с Зиной отправились на кумыс, надо поддержать силы выздоравливающего. Вечерами, если она остается дома, читает, пишет письма, иногда садится к роялю. Подчас ловит себя на том, что играет вещи, которые любит мать. Бетховен, Чайковский, Вагнер... Дни похожи один на другой, но они приближают срок возвращения путешественниц.

Сколько радости, разговоров, новостей! Анна Ильинична пробыла в Самаре несколько дней, только для того чтобы устроить мать, встретиться с товарищами и передать им важнейшие поручения Владимира Ильича. «Искра» приобретает все большее значение, перед каждым искровцем стоит задача подготовки партийного съезда. Все способности, всю силу воли, все свое время ленинцы отдают этой задаче.

Анна Ильинична уехала в Томск, где после очень больших хлопот удалось наконец получить работу Марку Тимофеевичу. Что ж, у «Искры» будет новый агент в далеком Томске.

Проводив Аню, Мария Александровна и Маняша решили остаток лета провести за городом. Недалеко от Самары сняли небольшую дачку. Вокруг колосились поля, лес манил ягодами, рядом была Волга, такая раздольная и прекрасная.

Мария Александровна описывает их жизнь с Маняшей на даче в письме к старшей дочери: «Ходили мы в дальний лес. Пошли тотчас после обеда, а вернулись в 8. Думали поискать грибов, но, не доходя до большого леса, напали на землянику и не могли оторваться от нее. Маня обрадовалась ей и набрала две глубокие тарелки. Отдохнули у опушки и пошли обратно. На мой взгляд, Маня поздоровела, и я очень рада, что она так хорошо провела большую часть лета и поработала и жила в хороших дачных условиях. Оставила даже некоторые дурные привычки свои, а именно спать до 10 — 11 часов. Она так привыкла вставать рано утром, в определ. время, что просыпалась здесь первые дни в 7 и просила не давать ей спать дольше как до 8. Да и вообще стала точно благоразумнее...»²⁵

После разлуки дочь кажется Марии Александровне повзрослевшей и изменившейся. Письмо дышит любовью и радостью оттого, что они опять вместе. В письмах матери Ленина мы не видим никаких политических новостей, ни слова о другой, главной стороне жизни детей. А ведь она была в курсе их дел, знала многих их друзей, помогала хранить нелегальную литературу и документы. Часто вечерами, сидя с какой-нибудь работой, она наблюдала, как Мария Ильинична составляет свои письма-донесения туда, в «Искру», Володе.

Стол превращается в лабораторию — стоят пузырьки с реактивами. Лежат книги, служащие шифром. Мария Ильинична пишет основной текст,

потом долго шифрует, а затем аккуратно, специальным пером наносит шифрованные строчки между строк обычного письма. Для таких посланий приходится покупать специальную бумагу, более плотную, желательнее с водяными знаками, так как химические реактивы все-таки едва заметно меняют цвет бумаги. А в том, что письмо будет просмотрено, нет сомнений.

Когда работа закончена, мать прячет пузырьки среди различных хозяйственных припасов и кухонной утвари. В теплые вечера, погасив лампу, мать и дочь сидят на крылечке. Звенят кузнечики, где-то вскрикивает птица, проносятся летучие мыши. Мария Ильинична обнимает мать за плечи, и, укрывшись одной шалью, они долго молчат, думают о тех, кто сейчас далеко и все-таки всегда вместе с ними.

В середине 1902 года в Россию начинает поступать напечатанная в Штутгарте в марте того же года фундаментальная работа В.И.Ленина «Что делать?», имевшая огромное значение для формирования партии нового типа.

Со всех концов страны идут письма, выражающие полную поддержку местными организациями ленинского плана. Один из агентов «Искры» писал: «Везде оперирую ленинским плугом, как самым лучшим, производительным возделывателем почвы. Он прекрасно сдирает кору рутины, разрыхляет почву, обещающую произвести злаки, раз повстречаются на пути плевела, посеянные «Рабочим делом», он навсегда уничтожает их с корнем».

Надо ли говорить, Мария Ильинична много раз прочла «Что делать?», каждое положение ленинской книги находило отклики в ее сердце, в ее мыслях, звало к претворению в жизнь его указаний. В трудные минуты ей приходят на ум пламенные слова брата: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения»²⁶.

Как была нужна книга Ленина здесь, в России, как точно каждое слово било в цель, как помогало в повседневной борьбе, которая все ярче разгоралась!

Переписка Марии Ильиничны и самарской группы с редакцией «Искры» показывает размах работы, проводимой этой группой, ее направление и ее трудности.

Ответные письма шли медленно, постоянно менялись шифры, адреса. Любая задержка вызывала тревогу — ведь она могла обозначать не только изъятие письма жандармами, но и арест товарищей. Изыскиваются все новые «чистые» адреса. 14 ноября 1902 года Мария Ильинична пишет в редакцию «Искры»: «Получено 2/XII, от 14/XI.

1) Наконец-то после 4-недельного перерыва получили вашу весточку от 11/XI. Посылали ли вы за это время письма каждую неделю или нет? Письма от 28/X мы не получили... Ввиду таких перерывов мы очень перетревожены и послали вам новый адрес. На всякий случай повторяю его: управляющему Самарским отделением Торгово-промышленного банка. Всего лучше посылать отчеты какого-нибудь банка, а на Юридический отдел не посылать уже.

2) Получили ли те триста руб.? Пока не получу извещения, не буду посылать.

3) Совершенно ушло из головы, кто такой Урс? Сообщите.

4) Очевидно, вы были в сердцах в то время, как писали письмо. Всем досталось. Вероятно, и на нашу долю выпало немало. Брут (Клэр) (Г.Кржижановский, — Авт.) предчувствует, что и на него сыплются громы за неявку к Оле (О.Б.Лепешинская. — Авт.). Он и сам зол на то, но известили-то его после времени. Письмо случайно пролежало у адресата целую неделю, и было уже поздно.

5) К Семенову (имеется в виду «Северный Союз». — Авт.) хотелось бы переправить Юношу (Д.И.Ульянова. — Авт.). Ему очень вредно оставаться на старом месте. Пошлите увещание от себя. Нам не внемлет, а между тем туда следует отправить свежего человека. А его, может быть, удастся устроить в Ярославле, это было бы и для него, и для Семенова очень хорошо и полезно. Знаете ли, что дети Семена теперь здоровы и преисполнены по-прежнему упований? Списались ли они с вами?

6) Странно, что вы ничего не получили от трудолюбцев. Там теперь Акулина (подпольная типография. — Авт.); вероятно, с вами спишется. У нас возникли хорошие планы по внутренней бухгалтерии, и она должна привести их в исполнение.

7) Теодорке передали адрес. Планы ее самые дико-фантастические, и если ничего иного не придумает, то ей не удастся никоим образом.

8) № 26 превосходен. Даже враги и освобожденцы признают, что составляются №№ превосходно. Нас было беспокоил самый факт существования «Освобождения», но, прочитав № 7, позлились, поспорили немало и успокоились. Такие конкуренты не опасны. Ни огня, ни яркости, ни одной бодрой и тонкой мысли».

Было не только трудно найти человека, который согласился бы получать письма и посылки из-за границы. Надо было его обезопасить, обеспечить ему алиби в полиции. Поэтому Мария Ильинична просит в адрес управляющего торгово-промышленного банка посылать именно банковские отчеты. Сколько времени и сил занимала расшифровка писем, нанесенных симпатическими чернилами на страницы этих отчетов! Шифр был прост по идее — дробь: числитель — строка какого-либо стихотворения, знаменатель — буква в строке. Требовалось, чтобы одна и та же буква всегда имела другое обозначение.

Добровольные, но инертные помощники не придавали значения услугам, какие они оказывали. Письмо, которое Самарское бюро ждало с нетерпением, по простой забывчивости адресата опоздало на неделю, и пришлось вновь проверять связь. И Глеб Максимилианович (Клэр) не смог попасть на совещание, проведенное на квартире Ольги Борисовны Лепешинском (Оли).

Из Самары, как из многих городов России, шли деньги. Ведь издавать «Искру» за границей было дорого. Нужно было платить хозяину, рабочим, очень дорого стоила транспортировка. Правда, многие социал-демократы других стран тоже помотали как могли: бесплатно доставали шрифт, иногда и печатали.

Хочется обратить внимание читателей на последний пункт письма Марии Ильиничны. Она убеждена, что с «Искрой» не смогут тягаться никакие газеты других партий и направлений. И она с новыми силами вербует сторонников газеты, собирает для нее средства, распространяет ее.

Приближается окончание срока ссылки. Марии Ильиничне кажется, что в Самаре работа налажена столь хорошо, здесь много опытных прекрасных работников, что она может уехать в какой-нибудь другой город, где принесет большую пользу. Но партийная дисциплина требует согласовать любое перемещение с партийным центром. Мария Ильинична не хочет, чтобы ее просьба выглядела как родственное обращение, поэтому она облекает свое предложение в официальную форму. В одном из своих очередных шифрованных отчетов в редакцию «Искры» она пишет: «...6) Медведь просит передать, что хотел бы перекочевать куда-нибудь, где мог бы быть полезен. Очень бы просил дать ему указания относительно этого. Вы знаете, что это за зверь, а следовательно, можете судить, где он может быть у места. Он был бы не прочь заехать ненадолго к Вам, если бы знал, что может быть полезен там (кстати, еще и поучиться охота). Или, быть может, Вы устроите его у Акулины где-нибудь? Он был бы очень благодарен, если бы Старик высказал свое мнение относительно этого».

Теперь во всей нелегальной переписке мы будем встречать ее партийную кличку «Медведь», «Медвежонок» — хотя стройная, изящная девушка давно непохожа на неуклюжую девочку, получившую в семье эти ласковые прозвища.

Владимир Ильич доверил решение вопроса руководителю самарской группы — Глебу Максимилиановичу. Тот пока посоветовал поработать в Самаре. Все Ульяновы неукоснительно подчиняли свою жизнь требованиям партийной дисциплины. Да, Марии Ильиничне хочется поехать в Швейцарию, хочется закончить прерванное московским арестом образование. Но работа требует ее присутствия в Самаре, и она больше не повторяет своего вопроса.

Ведется активная подготовка партийного съезда. Делегатом от Самары едет на съезд Г.М.Кржижановский. Мария Ильинична завидует брату Дмитрию, получившему делегатский мандат от Одесской организации. Ведь участие в партийном съезде — огромная школа и большое счастье для каждого бойца партии. Там будут обсуждаться важнейшие задачи, стоящие перед русскими социал-демократами.

Летом 1903 года Ульяновы сняли дачу в живописном селе Моркваши, на берегу Волги. Перед поездкой на съезд здесь поселился и Дмитрий Ильич. Теперь нелегальные собрания проводились под видом веселых пикников на лоне природы. Обычно собрания проходили на уютном зеленом острове. Туда постепенно подплывали на лодках. Это ни у кого не вызывало подозрений — стояло жаркое лето, и дачников в Морквашах было много. Располагались так, чтобы было ясно — островок занят. Некоторые из приезжих делали вид, что вообще попали на островок случайно и с постоянными дачниками не знакомы. В дождливые и ненастные дни укрывались в какой-нибудь из многочисленных пещер в крутом откосе волжского берега. Зажигали костер, дым стлался низко над водой. Сидя у входа в пещеру, смотрели в заволжские дали и еще и еще раз обговаривали позицию, которую должны занять на съезде делегаты-ленинцы. Кржижановский, Гусев, Дмитрий Ильич готовили местный материал. Почти все приходилось запоминать: в случае обыска полиция ничего не должна обнаружить. У всех было приподнятое, боевое настроение.

II съезд РСДРП состоялся 17 июля — 10 августа 1903 года. На нем была создана марксистская партия в России. Но съезд расколол социал-демократов на две группы, их пути будут расходиться все дальше. Большевики во главе с Лениным поведут народы России к социалистической революции. Меньшевики превратятся в

оппортунистическую мелкобуржуазную партию.

13 августа 1903 года Крупская пишет Марии Ильиничне и Ленгнику в Самару: «...Медведю. В ЦК выбраны Бор[ис] Ник[олаевич] (Носков. — Авт.), Клэр (Г.М.Кржижановский) и Курц (Ф.В.Ленгник). Борьба была отчаянная. Кончилось расколом редакции. Пока в редакции только Старик и Плеханов. Остальная часть редакции стояла за смешанный ЦК. Разругались вконец. Положение крайне тяжелое. ЦК наперед обвиняют в недееспособности, но мы верим в то, что такой ЦК наилучший, употребим все усилия, чтобы содействовать его успеху. Товарищи расскажут подробности. Курц пусть немедленно выезжает к нам, но прежде заедет к Клэру, куда поехал Борис Николаевич. Ради бога скорее!

Затем о текущих делах. 1) Шлем привет Леониду (И.Ф.Дубровинский. — Авт.), о котором слышали много хорошего. Втягивайте его скорее в партийную работу.

2) Получаете ли литературу? Сообщите, пожалуйста, тотчас же, чего и сколько получено и как распределено. Саратовцы жалуются на полное отсутствие литературы, из Нижнего — ни слуху ни духу. Что с ними случилось — не знаю. Пожалуйста, позаботьтесь о равномерном распределении, добыв[ании] корресп[онденции] и пр. Ужасно важный момент. Пахнет расколом. Если старые друзья не напрягут сил, чтобы доказать работоспособность ЦК, вся работа пропала.

Юноша выехал на днях».

Письмо это, полученное Марией Ильиничной в начале сентября 1903 года, было первой и очень важной информацией о самых важных итогах прошедшего исторического съезда. Мария Ильинична в тот момент руководила Самарской группой и осуществляла связь Ленина с крупнейшими городами Поволжья. Она с нетерпением ждала возвращения делегатов. Но Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна не вернулись в Самару, так как на съезде было решено, что Русское бюро ЦК обособится в Киеве, откуда легче наладить связь заграничных организаций с русскими.

Наконец приехал Дмитрий Ильич. После первых приветствий, обмена семейными новостями Мария Ильинична увела брата в свою комнату.

Брат и сестра разговаривали и слышали, как звучит музыка в соседней комнате. По тому, какие произведения играла мать, чувствовалось, как она взволнована.

Дмитрий Ильич рассказывал о бурных дебатах на съезде, прежде всего при обсуждении партийной программы. Особые возражения у «мягких» искровцев, возглавляемых Мартовым, вызывало положение о диктатуре пролетариата. К Мартову примкнули «экономисты» и бундовцы (Бунд —

объединение еврейских рабочих). Их главный аргумент — такого пункта нет в программах других европейских социал-демократических партий. Съезд поддержал Ленина, нанес решительный удар по оппортунистам и утвердил в программе коренное марксистское положение о диктатуре пролетариата. Победило и мнение Владимира Ильича по аграрному и национальному вопросам. Создавалась партия нового типа, нацеленная на победу социалистической революции в России. Тяжело было рассказывать Дмитрию Ильичу о том, как недостойно боролся Мартов, тот самый Юлий, который был деятельным помощником Ленина в создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», боролся против первого пункта устава партии, против создания дисциплинированной, построенной на принципе демократического централизма партии. «Как они боятся дисциплины! Как боятся обидеть и оттолкнуть либералов!» — воскликнула Мария Ильинична. «В этом вся суть! Их устраивает аморфная, неуправляемая организация. К сожалению, съезд пошел за ними, — ответил Дмитрий Ильич. — А знаешь, как нас теперь, называют, тех, кто победил при выборах в центральный орган и ЦК? Нас называют большевиками, а мартовцев — меньшевиками». Рассказал Дмитрий Ильич и о том, что пока Плеханов поддерживает Владимира Ильича, но старается сблизить точки зрения, и есть опасение, что он может пойти на уступки меньшевикам. Главное сделано — создана революционная марксистская партия. Теперь основная задача — рассказать о съезде рабочим и завоевать местные комитеты. Работы непочатый край.

Мария Ильинична сидит в глубоком кресле, сжавшись в комок, почти не дыша. Изредка задает вопросы и слушает, слушает... Рояль за стеной умолк. Над Самарой давно опустилась глубокая осенняя ночь, а брат и сестра все продолжают беседу.

Вскоре возвратились ж другие делегаты — Сергей Иванович Гусев, Лидия Михайловна Книпович, Александр Дмитриевич Махлин. В строго конспиративной обстановке провели совместное совещание, на котором обсудили решения съезда, выработали общую платформу. Затем участники съезда разъехались в разные концы страны. Дмитрий Ильич объезжал Поволжье, Махлин поехал в южные районы, Гусев отправился в Петербург и Тверь. От информации агентов будет зависеть, какую позицию займет тот или иной местный комитет РСДРП.

Меньшевики, в свою очередь, развели бурную деятельность, стремясь привлечь на свою сторону местных работников. В ответном письме в Швейцарию Мария Ильинична выражает тревогу за положение дел, но вместе с тем подчеркивает, что на местах настроение боевое, все, с кем ей

пришлось говорить, полны решимости продолжать начатое дело. Так как центром подпольной работы становится Киев, решено, что Ульяновы переедут туда.

Каждый переезд тяжел для семьи: вновь продажа имущества, укладывание вещей, отправка багажа. Но для Марии Ильиничны не это главное — надо согласовать с остающимися товарищами формы и виды связи, оставить «наследников». Долгими вечерами беседует Мария Ильинична с Ленгником, он едет в Швейцарию к Ленину. События разворачиваются в связи с борьбой, поднятой меньшевиками, требуют присутствия на месте сторонников Ленина.

Мария Ильинична ведет активную переписку с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Подыскивает новые явки и адреса для писем и посылок. В Киеве Марии Ильиничне предстояло работать секретарем Русского бюро ЦК большевистской партии. Пришлось оставить работу, к которой она успела привыкнуть за год и которая давала ей средства к существованию. Сохранилось удостоверение строительного управления Самарской губернской управы от 6 октября 1903 года, где говорится: «...Ульянова, с 20 августа 1902 года по 1 октября сего 1903 года состояла счетоводом по ведению дел по постройке. Самарского среднего сельскохозяйственного училища. Все возложенные обязанности исполняла аккуратно и со знанием дела. От занимаемой должности г.Ульянова уволилась по собственному желанию...»²⁷

Опять распродается их мебель и все, что громоздко и тяжело везти с собой. Мария Александровна привычно укладывает чемоданы и сундуки. Марк Тимофеевич — контракт его в Томске уже кончился — отправляет багаж, достает проездные билеты. Мария Ильинична почти не бывает дома — у нее другие заботы: явки, пароли, шифры. Как много надо удержать в памяти, не спутать ни слова, ни цифры. Озабочена этим переездом и самарская полиция, она тотчас сигнализирует в Киев. В дело Киевского жандармского управления подшивается справка, где о Марии Ильиничне сообщается: «...2) По делу о Московской группе Российской Социал-демократической Рабочей партии ст. 250 Улож. о наказ., каковое, по Высочайшему повелению 4-го июня 1903 года, разрешено административным порядком с тем, чтобы вменить ей в наказание предварительное содержание под стражей, под каковой она содержалась с 1-го марта по 6 октября 1902 г.». (В полицейской справке ошибочно вместо 1901 года указан 1902 г.²⁸. — Авт.) Принимаются меры по установлению за Ульяновыми негласного полицейского надзора.

Ульяновы приезжают в Киев в конце октября. За октябрь — ноябрь в полицейском «журнале наблюдений» сделано 127 пометок о том, куда, когда, к кому ходила Мария Ильинична. Неустанно перлюстрируются письма лиц, так или иначе связанных с политически неблагонадежными жителями Киева. В этот период часть своих писем Мария Ульянова подписывает именем «Женя». Эти письма привлекают внимание жандармов. Им уже известно, что под короткой подписью «Мед.» (Медвежонок) скрывается Мария Ульянова. Они проводят специальную графологическую экспертизу, которая устанавливает, что письма за подписями «Мед.» и «Женя» принадлежат одному и тому же лицу. В деле М.И.Ульяновой появляется новая страница.

В обстановке все более разгорающейся внутрипартийной борьбы для Владимира Ильича особое значение приобретала информация с мест. Этим и занялась Мария Ильинична. К ней в Киев поступают отчеты социал-демократических комитетов, резолюции, принимаемые отдельными группами по основным вопросам партийной жизни. Ночами сидит Мария Ильинична над шифровкой резолюций о II съезде, которые принимаются в больших и маленьких городах. Через руки Марии Ильиничны прошли резолюции Екатеринославской, Петербургской, Саратовской, Тверской, Нижегородской и других организаций. Эти резолюции поддерживают позицию Ленина и большевиков. К М.И.Ульяновой приезжают товарищи, информируют ее о положении на местах. В одном из писем Владимиру Ильичу Мария Ильинична сообщала: «В городах, где существуют лишь маленькие группы, как, например, Псков, Рига, письменных резолюций не составлялось, но на словах высказывалось доверие ЦК и презрение дезорганизаторам»²⁹. На основе всех этих данных Мария Ильинична делает вывод о том, что только усиление периферийных организаций, находящихся в гуще борьбы трудящихся, даст действенные результаты в борьбе с меньшевиками, поскольку связи их более сильны в интеллигентских группах. «Думаю, что побеждать врагов надо изнутри, укрепляя комитеты и вообще местную работу»³⁰, — пишет она.

В процессе партийной деятельности закаляется ее воля, вырабатывается принципиальный ленинский взгляд на пути революционной борьбы. В эти годы перед нами уже опытный, авторитетный деятель партии.

Большое место в ее работе занимает и информирование местных комитетов о положении за границей. Ее письма идут в Москву, Петербург, Одессу, Ярославль, Саратов и другие города. Она требует скорейших

ответов. Ведь там, за границей, с нетерпением ждут известий из России. В письме к А.В.Метмановичу, посланном в Петербург, Мария Ильинична спрашивает: «Получили ли Вы наше предыдущее письмо с изложением последних событий за границей? Известили ли соседние комитеты? Сообщите, пожалуйста, с какими городами у Вас идет переписка?..»³¹

Необходимо учесть, что сохранилась лишь небольшая часть нелегальной переписки, да и то исследователям приходится «благодарить» за это полицию, там письма старательно переписывали и подшивали в дело.

Вести из-за рубежа не радуют. Надежда Константиновна пишет Маняше: «Дорогой Медвежонок, получ[или] твое письмо. См[ит] отменил все адреса, приходится писать окольным путем...» Затем следует подробный рассказ о расколе, о недостойном поведении членов ЦК, о дикой травле Ленина, и Надежда Константиновна заканчивает: «...Несмотря на все холопство Нила и Валентина перед меньш[инством] — мы все же не сомневаемся, что победа будет за нами, позиция м[еньшинства] чересчур уж фальшива, лживая. Вопрос только во времени. Пока что решили м[еньшинству] предоставить бесноваться, Лен[ин] садится за попул[ярную] брошюру».

Владимир Ильич начинает писать свой фундаментальный труд по протоколам II съезда РСДРП — «Шаг вперед, два шага назад».

Курьеры едут в Киев и из Киева, везут информацию с мест, а в ЦК они получают практические указания, как проводить в жизнь линию большевиков. Постоянно растет нужда в средствах, и все активисты партии ведут работу по сбору денег. Литература, прибывающая из-за границы, — это капля в море. Во всех промышленных городах возникают партийные ячейки, остро нуждающиеся в агитационном и пропагандистском материале. Много сил и времени отдает Мария Ильинична изданию марксистской литературы не только в Киеве, но и в Одессе, Николаеве, Конотопе. Архисложно доставать помещение для типографии, машины, шрифты. Одна типография была налажена в Одессе в декабре 1903 года, то есть через два месяца после переезда Ульяновых в Киев.

Полиции удалось перехватить несколько писем Марии Ильиничны в Одессу (отрывки из них подшиты в ее дело, заведенное Киевским жандармским управлением). Письма полны настойчивых вопросов, получены ли в Одессе посланные с нарочным «сапоги» и «женская обувь», как распределены между родственниками и т.д. Расшифровывая перехваченные письма Марии Ильиничны, полицейские констатируют: «...условное выражение «сапоги», очевидно, представляющее собой

конспиративный термин, под которым подразумевается нелегальная литература»³².

Дело Марии Ильиничны Ульяновой и других товарищей, работавших в Киеве, обрастает все новыми фактами и документами. Она чувствует постоянную слежку. Снова нависла угроза ареста, но ни у кого не возникает мысли в такой ответственный момент хоть на время отойти от активной работы. Теперь каждый, идя на конспиративную явку, принимает вдвое больше предосторожностей, письма имеют иногда до трех пунктов пересылки. Особенно тщательно засекречивается связь интеллигенции с рабочими кружками.

Жандармы решили произвести тщательный обыск, надеясь найти материалы, которые помогут им надолго упрятать в тюрьму членов беспокойной семья Ульяновых. В ночь с 1 на 2 января в дверь квартиры № 14 дома 12 по Лабораторной улице заколотили громко и требовательно. «Знакомый стук», — философски спокойно заметила Анна Ильинична, отправляясь открывать. Ворвалось 10 жандармов во главе с майором. У дверей топтались понятые. Начался обыск. Все женщины (Дмитрий Ильич был арестован днем на службе) держались с достоинством. Мария Александровна совершенно спокойно смотрела, как бросают на пол чистое белье, одежду, книги, как копаются в письменных столах. Она старалась успокоить прислугу — молоденькую девушку-украинку Анюту: «Не бойся, милая, они сами не знают, что ищут. Ничего они не найдут».

Действительно, обыск ничего не дал. Жандармы были ошеломлены — по их сведениям, именно Ульяновы хранили архив ЦК и Киевского комитета РСДРП. Им было невдомек, что каждый из обыскивающих раз десять прошел мимо тайника — специального шахматного с голика. Его бесцеремонно передвигали с места на место. Опять выручило изобретение Марка Тимофеевича — он еще в Алакаевке сделал двойную крышку к этому столику, получилось довольно большое пространство, куда можно было быстро спрятать нелегальщину. Внешний вид столика не вызывал никаких подозрений. И все-таки жандармы увели и Анну и Марию, а также и Антонину Ивановну — жену Дмитрия Ильича. Мария Александровна на другой день начала хлопоты — пошла в Лукьяновскую тюрьму, выяснила, когда принимают передачи, когда разрешены свидания.

Дмитрия Ильича посадили не в Лукьяновскую тюрьму, а в так называемую Киевскую крепость. Аресты были широкими. За решетку попали очень многие члены ЦК и Киевского комитета. Характерно, что полиция хорошо ориентировалась в направлениях партийных группировок. Арестовывали в основном большевиков.

Крупская писала Лалаянцу в Одессу 15 января 1904 года: «Дорогой друг, давно очень от вас нет писем, пропадают, что ли? От Емельяна тоже ни слуху ни духу. Получили вести о киевском провале, взяты Маня, Митя, Анюта, Зина и много комитетских. Никто ничего не пишет, и мы имеем основания предполагать, что взяты многие из ЦК. Судим по тому, что меньшинство очень уж осмелилось... Известите, если что узнаете о Киеве и ЦК... Пришлите явку».

Борьба осложнялась тем, что некоторые члены ЦК, в том числе и такой старый товарищ, как Кржижановский, заняли примиренческую позицию.

Непереносимо сидеть в тюрьме, когда каждый человек на счету. Мария Ильинична пытается работать. Опять берется за переводы. Первый допрос состоялся лишь 23 января. Уже вопросы следователя показали Марии Ильиничне слабость обвинения. Она держится спокойно, все предъявленные обвинения отрицает.

Лукьяновская тюрьма отличалась всегда особым режимом, считалось, что бежать оттуда невозможно, и все-таки в 1902 году из нее удалось бежать девяти большевикам.

Тюремная администрация и обслуживающий персонал провоцировали недовольство политических, стремясь обрушить на них тюремные кары — карцер, лишение прогулок и т.д.

13 марта 1904 года Мария Александровна пишет дочерям в тюрьму (они сидели в одной камере, очевидно): «Давно не писала я вам, дорогие мои Анечка и Маня, и вот надумала сегодня, тем более что не могу нынче ехать на свиданье с вами...

Слышала, что у вас в тюрьме какие-то волнения, что очень беспокоит меня! Говорят, что многие отказываются от свиданья... (далее несколько слов густо зачеркнуты проверявшим жандармом. — Авт.) не понимаю, кого же они наказывают этим? Только всех бедных родных, которым без того живется невесело... а для служащих в тюрьме, которые обращаются грубо с заключенными, — только меньше хлопот, если не будет свиданья, они прямо довольны этим...»

Мария Александровна знает, что ее дети умеют добиваться своего. А сейчас главное — выйти на свободу как можно скорее. Там, за стенами тюрьмы, бушуют политические страсти. Растет всеобщее недовольство правительством. Волнуются студенты. В Киевский и Одесский университеты введена полиция, идут аресты.

Русско-японская война обнажила все пороки, всю гнилость самодержавия. Владимир Ильич предсказывал, что неминуемое поражение

в этой войне поставит Россию перед революцией. III съезд партии был назревшей необходимостью. К тому же и меньшевики старались привлечь к борьбе против Ленина и большевиков лидеров европейской социал-демократии. Их поддержали Каутский, Парвус и другие.

В таких условиях арест Ульяновых в Киеве был не только семейным несчастьем, из рядов твердых ленинцев были вырваны опытные и преданные борцы. Марка Тимофеевича от ареста спасла поездка в Петербург по служебным делам.

Полиция ищет улики, но архив ЦК не обнаружен, и процесс организовать не удастся. Мария Александровна пишет прошения, она просит освободить под залог младшую дочь, так как та больна. Тюремный режим угнетает и морально и физически. Сломить дух Марии Ильиничны жандармам не удалось, но обострилось нервное заболевание. Марию Ильиничну мучает бессонница. Она похудела и кажется такой маленькой. В июне ее освободили под залог в 300 рублей. Это было больше половины годовой пенсии Марии Александровны, и все-таки она внесла деньги немедленно, дочери была нужна свобода. Вскоре выпустили и Анну Ильиничну.

Остаться в Киеве стало бессмысленно. Слежка была неприкрытой и непрерывной. Из-за границы поступает совет перебраться в Петербург. Обосновались на даче Марка Тимофеевича Елизарова на станции Саблино, недалеко от города. Мария Ильинична включается активно в работу Петербургского комитета. Она ходит в рабочие кружки, распространяет ленинскую литературу, выступает против меньшевиков. Одновременно подает прошение о выезде за границу для продолжения образования. На оборотной стороне ее прошения под грифом «секретно» читаем: «Препровождается начальнику Киевского Губернского Жандармского Управления для передачи на распоряжение лиц, производящих дознание «О Центральном и Киевском Комитетах Российской социал-демократической рабочей партии»³³.

Пока идет полицейская переписка, Мария Ильинична работает. Одна из старых большевичек, П.И.Кулябко, вспоминает о Марии Ильиничне: «Эта встреча (с Марией Ильиничной. — Авт.) произошла на явочной квартире Петербургского комитета за Невской заставой. Мария Ильинична многое сделала тогда для укрепления Петербургского комитета. Она держала петербургские организации в курсе заграничной жизни, имея постоянную связь с Владимиром Ильичем. Через нее петербургские большевики получали директивы Ленина из-за границы».

Она так ловко уходит от сыщиков, что полиции не к чему придраться.

Чаще всего ее видят в редакциях газет и журналов. Она пытается организовать легальное печатание некоторых переводов своих и Владимира Ильича. Он пишет матери из Женевы: «Получили сегодня письма Ел.В-ны и Маняши. Спасибо ей за хлопоты насчет переводов. Надя напишет ей подробно об этом. Я получил теперь книгу Гобсона об империализме и начал переводить ее...

А вы как? Хорошая ли дача в Саблине? Отдыхаете ли там как следует? Какие виды на дальнейшее? Здорова ли мама? Как чувствуют себя Анюта и Маняша после тюрьмы? Черкните мне об этом, а то у Маняши только о переводе и говорится»³⁴. Как скупы эти письма! Как трудно их, наверное, писать! В них не должно быть ни намека на какую-то другую сторону жизни Ульяновых. Вот и пишет Владимир Ильич такие короткие «семейные» письма. Все главное в других, шифрованных, посланных на какой-нибудь вполне нейтральный адрес.

Наконец получен официальный ответ из С.-Петербургского губернского жандармского управления. М.И.Ульяновой разрешено выехать за границу, но при внесении залога в 500 рублей. Пришлось просить Киевское управление вернуть прежний залог. Медленно идут документы из инстанции в инстанцию. Согласовываются. Полиция ищет предлога для отказа и не находит. Заграничный паспорт получен. Вещи уложены в два чемодана. Она еще не знает, как долго пробудет за границей. Вечером всей семьей собрались вокруг стола. Еще и еще раз проверяют, все ли запомнила Мария Ильинична из того, что нежелательно записывать. Новые адреса, фамилии, шифры. Она везет резолюции фабричных и заводских комитетов за созыв III съезда партии, рабочие поддерживают Ленина и большевиков.

Мария Александровна рада, что дочь едет к старшему брату. Хотя какое-то время не нужно будет бояться ночных стуков, ждать ее возвращения из города. Мать рада, что Мария Ильинична опять будет учиться. И она прекрасно понимает: Мария Ильинична едет, чтобы оказать Владимиру Ильичу посильную помощь во внутрипартийной борьбе. Но, конечно, матери жаль расставаться с меньшей дочерью, которая кажется ей по-прежнему маленькой и беззащитной девочкой.

Первая русская революция

Граница осталась позади. Обыска не было. Все документы удалось провезти и доставить в Женеву. Мария Ильинична постепенно приходила в себя, отдыхала от напряжения последних месяцев. Так странно было ходить по улице и не проверять, есть ли за тобой слежка, не обращать внимания на проходные дворы, не запоминать тупиков и удобных переулков. Радовала встреча с братом и Надеждой Константиновной.

Мария Ильинична жадно впитывает все новости, знакомится со старожилками и уже через несколько дней начинает помогать Крупской вести партийную переписку. Она встречается товарищей, приезжающих из России, помогает им устроиться на квартирах, выполняя роль переводчика для тех, кто не знает языка. В маленькой кухне то Надежда Константиновна, то Мария Ильинична ведут инструктажи, вводят приезжих в курс событий, снабжают их литературой, готовят к возвращению на родину. Для тех, кто приехал на съезд партии, Владимир Ильич организовал специальный семинар, где разъяснял правила ведения конспиративной работы. Эти лекции прослушала и Мария Ильинична, часто про себя отмечая те ошибки, которые допустила в своей работе, и радуясь, если ее действия совпадали с тем, что рекомендовал старший брат.

Иногда вечерами, когда семья собиралась за ужином, Владимир Ильич или Надежда Константиновна пытались с Маняшей заговаривать о продолжении занятий, предлагая просмотреть программы женевских институтов, поехать в Берн или в Цюрих, чтобы ознакомиться с постановкой университетского образования. Но Мария Ильинична, увлеченная работой, только отмахивалась: «Ученье не уйдет! Ведь съезд приближается, дайте поработать». И Владимир Ильич не мог отказать сестре, тем более что ей хорошо известна обстановка на местах, а Ленин делает основную ставку именно на разгром меньшевизма в России, на идейное и организационное сплочение большевиков. Потеряв «Искру», которая с 52-го номера стала меньшевистской, Владимир Ильич стремится создать новую газету. Для того чтобы собрать необходимые средства, Владимир Ильич читает рефераты в Париже и ряде городов Швейцарии.

Марии Ильиничне посчастливилось присутствовать на совещании 29 ноября (12 декабря) 1904 года, где было принято окончательное решение об основании большевистского печатного органа. Все с энтузиазмом восприняли предложение Ленина назвать новую газету «Вперед». Первый

номер газеты вышел в Женеве 4 января 1905 года, за пять дней до Кровавого воскресенья.

9 января всколыхнуло всю страну. Вечером в Петербурге уже строили баррикады. Ленин откликнулся на события 9 января статьей «Революция в России», где писал, что к Питеру готовы примкнуть очень многие города. Ленин придавал огромное значение героической борьбе русского пролетариата. Он пишет многочисленные статьи, рассылает в города самых преданных своих товарищей.

События на родине развиваются с огромной быстротой. Каждое утро Мария Ильинична просматривает в читальне европейские и русские газеты. Они с Надеждой Константиновной немедленно расшифровывают письма из России. Правила конспирации запрещали их хранить. Но все же несколько писем уцелело. Перед нами письмо Анны Ильиничны, которое сразу вводит нас в атмосферу напряженной обстановки, царившей в Петербурге после 9 января:

«Либеральная публика собралась вчера сначала в Публичной библиотеке, к вечеру (ее закрыли потом) в Вольном экономическом, где было принято письмо к офицерам, решено выпустить письмо к солдатам, предлагалась забастовка лиц интеллигентных профессий, но не прошла, конечно; затем решено было добывать оружие и устраивать повсюду митинги. Во многих частях города устроены перевязочные пункты. Поп Гапон, на которого я и многие глядели, как на чистого зубатовца, все же как будто не темная личность. Эту полутемную, отчасти наивную по вере в царя, отчасти не совсем нормальную точно личность вынесла наверх волна накопившегося народного возмущения, и он сумел овладеть толпой...

Очень хорошо, что ПК и группа ЦК объединились теперь и начинают выпускать листки за общей фирмой.

Ну, пока до свидания! Что-то будет завтра? Вечером необычно пустынно на улицах; дворники запирают с 10 часов ворота; был слух, что город объявлен на военном положении. Совсем точно революция у нас начинается... Так ли?..

Ваш Игорь».

В апреле 1905 года в Лондоне состоялся III съезд партии, на котором присутствовали только большевики. Меньшевики созвали в Женеве свой собственный съезд, назвав его конференцией. «Два съезда — две парши»

— так определил положение Владимир Ильич.

Проводив Ленина и Крупскую в Лондон, Мария Ильинична продолжает вести нелегальную переписку, принимает курьеров из России, организует отъезд товарищей, снабжая их необходимыми документами, явками, шифрами. Вместе с тем она внимательно следит за печатью, старается достать материалы меньшевистской конференции.

Вернулись наконец делегаты III съезда, съезд рассмотрел главные вопросы начавшейся в России революции: о вооруженном восстании, об отношении к тактике правительства накануне переворота, о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянству, о меньшевиках как отколовшейся части партии и другие.

Мария Ильинична читает и перечитывает резолюции съезда и запись выступлений, дотошно выпрашивает Надежду Константиновну об обстановке на съезде. Как и все истинные ленинцы, она одобряет включение в устав партии той формулировки первого параграфа, какую дал Владимир Ильич, и отмены формулировки Мартова. В период революции партия должна, как никогда, быть дисциплинированной и сплоченной.

Партийцы торопятся в Россию, где ощущается острая нехватка кадров. В эти дни Мария Ильинична редко видит брата — он инструктирует отъезжающих, пишет целый ряд статей, освещающих задачи партии в условиях буржуазно-демократической революции, напряженно работает над книгой «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Книга была написана в течение всего двух месяцев и уже в июле издана в Женеве. В этой книге Ленин дал теоретическое обоснование решений III съезда РСДРП, стратегии и тактики большевистской партии; развивая марксизм, Ленин выдвинул новое положение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и определил классовую расстановку сил в обеих революциях.

Мария Ильинична в чемодане с двойным дном везет книгу Ленина в Россию. Из Ульяновых Мария Ильинична отправляется туда первой: она должна подготовить скорейший приезд Владимира Ильича. Она едет нелегально, чтобы уже при переезде через границу не привлечь внимания жандармов, которые хватают всех лиц, на кого есть дело в департаменте полиции. Царизм боится каждого нового революционера, прибывающего в Россию. Ее документы оказались надежными, и приезд в Питер остался незамеченным.

Она приехала в разгар подъема революционного движения. По стране прокатилась могучая волна забастовок. В Иванове были созданы первые Советы рабочих депутатов, восстание на броненосце «Потемкин» показало,

что армия и флот революционизируются не по дням, а по часам. Народ не могут остановить массовые расстрелы и аресты. Царизм пытается утихомирить массы серией уступок и обещаний — издан манифест о созыве Государственной думы, подписан мир с Японией. Большевики призывают к бойкоту Думы, они ведут курс на всеобщую забастовку и вооруженное восстание.

Приехав в столицу, Мария Ильинична не узнает города — заводы и фабрики бурлят, выходят газеты и листовки, которые распространяются невиданными ранее темпами, закупается оружие, создаются боевые рабочие дружины.

Мария Ильинична не знает отдыха. Первое время после приезда она работает секретарем Василеостровского районного комитета. Ей всегда нравилась рабочая среда, она умела найти подход к самым разным людям, обладая ленинской способностью говорить конкретно, доходчиво и ярко. Мария Ильинична активно действует и в Центральном Комитете, где заведует всей «техникой» — помогает размножать и распространять ленинские документы, под ее руководством ведется переписка с зарубежными и русскими организациями большевиков.

В начале сентября Мария Ильинична и Анна Ильинична пишут Ленину и Крупской в Женеву: «Письма Фрея (В.И.Ленин. — Авт.) и Рыбки (Н.К.Крупская. — Авт.) от 6-го и 7-го получены. Мимоза (М.И.Ульянова. — Авт.) отдаст их сегодня. Извиняется, что мало пишет; все время уходит на то, чтобы наладить технику, работы много, и на остальное почти не остается времени. (Прибавляю от себя (Игорь) (А.И.Елизарова. — Авт.), что она бежит, как оглашенная, уезжая отсюда ранним утром и приезжая поздним вечером; и сильная нервность и переутомление сказываются уже сейчас.)

Работа пока идет слабо: мало людей было все время, только последние дни начинает кое-кто съезжаться. Бродский провалился. В Москве взяты Южин (М.И.Васильев. — Авт.), Юрочка и другие. Народу вообще съехалось много, бюро реформируется, и это междуцарствие сказывается, верно, на переписке. Киска (Фотиева Л.А. — Авт.) ушла в местную работу...

У нас идут горячие прения по вопросу о резолюции ЦК о Государственной думе. Знаем пока о ней лишь из устного изложения представителя ЦК, и некоторых удивляет приурочивание восстания к собранию Государственной думы. Так как значит не восстание повлечет за собой насильственное срывание Думы и политическую стачку? Многие сильно восстают против этого, но своей резолюции еще не успели вынести.

Пришлите адреса для писем...»

Письмо отражает напряженную обстановку в стране и в партии. Многочисленные аресты заставляют оставшихся на свободе напрягать все силы, чтобы возмещать работу отсутствующих. Вся жизнь Марии Ильиничны подчинена одному — выполнению партийного долга. Особенно остро ощущает она оторванность от Владимира Ильича: письма поступают с большими перерывами, доходят далеко не все, так как полиция изымает их на границе, да и адресаты, пока идет письмо, частенько оказываются в тюрьме. Продолжая вышеприведенное письмо, старшая сестра сообщает Владимиру Ильичу: «Переписав это письмо Мимозы, прибавляю и от себя. Пришлите адреса, — у нас давнишние, и многие, очевидно, не действуют. Писал на Baden Emmendingen № 27a. Мимоза говорит, что не доходили многие. Действительны ли №№ 1a, 41a, 31a, 33a, 29a и 44a? Вы отменяете их в «Пролетарии», но это нам не помогает, ибо мы его не видим. Так обидно! №№ о Думе не видели ни одного. Получили на днях 13 № на адрес инженера путей сообщения; продолжайте и дальше посылать ему...»

Связь — лишь одна из сторон деятельности Марии Ильиничны. Ее можно видеть на рабочих, солдатских, матросских митингах и собраниях. Теперь она тоже научилась произносить речи, преодолев свое природное смущение.

Владимир Ильич из-за границы настаивает на необходимости издавать легальную газету большевистского толка. Она начала выходить при самом активном участии Марии Ильиничны незадолго до возвращения Ленина. Официальным издателем «Новой жизни» была Мария Федоровна Андреева. Большую часть средств дал Алексей Максимович Горький. Редакция помещалась на Невском проспекте, первое время состав участников был довольно пестрый. Основными сотрудниками были большевики — Богданов, Румянцев, Орловский, Луначарский. Для увеличения тиража Мария Федоровна привлекла в газету таких поэтов нового направления, как Бальмонт, Минский, писателя Леонида Андреева. Мария Ильинична часто спорила с Андреевой, доказывая, что такой состав работников газеты лишает ее подлинно большевистского лица. Андреева, красавица и умница, нравилась Марии Ильиничне. Ей импонировал идейный подвиг этой женщины — великолепная актриса бросила сцену, блестящее положение в обществе, чтобы заняться революционной работой, чтобы стать гражданской женой пролетарского писателя.

На долю Марии Ильиничны выпала ответственнейшая задача — вербовать рабочих и солдатских корреспондентов. Почти ежедневно приходилось проделывать трудный путь с одного конца города на другой,

уходя от полицейских ищеек, чтобы поговорить с рабочими, получить заметку, записать новый материал о борьбе с предпринимателями.

В редакцию «Новой жизни» приходили рабочие и работницы. Было интересно наблюдать, как в коридоре или в комнате редактора сталкивались известный писатель Леонид Андреев и парень с рабочей окраины. Один милостиво вручал редактору рассказ, другой взволнованно требовал, чтобы газета прислала на их завод агитатора, или желал получить свежий номер «Новой жизни», который не сумели достать на заводе.

В «Новой жизни» Мария Ильинична впервые столкнулась с тягой рабочих к газете. Им хотелось поделиться своими мыслями, рассказать о положении на их заводах и фабриках. Она с увлечением читает корреспонденции, написанные загрубевшими трудовыми руками. Исправляя ошибки, Мария Ильинична старается бережно сохранить индивидуальный стиль корреспонденций, их язык, образный, доходчивый. В годы первой русской революции она приобретает опыт подбора рабочих корреспондентских кадров, умения расспросить обо всем и помочь записать рассказанное. К ней тянулись люди, чувствуя ее живую заинтересованность в их судьбах, в их жизни. Она научилась суммировать и классифицировать материал, делать политические выводы из разрозненных сведений, поступающих из разных районов.

Трудно и опасно было распространять газету, хотя она и выходила с разрешения властей. Черносотенцы охотились за распространителями, избивали их, отнимали и уничтожали газетные листы. В распространении большевистской литературы большую помощь оказывали подростки с рабочих окраин — они умели проникать всюду, знали, кому можно предложить газету, а кого обойти стороной. Ранним утром собиралась у редакции стайка мальчишек, они расхватывали пачки только что отпечатанных газет и разбегались до того, как нагрянет полиция. А она не забывала большевистской газеты. Из 27 подготовленных и напечатанных номеров 15 были конфискованы. Цензоры накладывали арест на целые полосы. Почти каждый день Мария Федоровна отправлялась «выяснять отношения» — доказывать, что ничего крамольного авторы не имели в виду. А Мария Ильинична с горечью наблюдала, как уничтожали конфискованный тираж, как гибли усилия стольких людей и важнейший, актуальнейший материал, добытый с таким трудом, пропадал зря.

Мария Ильинична хлопочет и в связи с изданием работы Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», которую в период революционного подъема удалось выпустить в России дважды.

Пламя революции разгоралось. Партия большевиков, вооруженная

решениями III съезда и указаниями Ленина, вела массы к вооруженному восстанию. Необходимы были листовки, прокламации. Партия нуждалась в собственной типографии. Мария Ильинична по просьбе Ленина взялась организовать типографию. У нее были надежные помощники среди рабочих Семянниковского завода. Печатные машины доставали по частям, шрифт с большим трудом получали у рабочих разных типографий. Возник вопрос: где все это хранить? И тут Мария Ильинична вспомнила, что одна ее хорошая знакомая служит начальницей богадельни. Богадельня находилась на Знаменской улице. В ней были спальные корпуса, столовая. На территории богадельни находилась и Знаменская церковь, куда ходили старушки. Начальница сама переговорила со священником. И вот однажды к церкви подъехала подвода. Обитатели богадельни и обыватели примыкающих кварталов наблюдали, как несколько молодых парней разгружали мешки и носили их в боковой церковный притвор. «Что привезли?» — спрашивали старушки друг у друга. Одна из них обратилась к грузчикам: «Что это вы привезли, ребятки?» Вытирая пот со лба, молодой кудрявый парень откликнулся с улыбкой: «Новые иконы, бабушка! Станет ваша церквушка нарядной да красивой». Обрадованные старушки разнесли новость по округе, обыватели стали терпеливо ждать и не обращали внимания на шум, который иногда доносился из бокового притвора. Через несколько дней после доставки типографских рам к богадельне на извозчике подъехали какие-то дамы с огромными корзинами, доверху заполненными свежееиспеченными булками — подарком благотворительниц. Булки вечером раздали старушкам, а груз, спрятанный на дне корзин (мешки со шрифтом), последовал туда же, где находилась типографская машина. Одна из участниц организации типографии, М.И.Киреева, рассказывала: Мария Ильинична «...тогда часто бывала в богадельне. Она часто пользовалась удобной проходной гардеробной для переодевания, когда надо было ехать на заставу, — там всегда висел старенький жакет и серый заплатанный платочек, которые она надевала в свои поездки за Невскую заставу. Приезжая, она переодевалась в свое скромное пальто и поношенную шляпку, более подходящую для городских поездок. Этому она научила нас...

Наконец настал день, когда помещение для подпольной типографии было подготовлено и под видом освящения икон в Александро-Невской лавре погрузили на извозчиков всю типографию и поехали на заставу»³⁵.

Подготовленная Марией Ильиничной типография сыграла очень большую роль после разгрома большевистской газеты «Новая жизнь». В ней было напечатано много ленинских материалов.

Обстановка требовала присутствия Владимира Ильича. В Россию приехали уже многие партийные активисты. Правительство, пытаясь погасить революционный пожар, опубликовало и всячески рекламировало «Манифест 17 октября». Объявлены политические свободы. Большевики разъясняли массам политику царизма, раскрывали мизерный характер уступок, которыми правительство хотело успокоить массы.

Появиться на родине легально Ленин не мог, его бы сразу арестовали. Владимир Ильич выехал в Россию через Стокгольм, где его должен был встретить товарищ с паспортом и всеми необходимыми документами. Проводника и документы прождал Владимир Ильич в столице Швеции почти две недели. Мария Ильинична договорилась, что Ленин будет жить у Петра Петровича Румянцева, большевика, имевшего хорошее легальное положение. Через 10 дней приехала и Надежда Константиновна, остававшаяся в Швейцарии для улаживания партийных дел. Забот у Марии Ильиничны прибавилось. Ленин с женой, помыкавший по разным меблированным комнатам, решили попытаться поселиться легально. Маняша договорилась со старым знакомым, что брат будет жить у него, но, как только Владимир Ильич и Надежда Константиновна прописались, дом окружила свора шпииков. Утром, направляясь к брату за статьей для «Новой жизни», Мария Ильинична с изумлением увидела в подворотнях лиц, принадлежность коих к полиции не вызывала никаких сомнений. С легальным житьем ничего не получалось. Оба, и Владимир Ильич, и Надежда Константиновна, поселились нелегально, врозь.

8 ноября Мария Ильинична принесла в «Новую жизнь» первую статью Ленина «О реорганизации партии», где он прямо и откровенно писал о партийном съезде, о борьбе с кружковщиной, о необходимости влить в партию широкие кадры рабочих. Эта статья привела к расколу в редакции, из газеты, по словам Марии Ильиничны, ушли минские и бальмонты. Она превратилась в боевой партийный орган. Постепенно газету оставили все модные литераторы, их не устраивали ее задорный, революционный дух, яркая антиправительственная направленность.

Редакция, находившаяся в центре города, служила местом встреч с Лениным для всех членов Петербургского комитета. Владимир Ильич сам редактировал газету, обязательно просматривал материал, присланный рабочими. Теперь Мария Ильинична подробно докладывает ему о своих встречах с кружковцами, об их реакции на его статьи. Она всегда видит его в окружении товарищей. Работа в редакции кипит с раннего утра до глубокой ночи. Ленин стремится к общению с широкими массами.

В конце 1905 года состоялось и несколько публичных выступлений

Владимира Ильича. Придавая огромное значение Советам как боевому органу борющегося пролетариата, Ленин выступил 13 ноября на заседании Петербургского Совета рабочих депутатов по вопросу о мерах борьбы с локаутом, объявленным предпринимателями в ответ на введение рабочими 8-часового рабочего дня явочным порядком. Мария Ильинична присутствовала на собрании в Вольно-экономическом обществе, куда пришли очень многие партийцы, чтобы послушать доклад Владимира Ильича по аграрному вопросу. Мария Ильинична видела, как волнуется брат. Впервые он выступал в России на таком большом собрании единомышленников, где открыто говорилось о важнейших вопросах революции.

В разгар революции Мария Ильинична вела и большую самостоятельную пропагандистскую работу. Она руководила рабочими кружками, проводила собрания, беседы. Один из старых членов партии, Н.Власьев, рассказывал: «М.И. часто в 1905 году стала бывать у текстильщиков на Малой Болотной улице (сейчас ул. Красных текстильщиков) под конспиративным именем Александры Михайловны. Подпольная организация ежегодно проводила маевки на Охте, где жили многие текстильщики. Последняя маевка с участием Марии Ильиничны проходила в мае 1907 года»³⁶. Впоследствии Мария Ильинична с благодарностью вспоминала рабочих, которые помогали ей в трудные и прекрасные годы первой русской революции. Так она писала об Алексее Ивановиче Катькове: «...Вспомнились старые времена — 1906 год, когда я в качестве партийного организатора вела работу на фабрике, носящей теперь славное имя Ст.Халтурина. Алексей Иванович и живший вместе с ним Герман Беляев были моими активными помощниками по организации кружков, распространению нелегальной литературы и листовок, сбору денег и пр. Я частенько заходила к ним на квартиру на Малой Болотной, называлась я тогда Александрой Михайловной»³⁷.

Пройдут годы... В 1936 году исполнится 100 лет Невской бумагопрядильной мануфактуре. И рабочие пришлют своему пропагандисту юбилейный выпуск газеты «Трибуна халтуринцев» и следующее письмо:

«Дорогая Мария Ильинична,
Мы, рабочие фабрики № 1 им. Ст. Халтурина, в торжественный день празднования 100-летия нашей фабрики шлем тебе свой сердечный пламенный большевистский привет. Большевики нашей фабрики бережно хранят в памяти твой образ

большевика-подпольщика, славного борца старой ленинской гвардии, пришедшего к нам для организации первых революционных кружков. Будучи неустанным проводником великих идей основоположника нашей партии — Владимира Ильича Ленина, ты неразрывно связала свою судьбу с борьбой пролетариата за социализм. Ты отдавала все свои силы, чтобы приблизить светлую, счастливую жизнь, которая строится в нашей стране... Как день от ночи отличается наша жизнь сейчас от жизни на фабрике барона Штиглица...

Наше сегодня

— это 31% стахановцев.

— это 30% [в] 35 г. рост производительности труда.

— это 40% [в] 35 г. рост зарплаты.

В то же время мы говорим, что это не есть наш предел. На основе освоения техники мы еще больше поднимем производительность труда, еще лучше сделаем нашу жизнь. Да здравствует партия, воспитавшая тебя...»³⁸

Вместе с Лениным и партией Мария Ильинична радостно переживала годы подъема революции. События, многие из которых вошли в историю ленинской партии, в историю России, в историю коммунистического и рабочего движения всего мира, тогда чередовались с калейдоскопической быстротой. Декабрьское вооруженное восстание в Москве, I Дума, II Дума, IV съезд партии, V съезд партии, аресты и гибель товарищей — все это было частью и собственной жизни семьи Ульяновых.

9 мая 1906 года Мария Ильинична была на трехтысячном митинге в Народном доме Паниной, где Владимир Ильич выступил под фамилией Карпова. Здесь собрались представители всех рабочих районов. Вот как пишет о реакции рабочих на это выступление Надежда Константиновна:

«Аудитория замерла. Необыкновенно подъемное настроение охватило всех присутствовавших после речи Ильича, в эту минуту все думали о предстоящей борьбе до конца».

После митинга Мария Ильинична долго взволнованно рассказывала матери о выступлении брата и реакции рабочих.

Революция шла на убыль. Полиция нагнала, по словам Крупской. Кровью рабочих и крестьян заливала черная сотня очаги революционного движения.

Только большое самообладание спасло Марию Ильиничну от тюрьмы в 1907 году. Шло очередное рабочее собрание в конспиративной квартире

на Песках. Вдруг раздался условный стук, и в прихожую вбежал молодой рабочий, стоявший «на страже». «Скорее! — крикнул он. — Во дворе полиция, окружают дом!» Квартира находилась на пятом этаже. «Спокойно, — сказала Мария Ильинична, — товарищи, есть еще несколько минут, стучите во все квартиры подряд. Кто-нибудь и пустит». Действительно, жильцы нескольких квартир открыли двери и многих спрятали от полиции. Марию Ильиничну схватили. Так как брали всех, кого встретили на лестнице, во дворе, в конспиративной квартире, указанной провокаторами, то в участке арестованные имели возможность разыгрывать полное незнание друг друга. Мария Ильинична отказалась себя назвать, мотивируя свой отказ тем, что живет с больной и старой матерью и не хочет, чтобы ее испугал ночной обыск. Товарищи тоже держались мужественно — никто «не знал», как настоящее имя Александры Михайловны и где она живет.

Утром Мария Ильинична спокойно назвала адрес. Она знала, что мать и сестра поняли, что произошло, и давно спрятали все интересующее жандармов. Ее сопровождал к дому целый наряд полицейских во главе с приставом. Мария Ильинична с трудом удерживалась от желания рассмеяться ему в лицо, когда он несколько раз подряд спросил, сколько мужчин живет в квартире, и при этом все хватался многозначительно за висевший на боку пистолет. Он явно трусил. Вот и дом. Медленно поднимались по лестнице. Впереди Мария Ильинична, за ней полицейские. Два человека остались у входа. Где-то наверху захлопнулась дверь. Навстречу быстро застучали каблучки. На площадке второго этажа Мария Ильинична лицом к лицу столкнулась с Лидией Александровной Фотиевой. Та лишь метнула ей ободряющий взгляд и быстро пробежала вниз. Пристав покосился ей вслед, но задержать не решился. Мария Ильинична облегченно перевела дух — Лида унесла все, что нельзя было спрятать или уничтожить. Обыск продолжался несколько часов, но ничего не дал. Настолько ничего, что перед Марией Ильиничной извинились и оставили ее на свободе.

Тучи сгустились. Одна за другой закрывались большевистские газеты. Их упорно открывали вновь, под иными названиями. Менялись официальные редакторы, но редакция оставалась почти неизменной. Правительство закрывает сначала «Новую жизнь», затем «Вперед», потом «Эхо».

Владимир Ильич уехал в «ближнюю эмиграцию» — в Финляндию на станцию Куоккала, где поселился на большой даче, носившей название «Ваза». В Петербург приходилось выезжать редко и с большой осторожностью. Связной была Надежда Константиновна. Несколько раз

приезжала к нему в Куоккала и Мария Ильинична. После V съезда Владимир Ильич чувствовал себя совершенно разбитым.

Наступает мрачный период столыпинской реакции. 18 июня 1907 года особый отдел Петербургского жандармского управления предложил начальнику охранного отделения сообщить все данные о Ленине и «возбудить вопрос о выдаче его из Финляндии». Ленин и Крупская переезжают в глубь Финляндии, на дачу Книповичей близ маяка Стирсудден. Наступили краткие дни отдыха в кругу друзей. В письмах к матери Владимир Ильич всячески расхваливает отдых. Надежда Константиновна вспоминала, что первое время он много спал, так сильно было переутомление. И здесь Владимир Ильич оставался руководителем партии. Встал вопрос об отношении к III Думе. В обстановке жестокой реакции бойкот ее был бы ошибкой. Ленин предлагает использовать думскую трибуну для защиты демократических свобод.

Мария Ильинична, живя в Петербурге, чувствует постоянную слезку. Владимир Ильич советует ей на некоторое время уехать в Самарскую губернию к родственникам Марка Тимофеевича. Объяснение для любопытствующих — необходимость отдыха.

Уйдя от слезки, Мария Ильинична сумела объехать несколько городов Поволжья, прежде чем прибыла к месту «отдыха». Ведь ее главная задача — передать местным организациям директивы Ленина. В Поволжье ее хорошо знают, здесь много друзей, крепкие, надежные организации. Об обстановке на местах Мария Ильинична подробно информирует брата. К сожалению, не сохранилось писем самой М.И.Ульяновой, но о проделанной ею работе можно судить по ответам Владимира Ильича. Мы видим, что во всех организациях дебатировался вопрос об отношении к III Думе.

Ленин пишет сестре из Стирсуддена на станцию Кинель Саратовской губернии: «Я против бойкота III Думы, и скоро, верно, выйдет у меня одна вещь по этому поводу, которую я только что кончил (имеется в виду статья «Против бойкота (Из заметок с.-д. публициста)» — Авт.). Нельзя, по-моему, повторять такой лозунг вне обстановки подъема, вне борьбы с первыми конституционными иллюзиями. Новый подъем (может быть, в связи с июльской стачкой московских текстильщиков, — ожидается стачка до 400 000 человек) надо расширять, готовить, превращать в общий, но провозглашать бойкот неуместно. Мы от него не должны зарекаться, при случае в момент подъема мы выдвинем бойкот. Но сейчас провозглашать его было бы либо преждевременной бравадой, либо некритическим повторением лозунгов, имеющих славное революционное прошлое. Такова

в двух словах моя аргументация, в печати подробно развиваемая.

Пиши, как устроилась и довольна ли. Большой привет Марку и всем знакомым»³⁹.

Ленинское письмо показывает, что Владимир Ильич доверяет сестре самые ответственные поручения. Письмо меньше всего похоже на родственное послание. Перед нами переписка политических деятелей, находящихся на переднем крае борьбы.

Выполнив поручения Владимира Ильича, Мария Ильинична вернулась в Петербург, а затем поселилась вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной, возвратившимися из Стирсуддена, в Куоккала. Сюда к Владимиру Ильичу приезжали товарищи за советом, за указаниями.

Мария Ильинична расшифровывает протоколы V съезда РСДРП, помогает Крупской готовить их к публикации, чтобы с ними познакомились все члены партии. В Куоккала Мария Ильинична много трудится над переводами. Но душа ее неспокойна — она скучает по матери, которая живет в Липитине у Дмитрия Ильича. Она не привыкла разлучаться с ней надолго. Ленин и Крупская уговаривают ее не торопиться в Петербург. В письме к Анне Ильиничне Мария Ильинична рассказывает: «Я, как видишь, еще в Куоккала, собралась было совсем в среду и манатки свои складывать начала, а потом меня разговорили: я взяла да и осталась еще на неделю. На днях уже окончательно уезжаю, тем более что и делать здесь больше нечего. Переводная моя работа была вдруг и довольно неожиданно закончена! Наши (т.е. Б.Ц.) (Мария Ильинична имеет в виду Большевицкий центр во главе с Лениным, созданный на заседании большевистской фракции V съезда РСДРП. — Авт.) решили, что не будут издавать этих докладов. Постановили перевод приостановить, переводчикам уплатить и искать издателя. Я все ж таки успела перевести листов 5... Если попадется что-нибудь хорошее для перевода, пришли — я так привыкла к переводной работе, что буду чувствовать себя, точно без дела, без нее...

В. уже поправился, и сегодня мы с ним странствовали много. Милый котыка — как мне без него будет скучно. И без всех. Одной.

Ну, ладно, как-нибудь».

Анна Ильинична на короткий срок выезжала за границу, старалась найти документы, оставленные в Женеве. От имени Ленина она вела переговоры об издании трехтомника «За 12 лет», подготовленного Владимиром Ильичем в Куоккала. Мария Ильинична помогала Ленину в редактировании первого тома. Еще в октябре 1907 года Владимир Ильич собирался прожить в Куоккала зиму. Он писал матери: «Теперь устроились

мы на старом месте на зиму по-семейному. Надеемся, что зима будет не такая холодная, как прошлый год. Да мы, впрочем, теперь лучше приспособимся и «законопатимся». Я вполне доволен и помещением и всем нашим устройством. Маняша погостила у нас и теперь еще здесь, но собирается сегодня уезжать по случаю наступления зимы: сегодня первый снег выпал, погода повернула на холод...

Здесь мы живем с компанией хороших друзей. (На даче жил не только хозяин — Г.Д.Лейтейзен с семьей, но и Богдановы, Иннокентий Дубровинский, Н.А.Рожков. — Авт.) Есть книги, работа. Гуляем по берегу моря. Маняша, кажется, здесь себя недурно чувствовала, работала много — переводила»⁴⁰.

Но прожить долго на родине Владимиру Ильичу не удалось. Полицейские ищейки начинают проникать и в Финляндию. Первый том книги «За 12 лет» был конфискован, автора решили привлечь к суду. 22 декабря судебная палата вынесла приговор об уничтожении книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Мария Ильинична, живя в Петербурге, узнает об этом первой и через связника сообщает в Куоккала. Она же сообщила, что Большевицкий центр решил перенести издание газеты «Пролетарий» в Швейцарию. Ленин выезжает во вторую эмиграцию, которой суждено было продлиться 10 лет. Он даже не имел возможности проститься с родными. Через товарищей, осуществлявших его переезд через границу Российской империи, Мария Ильинична узнала, что он благополучно уехал в Стокгольм, дождался там Надежду Константиновну, задержавшуюся в Куоккала для ликвидации дел. Мария Ильинична оставалась в Петербурге самым доверенным лицом Владимира Ильича.

Будни революционера

Для Владимира Ильича начались тяжелейшие годы эмиграции, годы ожесточенной борьбы с теми, кто в мрачный период реакции отошел от марксистских позиций. Он разоблачает идеалистическую философию богоискательства и богостроительства, показывает оппортунизм «ликвидаторов» и «отзовистов», учит партию завоевывать массы в обстановке усталости и разочарования, вызванных поражением первой русской революции. Местные работники опять в глубочайшем подполье, но партия живет, создаются все новые ячейки, используются и легальные и нелегальные методы работы.

Связь с Россией необходима была Ленину как воздух. Только по обширным материалам, присылаемым сестрами и оставшимися на свободе товарищами, он может сделать правильные выводы о положении в стране. Сразу по приезде в Женеву Владимир Ильич пишет Маняше: «Вчера я писал Льву Борисовичу по поводу статейки и просил раздобыть мне протоколы III Думы (официальное издание стенографических отчетов, а также заявления, запросы и законопроекты, вносимые в Думу). Достать это можно только через личные связи. Похлопочи, пожалуйста, чтобы кто-нибудь согласился давать мне это, и высылай все, без пропусков. Попрошу также высылать мне все профессиональные журналы, выходящие еще в России (СПБ., Москва тоже), покупая их немедленно... посылай мне, пожалуйста, все новинки издания меньшевиков (буде у них что выходит) и прочее. Я выписал себе «Товарищ» («Наш Век») с 1 января и буду следить тоже за новинками»⁴¹.

Сестры вместе с матерью обосновались в Петербурге, а Дмитрий Ильич уехал к новому месту службы в Москву. Зима 1908 года была в Петербурге холодной, ветреной. Мария Ильинична ежедневно проделывает несколько маршрутов в различные концы города — в одном месте надо получить иностранную литературу, присланную из-за рубежа, в другом — назначена нелегальная встреча, в третьем — ее ждут издательские переговоры.

Квартира, которую нанимали осенью, зимой показала все свои недостатки — она не прогревалась никакими печами, в углах комнат намерзла изморозь. Сначала заболела Мария Александровна. Дочери всполошились, ведь ей уже 73 года, и она плохо переносит высокую температуру. Врачи находили простуду и небольшое воспаление легких.

Мать поместили в самой теплой комнате. Чтобы развлечь ее, Мария Ильинична иногда садилась к фортепиано. Вечерами, возвращаясь из очередного похода на конспиративную встречу, она приносила к ужину что-нибудь повкуснее.

В середине февраля захворала сама Мария Ильинична. Несколько дней она чувствовала слабость и озноб, кружилась голова, трудно было утром вставать, ныли руки и ноги. Через неделю вдруг подскочила температура... Утром Анна подошла к постели младшей сестры и увидела, что лицо ее пылает, глаза блестят, дышит она часто и тяжело. Положила руку на лоб — температура. Доктор констатировал тиф. Попросили его пока ничего не говорить матери, ведь эта болезнь уже отняла у нее одну дочь. Анна Ильинична даже растерялась — мать и сестра больны, Марк Тимофеевич в командировке, Дмитрий в Москве. На помощь пришла Лидия Михайловна Книпович, жившая по соседству. Она взяла на себя роль добровольной сиделки, ухаживала за больной, покупала провизию и каждый день писала Владимиру Ильичу в Женеву, но он боялся поверить ее успокоительной информации и с тревогой запрашивал Анну: «Это беда, что Маняша схватила тиф! Лидия Михайловна пишет каждый день и сообщает, что температура невысока. Но я боюсь придавать этому известию успокоительное значение: бывают ведь тяжелые формы тифа с невысокими температурами.

А как мамино здоровье теперь?..

Послал Маняше книгу для перевода (немецкий роман). Получили ли (из Лейпцига)? Ей же писал о книге Анатоля Франса (*La vie de Jeanne d'Arc*) и Синклера...»⁴²

Постепенно здоровье Марии Ильиничны восстанавливается. Мать уже на ногах, и ее теплая забота вливает в дочь новые силы. Весна прогнала холод, все ярче светит солнце, поголубело питерское северное небо. Ослабевшая, с едва отросшими волосами, Мария Ильинична передвигается по квартире. Она похожа сейчас на большеглазого подростка; родные рады ее выздоровлению. «Дорогая Маняша! — пишет Владимир Ильич. — Надеюсь, что тебе теперь уже можно читать самой и что ты почти здорова. Безобразно долго провозилась с болезнью! Но главное, — чтобы не было повторений. Самое опасное после этой болезни — какие-нибудь утомления или нервное волнение. Вот когда бы в Стирсудден тебя отправить! Когда будешь вполне здорова, черкни мне пару слов. Я еду на недельку в Италию. Напишу по возвращении.

Крепко тебя обнимаю и желаю хорошенько поправляться»⁴³.

После тифа Мария Ильинична очень ослабла. Сказалось и огромное напряжение предыдущих лет. Выздоровление идет медленно. Необходимо как можно больше бывать на свежем воздухе, но дачи под Петербургом у них больше нет: Марку Тимофеевичу пришлось продать дом в Саблине, к которому все так привыкли. Мария Александровна решила ехать вместе с Маняшей в Михнево, где служил в земской больнице Дмитрий Ильич.

Младший брат, напустив невероятную серьезность, внимательно обследует мать и сестру и вырабатывает для них строжайший режим. «Двигаться, гулять как можно больше!» — таково его главное требование.

Выздоровление пришло внезапно. Мария Ильинична проснулась от яркого солнечного луча, который ударил ей в глаза. За распахнутым окном щебетали птицы. Она вдруг почувствовала, что абсолютно здорова. Гимнастика доставила ей удовольствие. Вбежав в столовую, она весело и звонко потребовала: «Еды как можно больше и еще больше газет!» Все переглянулись и радостно засмеялись ей навстречу. «Все, я без пациентов, — обрадовался Дмитрий Ильич и тут же, не дав сестре продолжать, заявил: — Но в Москву поедешь только через неделю! И не спорь, я врач, я отвечаю за твоё здоровье».

Постепенно поездки в город становятся регулярными. Переписка с Женовой оживляется, растет количество поручений Владимира Ильича, личных и партийных.

Владимир Ильич сообщает о работе над своей философской книгой «Материализм и эмпириокритицизм», просит найти издателя, запрашивает, как всегда, много литературы.

Мария Александровна с младшей дочерью решила обосноваться в Москве. О возвращении в Петербург не может быть и речи — в городе вспыхнула холерная эпидемия. Мария Ильинична собирается в Швейцарский университет, но для поступления туда необходимо иметь документы об окончании курсов французского языка. Для отъезда за границу, думается, есть и другие причины, о которых ничего не говорится в семейной переписке. Ведь партийная деятельность Марии Ильиничны не прекращается ни на минуту, хотя обстановка в Москве по-прежнему остается трудной, один за другим идут аресты.

Осенью 1907 года были арестованы несколько районных партийных собраний, Бутырский и Железнодорожный райкомы и весь состав Московского комитета. В феврале 1908 года полиция разгромила типографию большевистской газеты «Борьба», изъяв при обыске 100 экземпляров программы РСДРП и другие партийные документы. 1 июня арестовали часть делегатов партийной конференции Московской окружной

организации. Поэтому было решено на время перенести работу в районные организации. Зубатов продолжает внедрять провокаторов, бороться с ними тяжело. В таких условиях лучше на некоторый срок уйти из-под «недремлющего ока».

Мария Ильинична уехала из Михнева и поселилась в Москве в меблированных комнатах. Она много занимается. Экзамены предстоят сложные, устные и письменные. И хотя Мария Ильинична уже делала переводы с французского, она знает его пока хуже, чем немецкий. Получить звание учительницы французского языка не каприз. Теперь трудно достать уроки, а она нуждается в средствах. Даже когда по рекомендации нанимаешься в домашние учительницы, требуют диплом, и желательно иностранный.

Встав на путь профессионального революционера, Мария Ильинична подчиняет свою жизнь партийной работе. Она уже не всегда может себе позволить государственную службу. Людей, имеющих такую полицейскую характеристику, берут неохотно, а если и находится место, то вокруг, как правило, много добровольных помощников полиции. Ей нужно свободное время и свобода передвижения. И она сидит над учебниками. В Петербург Анне Ильиничне посылает письмо: «Сегодня получили твою открытку из Питера. Ты в ней пишешь о мамином письме и ни слова о моем, которое было вложено в том же конверте. Я писала там, что, кроме аттестата и метрического свидетельства, нужен еще папин формулярный список. Грустно будет, если ты не найдешь все эти бумаги...

Вчера получила письмо от Володи. Он пишет, что книга («Материализм и эмпириокритицизм». — Авт.) его затянулась, надеется кончить ее к 1/X по новому стилю. Всего будет 20 — 25 листов (40 т. букв). Просит заключить с издателем точный договор...

Я зубрю вовсю, хотела начать экзамены 18/IX, но, по-видимому, не удастся...»

И все же она сдала экзамены вовремя и очень успешно. Все документы собраны. Можно и в дорогу. Туда, в Женеву, к Владимиру Ильичу! Ее багаж состоит из нескольких мест, громоздок и тяжел, хотя «гардероб», как тогда выражались, уместается в небольшом чемодане. Мария Ильинична пользуется возможностью отвезти Ленину как можно больше периодической литературы и с таким трудом добытые официальные документы о работе Думы, статистические сборники.

Дорога промелькнула незаметно.

Женева встретила путешественницу ярким солнцем, синью озера и улыбками родных. Город показался ей празднично-нарядным, каким-то

слишком чистым и светлым.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили на уютной узкой улочке Марэше, недалеко от улицы Каруж, где помещалась типография «Пролетария». Квартирка была двухкомнатной, на третьем этаже. Хозяйство вела мать Крупской Елизавета Васильевна. За несколько дней до приезда Марии Ильиничны освободилась маленькая квартирка этажом выше, и Владимир Ильич поспешил снять ее для сестры.

Первые дни были заполнены разговорами, обменом информацией, знакомством с большевистской колонией.

В университете Марию Ильиничну ждал неприятный сюрприз — сданный с таким трудом французский язык не нужен, зато совершенно необходима латынь.

Владимир Ильич предложил сестре помочь в изучении латыни, но тут у нее снова начались нелады со здоровьем. Воспаление среднего уха вызывало такую головную боль, что даже читать было трудно. Женевский врач, прописав лечение, посоветовал все же обратиться к лучшему специалисту по ушным болезням, практикующему в Лозанне. Обо всех перипетиях ее швейцарской жизни подробно сообщает Владимир Ильич матери в письме от 17 ноября 1908 года: «Дорогая мамочка! Маняша сегодня поехала в Лозанну к Dr.Mermod, знаменитости по ушным болезням. Он назначил ей визит письменно: приходится ждать очереди у здешних знаменитостей. Но зато, по общему отзыву, врач этот дельный. Я четыре года назад делал маленькую операцию у него в клинике: работают великолепно. Надеюсь поэтому, что Мане он поможет, а то ее все же порядком еще беспокоит ухо и мешает работать. Поселилась она на нашей лестнице, этажом выше; в комнате поставили печку, так что теперь тепло, хорошо. Обедает и ужинает она у нас. Неудача только вышла у нее с латинским языком. Оказалось, что латынь требуется и что держать экзамен можно только 19.XI. До этого срока оставалось ей всего десять дней. Я было попробовал убедить ее рискнуть, пройдя «ускоренным маршем» грамматику; благо, французский она хорошо знает. Но оказалось, что работать очень интенсивно она не может, ухо мешает; да и срок до того маленький, что шансы плохи. Так и бросила латынь. Утешается тем, что мы, вероятно, все переедем в Париж, а тогда и она, конечно, с нами. В Париже не требуют латыни»⁴⁴.

Центр большевистской эмиграции и печатание «Пролетария» решено перенести в Париж.

Мария Ильинична не жалеет о Швейцарии. Она не привыкла к мерному, сонному существованию швейцарских городов. Здесь нет

шумных собраний и уличных манифестаций. Обыватели с опаской и недоверием смотрят на странных, вечно о чем-то спорящих русских, которые так плохо одеты и так скромно питаются. В небольших городах полиции легко проследить за всеми вновь прибывшими. Русское правительство требует, чтобы Швейцария не давала убежища русским революционерам. Русским эмигрантам становится труднее найти комнату, снять помещение для собрания или реферата.

Владимир Ильич колеблется: жизнь в Париже очень дорога, а их средства чрезвычайно ограничены. В Швейцарии прекрасные библиотеки, в маленьких кафе можно бесплатно получать важнейшие европейские газеты. Работать удобно, завязаны связи со швейцарскими социал-демократами. Но все больше русских эмигрантов переезжает в Париж, там разворачивается основная работа и внутрипартийная борьба. Из Франции приехали товарищи, они убеждают Владимира Ильича в необходимости переезда. «Приводились разные доводы, — вспоминает Н.К.Крупская. — 1) можно будет принять участие во французском движении, 2) Париж большой город — там будет меньше слежки. Последний аргумент убедил Ильича».

Мария Ильинична со свойственной ей горячностью тоже агитирует брата за переезд. Ее привлекает политическая и культурная жизнь французской столицы, кроме того, ей хочется перевестись в Сорбонну, где латынь не требуется и где она уже летом 1909 года может получить диплом учительницы французского языка. Как только вопрос принципиально решился, Мария Ильинична первая снялась с места, взяв на себя хлопоты по подысканию квартиры в Париже. Она забирает свои документы и без сожаления расстается с Женевским университетом.

Из окна вагона сквозь пелену дождя Женева уже не кажется ей такой уютной. Владимир Ильич и Надежда Константиновна дают ей последние наставления. Мария Ильинична улыбается про себя: для Володи она все еще маленькая девочка, нуждающаяся в заботе и опеке.

Сняв себе маленькую комнатку на бульваре Сен-Мишель, поблизости от Сорбонны, Мария Ильинична поспешила в университет. Занятия уже давно начались, она записалась на второй семестр. Товарищи помогали подыскать квартиру для Владимира Ильича с семьей. Они обошли прилегающие кварталы и остановились на четырехкомнатной квартире по улице Бонье. Марию Ильиничну смущают огромные комнаты, камин и зеркала, а уж плата вообще ей кажется ужасающей, но товарищи убеждают, что такая квартира в России стоит во много раз дороже. Нет, сама она не может решить этого вопроса. На всякий случай дав задаток, она попросила

хозяйку подождать несколько дней до приезда брата.

Наконец они опять все вместе. Мария Ильинична с тревогой вглядывается в осунувшееся лицо брата, замечает его отсутствующий взгляд. Ей понятно его волнение — все мысли Владимира Ильича поглощены предстоящей совместно с меньшевиками партийной конференцией. Обстановка сложилась тяжелая.

Только большевики не растерялись перед натиском контрреволюции. Они считали поражение революции явлением временным. Новый революционный подъем неизбежен. Значит, отступать надо в порядке, надо сохранить партию, укреплять ее связи с массами. Не верившие в новую революцию меньшевики требовали ликвидировать нелегальную организацию, прекратить революционную борьбу. В другую крайность ударились некоторые большевики: они призывали партию отказаться от легальных форм работы и отозвать социал-демократических депутатов из Государственной думы. Еще до приезда Ленина и Крупской Мария Ильинична побывала в целом ряде кафе, где обычно собирались русские политические эмигранты. Не вступая в спор, внимательно прислушивалась к высказываниям ораторов. Она понимала, почему волнуется Владимир Ильич. Было необходимо, дав правильную оценку момента, добиться, чтобы партия осталась авангардом рабочего класса, помогла массам справиться с трудностями, организовать для новых боев.

И V Общероссийская конференция определила революционную линию и организационную политику партии на время реакции. Конференция осудила ликвидаторство и решительно отмежевалась от отзовизма.

Мария Ильинична втягивалась в студенческую жизнь. В Сорбонне учились люди из разных стран, в коридорах и аудиториях слышалась разноречивая речь. Спорили об искусстве, о социальных проблемах, посещали многочисленные лекции, рефераты, официальные и неофициальные художественные выставки.

День Ульяновой заполнен до отказа. Она не хочет пропустить ни одной встречи с приехавшими из России товарищами. Слушает рассказы бежавшего из Сольвычегодской ссылки Иннокентия Дубровинского. Он почти не может ходить; кандалы до кости растерли ногу, появилась незаживающая рана. Мария Ильинична помогает брату устроить Инока на лечение к профессору Дюбуше. Кто знал, что через несколько месяцев ей самой придется стать пациенткой Дюбуше?!

Она прислушивается к оживленным беседам Ленина и Дубровинского о философии. Ленин рад, что Дубровинский на его стороне в борьбе против

идеализма, который пытается протащить в партийные ряды Богданов. Обидно, что к идеалистам примыкают Луначарский, Горький... Владимир Ильич с нетерпением ждет выхода из печати своей книги «Материализм и эмпириокритицизм». Все силы Ленина направлены на разгром отзовизма и ликвидаторства.

В феврале ненадолго приехал в Париж Марк Тимофеевич. Он привез Владимиру Ильичу сведения из России — их нельзя было доверить переписке.

Елизарову хочется как можно лучше узнать Париж. Мария Ильинична берет на себя обязанности переводчика. Теперь, возвращаясь с лекций, она неизменно сворачивает в узенькую улочку, где живет Марк. Они посещают музеи, театры, ходят на митинги и собрания, слушают парламентские прения. Спокойный, уравновешенный, обладающий большим чувством юмора, Марк Тимофеевич вносит успокоительную ноту в жизнь своих родных. К Маняше он проявляет трогательную заботу: ему все кажется, что она слишком много занимается и плохо ест. Когда они гуляют по городу, его так и тянет в маленькие кафе, где можно угостить спутницу чем-нибудь вкусным.

Марк Тимофеевич и Маняша часами бродили по городу и старались представить себе, как здесь жили Гюго, Золя, Шопен. Улицы и площади как бы наполнялись литературными героями и их создателями.

Забирались они и на Монмартр. Смотрели, как работают художники. «Вот возьмем, купим картину, а через 100 лет это окажется шедевр», — шутил Марк Тимофеевич. Они не покупали картин, но их привлекали маленькие кафе Монмартра, где можно было запросто встретить знаменитых художников, артистов, поэтов.

Париж Коммуны звал их к себе... Кладбище Пер-Лашез. Стена коммунаров. Они приносили сюда скромные букетики фиалок. И Мария Ильинична старалась не замечать, как подозрительно блестят глаза Марка за стеклами очков, а он, такой внимательный, не спрашивал, что это она так закашлялась, почему отвернулась.

Мария Ильинична всегда будет с благодарностью вспоминать эти дни, проведенные в Париже с Марком Тимофеевичем. В письме к Анне она признается, что многого бы не увидела, если бы не Марк. Он оказался неутомимым и неутомным. Знакомые достали им билеты в ложи для публики во французском парламенте, и они часто слушали прения. Мария Ильинична усердно переводила. Увлекала сама процедура прений, пока еще недоступная на родине. Ходили на митинги, слушали французских ораторов-социалистов, наблюдали за реакцией слушателей. По примеру

Владимира Ильича и Надежды Константиновны ходили в маленькие народные театрики на окраинах. Здесь была и своя публика — рабочие с женами и детьми, свои артисты, свой репертуар. Выступали певцы — исполнители актуальных политических куплетов. То и дело вспыхивал смех, аплодисменты, а часто зал подпевал выступающим. Марк Тимофеевич задумчиво качал головой — все это было еще недоступно русскому рабочему. Царизм боялся даже намека на просвещение масс.

Как-то пошли в оперу. Конечно, на галерку — в партер и в ложи не пускали без вечернего туалета. Попали на новую оперу — «Монна Ванна» — молодого композитора Анри Феврие. Сюжет Метерлинка и музыка не увлекли Марка Тимофеевича и Марию Ильиничну, но обстановка премьеры захватила. Всеобщее оживление, красочное зрелище лож. А рядом с ними на галерке студенческая молодежь, как везде, в любой стране, экспансивная и бескомпромиссная. Опера была принята с прохладцей. Марк Тимофеевич и Маняша не спеша шли домой и вспоминали русскую оперу в Москве и Петербурге, в Казани и Самаре. Мягким приятным баском Марк Тимофеевич напевал знакомые и любимые обоими арии. А дома в лицах они изображали то, что недавно прослушали, вызвав улыбку на лицах Владимира Ильича и Надежды Константиновны.

Дни летели незаметно. Ульяновых, живущих в Париже, огорчили известия о болезни Марии Александровны. Это ускорило отъезд Марка Тимофеевича. Мария Ильинична тоже собралась было домой, но следующее письмо старшей сестры и уговоры брата заставили ее остаться.

В семейной переписке Ульяновых тесно переплетаются личные и политические аспекты. Мария Ильинична пишет сестре из Парижа (26/II-09): «Дорогая Анечка! Сейчас получила письмо твое от 8-го — большое спасибо тебе за него, дорогая!

Ты пишешь, что у мамы утром была нормальная температура, а вечером разве все еще поднимается? Был ли еще раз Титов?

Марк собирается ехать завтра, а я уж решаю остаться, хотя надежды сдать экзамен у меня очень мало. Последнее время мало занималась, теперь придется приналечь. Много приходится читать, особенно если ладить сдать экзамен в Alliance, надо знать литературу за 3 века. Приходится читать и из новой литературы, чтобы привыкать к языку.

Атмосфера здесь теперь очень тяжелая, Володиные предположения относительно раскола оправдываются, если уже не оправдались. Начата война против А.А. (Богданов. — Авт.) и Ник-ча (Л.Б.Красин. — Авт.). Ну, да Марк тебе расскажет подробно всю эту грязь...

Начала писать утром, потом пошла с Марком в палату депутатов,

осталась там дольше, чем он, а когда вернулась домой, застала Володю с чемоданом у двери — решил ехать в Ниццу на 10 дней! Я очень рада, там хорошо, говорят, розы цветут, купаться можно».

Чтобы не беспокоить мать и старшую сестру, Мария Ильинична лишь вскользь упоминает об обстановке и о поездке Ленина на юг. На самом деле борьба с недавними единомышленниками, извращавшими марксистскую философию, стремившимися увести пролетариат от политической борьбы, привела к полному истощению сил Владимира Ильича. Не надо забывать, что те, против кого пришлось бороться, были долгие годы друзьями, товарищами по партии.

В России Анна Ильинична занимается корректурой, следит за выходом в свет философского труда Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Наконец работа завершена. Ее с нетерпением ждут большевики. В одном из писем Анна Ильинична сообщила, что «выторговала» у издателя 100 авторских экземпляров и просит разрешения 50 оставить себе. Мария Ильинична шутливо пеняет ей: «...Кому это ты хочешь раздать так много экземпляров в Москве — патриотка ты эдакая московская! Чай бы, хватило штук 10 — 15? Нет? Мало?»

Она много времени уделяет занятиям. Сохранились тетради с конспектами лекций по истории французской литературы, которые записывала Мария Ильинична в Сорбонне. Она с увлечением читает Расина, Мольера, Ронсара. Вместе с Владимиром Ильичем зачитывается Верхарном и другими современными поэтами.

Лекции в Сорбонне читают лучшие профессора Франции. Курс истории, например, вел Шарль Сеньобос, специалист по новой истории, автор двухтомной «Политической истории современной Европы» и других работ. Марии Ильиничне нравятся его лекции, насыщенные богатым конкретным материалом. Вместе с тем ее удивляет, когда на лекции профессор развивает ту мысль, что история не носит научного характера, это лишь особый характер познания. Когда она рассказала об этом Владимиру Ильичу, он расхохотался: «Вот и вылезли ваши идеалистические уши, господин профессор!»

К предстоящему экзамену Сеньобос предложил студентам разработать индивидуальные темы. Мария Ильинична подошла к нему по окончании одной из лекций. «Профессор, вы не будете возражать, если я приготовлю к экзамену материал по французскому социализму?» Он удивленно посмотрел на русскую студентку. «Мадемуазель интересуется современной политикой? — спросил он. — Что же, я не возражаю. Ведь все русские интересуются политикой, не так ли? — пошутил Сеньобос и прибавил: —

С интересом жду вашей работы». Мария Ильинична написала к экзамену статью о французском социализме.

В марте 1909 года в Париже разразилась всеобщая забастовка работников почты и телеграфа, продолжавшаяся почти две недели. Конечно, досадно было не получать писем, не доставлялись на дом газеты и журналы. Но Ульяновых восхищала стойкость служащих, и они искренне радовались успеху забастовки. Владимир Ильич не уставал восторгаться организованностью французских рабочих.

Весной Мария Ильинична должна была сдавать экзамены. Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна стараются не занимать ее хозяйственной работой, создают лучший режим для занятий. Но, глядя, как она не дает себе ни минуты отдыха, Надежда Константиновна и Владимир Ильич иногда силой заставляют ее принять участие в загородных прогулках. Весна вступает в свои права. В начале прогулки Мария Ильинична обычно ворчит, говорит, что они будут виноваты, если она провалит экзамен, а потом ее увлекает движение (они выезжают на велосипедах), пьянит воздух. «О делах ни слова!» — предупреждает Владимир Ильич. Усевшись под дерево, они читают стихи или тихонько поют родные волжские песни.

Мария Ильинична пишет матери: «Дорогая мамочка!

Большое тебе спасибо, а также Мите и Анечке за письма! Получила их, когда поч.-тел. забастовка уже была начата, но некоторые письма еще доставлялись. Теперь вот уже 3 — 4 дня, ничего нет, нет писем, нет газет...

Сегодня принесли только какие-то завалявшиеся. Невесело быть отрезанным от всего мира, а главное — не получать вестей от вас... У меня все по-прежнему, учу французский во всех видах. А.Г. прозвал уже меня «мученицей фр. языка». Хотя это не верно — я все же много гуляю. Во вторник были в «городе», смотрели «mi-careme», «reine de reines» (легкие эстрадные представления. — Авт.) и пр. Только погода последнее время плохая — дождь все льет, хотя тепло очень...»⁴⁵

Наступила пора экзаменов. Аудитории Сорбонны выглядели непривычно торжественными. Студенты не шумели, не болтали, как обычно. Собравшись группами, обсуждали порядок сдачи испытаний, старались выяснить, у кого какие пробелы, и, как все студенты мира, пытались наверстать упущенное за последние часы.

11 июня Мария Ильинична пишет М.Т.Елизарову: «Дорогой Марк! Что это ты никогда не вспоминаешь обо мне? Ты м.б. тоже скажешь про меня, но это неверно. Во-первых, последней писала я, а во-2-х, все это время была усиленно занята подготовкой к экзамену — ни о чем другом и думать

некогда было. 27-го и 28-го были письменные экзамены, а на днях устные. Здесь такой порядок, что к устным допускаются только выдержавшие письменные, и поэтому я целую неделю, пока решалась моя судьба, была в великом тревожении. Оказалось, выдержала, хотя кровопускание было большое: провалили 200 из 360 державших... Не знаю, устала ли я, но меня жизнь как-то мало радует. Выбилась из старой, хотя и скучной колеи и не знаю, что мне теперь с собой делать. Вол. уговаривает остаться еще на год, чтобы заняться практикой...»⁴⁶

Наступила реакция после огромного напряжения. Мария Ильинична действительно как-то растерялась, но оставаться в эмиграции не хочет. Ее заботит дальнейшая ее судьба, в завуалированной форме речь идет о подпольной революционной работе: «...В провинции, вероятно, можно бы было найти нечто и с моими познаниями, но меня влечет неведомая сила в Питер или в Москву...»⁴⁷ Мария Ильинична просит Марка Тимофеевича узнать, нельзя ли с заграничным дипломом устроиться на работу в Петербург.

Позади год напряженной работы. В торжественной обстановке вручены дипломы. Родные и друзья поздравляли Марию Ильиничну. «Дорого мне все же стоил мой certificat, заниматься приходилось много, но, когда получила его, чувство было очень приятное, что чего-нибудь да добилась», — писала она старшей сестре. Появилась надежда получить дома место преподавателя французского языка, ведь женщин с высшим образованием в России не так-то много.

Радость от сдачи экзамена и одержанной победы омрачилась болезнью. Еще во время подготовки Мария Ильинична почувствовала недомогание, врачи определили аппендицит. Мария Ильинична написала о своей болезни Марку Тимофеевичу, просила не говорить матери и Анне. В дни болезни Маняши Владимир Ильич очень волновался, возил на консультацию врачей. Сохранилось тревожное письмо Владимира Ильича брату, где, описывая все симптомы болезни, он спрашивает совета — делать ли операцию. За первым приступом последовал еще один. Было решено оперировать. Марию Ильиничну положили в клинику Дюбуше. Операция прошла удачно. Мария Ильинична была признательна родным и друзьям. За неделю, что она лежала в клинике, у нее перебывали все, кого она хотела бы увидеть. Владимир Ильич и Надежда Константиновна приходили ежедневно, приносили цветы, гостинцы и новости. Через неделю профессор сообщил, что она больше не нуждается в его наблюдении. Теперь только отдых — сон, хорошее питание, свежий воздух,

прогулки — они заменяют все лекарства.

Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне тоже было необходимо хоть на время вырваться из обстановки непрекращавшейся эмигрантской склоки, жесточайшей внутрипартийной борьбы. Шла битва за каждого члена партии. Ликвидаторы, отзовисты и другие фракции и группировки старались перетащить на свою сторону «стариков»: Плеханова, Засулич, Потресова, чей авторитет в европейском рабочем движении был очень велик.

Как-то Владимир Ильич пришел домой радостный и взволнованный — Плеханов официально заявил о выходе из редакции меньшевистской газеты «Голос социал-демократа». Мария Ильинична спешит поделиться этой радостной новостью со старшей сестрой в письме от 11 июня 1909 года: «За последнее время здесь произошел один очень интересный факт — это выход Жоржа из редакции «Голоса». Главная причина — его несочувствие «ликвидаторству», которому эта редакция явно мирволит, но повлияла немало и философская работа Ильина. Так что мы накануне великих событий и новых расслоений...»

Для Ульяновых нет жизни вне политики, они всегда в самой гуще борьбы и работы на пользу социалистической революции. Мария Ильинична с радостью пишет о выходе Плеханова из «Голоса» не только потому, что это ослабляет позиции ликвидаторов, но и потому, что знает, как ценит Георгия Валентиновича Ленин, как хочет вернуть Плеханова на правильные позиции. Эта надежда — увидеть Плеханова в одном строю с большевиками — не оставляла его никогда. Вот почему, узнав новость, Мария Ильинична немедленно сообщает ее в Россию, на родине должны знать товарищи, что в борьбе с ликвидаторством Плеханов на стороне Ленина.

Вечерами, собравшись за чаем, семья решает, куда поехать на лето. После расширенного совещания большевистской газеты «Пролетарий» (съехался, по сути дела, Большевистский центр) нервы Владимира Ильича были напряжены. Совещание состоялось в июне 1909 года и проходило под руководством Владимира Ильича. Совещание осудило отзовизм и призвало партию к борьбе с ним. Осудило оно и организаторов Каприйской школы, а Богданова исключило из рядов партии.

Почти все газеты публиковали объявления о дешевых пансионатах. Внимание Владимира Ильича привлекла маленькая деревушка Бомбон. Все шутили, что ему понравилось «звонкое» название, но пансион оказался удобным и действительно дешевым — за 4 человек платили всего 10 франков. Жили там мелкие служащие, общество очень пестрое, но

Ульяновы, наблюдая, как всегда, за окружающими, мало общались с обитателями пансиона. Владимир Ильич и Надежда Константиновна ездили на велосипедах, Мария Ильинична гуляла. Силы ее восстанавливались медленно. Владимир Ильич видел, как она быстро устает, и под разными предлогами прерывал прогулку. Садились на обочину узкой сельской дороги, любовались полями, вдыхая запах цветов. Поднимались на окрестные холмы и там подолгу сидели, глядя вдаль. Вспоминали родину и мать, которая тревожится и ждет там, в России.

Брат и Надежда Константиновна следят за тем, чтобы Маняша ела как можно больше. Она отмахивается от них: «Вы меня так раскормите, что я ходить не смогу». И все-таки перед сном Владимир Ильич сам приносит ей стакан простокваши и не уходит до тех пор, пока она не возвратит этот стакан пустым.

Постояльцы пансиона удивляются, как много газет и журналов читает русская семья. Уходя на прогулку, все берут с собой книги. Живя в маленькой французской деревушке, Ульяновы остаются в курсе событий и внутренних и международных.

Как всегда, матери и старшей сестре Мария Ильинична посылает подробнейшие обстоятельные отчеты о своей жизни. Так, 19 августа она пишет из Бомбона в Екатеринбург Анне Ильиничне: «Здесь хорошо: настоящая деревня, воздух прекрасный. Наши много ездят на велосипеде, а я гуляю немного. Часто меня сопровождает наша квартирная хозяйка — старушка, очень симпатичная дама. Вообще в смысле практики языка здесь хорошо: много слышишь французской речи и самой можно болтать. Забрали с собой французских романов, читаю протоколы Лондонского съезда, недавно вышедшие...

Часто я спрашиваю себя, какая со мной после тифа произошла перемена — что-то мне сдается, что не такая я теперь, как была раньше — точно вялее я стала, или это потому, что я опять была больна? — Червяк скверная была штука — так и сверлил все время... Хорошо, что его уже нет.

В России серо покажется, конечно, и скучно, ну, да как-нибудь прилажусь. Больше всего с Володией жаль расставаться. Всегда я его любила, но теперь как-то особенно сжились. Возился он со мной невероятно за время болезни — я даже себе представить никогда не могла, что он способен на это, да и теперь еще возится. Больно славный братик... Ну, да и истрепался же он тогда — на себя не был похож, теперь поправился здорово. Все поправились за это время: питаемся хорошо, спим много и много времени проводим на воздухе...»

Жизнь Ульяновых сложилась так, что сестры редко жили вместе со

старшим братом. Начиная с 1895 года, года ареста Владимира Ильича, они виделись урывками, но их духовная близость продолжала расти, брата и сестру сближала общая революционная работа, и год жизни одной семьей раскрыл глубину их взаимопонимания. Владимир Ильич, зная, как там, за много тысяч километров, волнуется за свою младшую дочь Мария Александровна, пишет из Бомбона подробнейшие письма, которые рисуют картины их быта и раскрывают их взаимоотношения: «Дорогая мамочка! Получил вчера твое письмо и отвечаю с первой почтой. Насчет Маняши беспокоишься ты напрасно. Она поправляется хорошо. Ходить, правда, еще не может помногу: осталась еще некоторая боль в ноге (правой). Мы спрашивали докторов и в Париже и здесь в деревне, означает ли это что-нибудь худое. Все говорят, что нет. Говорят, что поправка идет правильно, только несколько медленнее... Вчера она сделала 5 — 6 верст, спала после этого отлично и чувствует себя хорошо. Вообще говоря, вид у нее стал несравненно лучше, аппетит и сон хорошие, высмотрит вполне здоровой... За три недели отдыха поправилась она сильно. Я ей советую усиленно пить больше молока и есть простоквашу. Она себе готовит ее, но на мой взгляд недостаточно все же подкармливает себя: из-за этого мы с ней все время ссоримся»⁴⁸.

Возвращаются силы, и мысли уже летят вперед, туда, домой. Мария Ильинична считает, что она и так была слишком долго оторвана от привычной партийной деятельности. «Жандармы, наверное, забыли, как я выгляжу, надо им напомнить», — смеется она.

После Бомбона семья не возвращается в большую квартиру на улице Бонье, а снимает небольшую квартирку на узенькой улочке Мари-Роз, на рабочей окраине Парижа. Мария Ильинична, которой предстояло еще некоторое время прожить во французской столице, хотела снять отдельно маленькую комнатку, но Владимир Ильич запротестовал самым решительным образом.

Как всегда, перед расставанием он дает сестре множество поручений, наставлений, снабжает ее литературой, явками, паролями. Мария Ильинична ходит на публичные рефераты, собрания, митинги: запоем читает политическую литературу и прощается с Парижем. Еще и еще раз прогуливается она по узеньким живописным, ставшим такими знакомыми улочкам Латинского квартала, сидит задумавшись на легких стульчиках в парке Тюильри. Медленно падают золотые листья старых каштанов. Мария Ильинична решительно встряхивает головой: «Пора!» Все оговорено, решено, затягивать пребывание в Париже нет смысла. Она еще не знает, останется в Питере или обоснуется в Москве.

Марк Тимофеевич получил службу в Саратове (ее пришлось долго ждать, никто не хочет принимать на работу инженера с такой политической репутацией), Елизаровы зовут Марию Ильиничну к себе, но она отказывается. «Очень рада, что вы перебираетесь в Саратов. Говорят, это хороший городок и интереснее, вероятно, Урала. Но как-никак я лично предпочту одну из столиц на эту зиму... Выправилась я теперь уже здорово, могу много ходить и растолстела очень, потому что питалась хорошо, а двигалась мало... Теперь можно и за работу, только бы добраться до России, очень уж мне заграница очертела». И дальше Мария Ильинична дает сестре ряд имен товарищей, с которыми можно и нужно связаться. Сама она вся устремлена домой, к партийной работе.

В который уже раз расстается она с любимым братом и пускается в путь. Это настолько привычно, что в поезде она чувствует себя спокойно. Отрываясь от книги, подолгу смотрит в окно, перебирая в памяти все, о чем говорили с Владимиром Ильичем. Поезд движется к русской границе...

Мария Ильинична ошиблась, полагая, что за год русская полиция забыла о ней. По тому, как проверяли ее документы, какому тщательному осмотру был подвергнут ее багаж, сразу стало ясно: она по-прежнему в поле зрения жандармов.

Москва. Родные, привычные улочки. Обнимая мать, Мария Ильинична с тревогой замечает, как она постарела за этот год, появились новые морщинки, но она держится так же прямо, глаза поблескивают молодо и живо.

Опять они обживают новую квартиру, готовятся к зиме. Мария Ильинична уже через несколько дней после приезда связалась с Московским комитетом РСДРП.

В Москве в это время работали Свердлов (его арестовали в декабре 1909 года), Калинин, Ногин, Дубровинский, Скворцов-Степанов.

Многочисленные аресты, увольнения передовых рабочих, отход от партии временных попутчиков вызвали сокращение рядов организации, но работа ее не прекращалась. Шла острая борьба с ликвидаторами и отзовистами. Собравшаяся осенью окружная партийная конференция одобрила решения совещания расширенной редакции «Пролетария».

Рабочее движение, несмотря на репрессии, стало более значительным. Забастовки прошли на ряде московских предприятий. Особенно крупной была на Прохоровской мануфактуре в августе того же, 1909 года.

Все повторяется — надо искать работу, ведь средства к существованию весьма ограничены — лишь пенсия матери. Мария Ильинична ищет уроки французского языка, ибо попытка устроиться на официальную службу не

удалась. Она побывала в министерстве просвещения. Чиновники учтиво взяли документы, ее диплом явно произвел впечатление, предложили через несколько дней прийти за ответом; когда же она явилась в назначенный срок, ответ был вежлив, но категоричен: «Мест нет». Что ж! Это не удивило ее. Косые взгляды служащих яснее ясного говорили о том, какой ответ получен из департамента полиции о ее благонадежности.

Частный урок найти трудно, хотя она согласна на любую оплату. Друзья стараются помочь. Мария Ильинична дала специальное объявление и даже наклеила объявление на воротах того дома, где они с матерью живут. Безрезультатно. Пришлось устраиваться счетоводом в Московскую городскую управу.

Как и всегда, налажена переписка с Владимиром Ильичем, который просит сестру доставать ему периодику и необходимый статистический материал.

В Москву переезжают старые друзья и соратники — Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна Кржижановские, Михаил Федорович Владимирский с семьей, Софья Николаевна Смидович. Мария Александровна в письмах рассказывает очень осторожно о деятельности дочери, однако нет-нет да и промелькнет фраза о том, что Маня выходит каждый день, «утром по своим делам, а вечерами больше на свои собрания».

Служба идет очень большая. Они живут далеко от центра, на Девичьем Поле. Мать беспокоится, что Мария Ильинична много бывает на ногах. А ей действительно приходится несколько раз пересаживаться с трамвая на трамвай, часть пути проделывать пешком, чтобы уйти от шпииков.

Весной 1910 года в Московской организации начинаются аресты. У Ульяновых несколько раз был «профилактический обыск». Чтобы усыпить бдительность полиции и уйти от неминуемого провала, Мария Ильинична ищет место учительницы в отъезд. На помощь пришла давняя знакомая — жена соратника Ленина по «Союзу борьбы» Михаила Сильвина — Ольга Александровна. Она нашла место домашней наставницы в знакомой семье Савельевых, выезжавших на лето на дачу в Финляндию, в маленький поселок Ино-Неми. Сам Савельев был культурным человеком. Инженер по образованию, он объехал всю Европу. Он придерживался прогрессивных взглядов, и его не смущала политическая неблагонадежность будущей учительницы его четверых детей. Ольга Александровна, хорошо знавшая Савельевых, не скрыла от них истинное положение вещей. И все-таки он послал Марии Ильиничне письменное приглашение.

Мария Ильинична не торопится с отъездом: ей нужно еще выполнить

ряд партийных поручений. Это беспокоит мать. Она чувствует опасность, нависшую над младшей дочерью. И она оказывается права.

В ночь на 24 апреля в дверь их квартиры раздался громкий стук. Несколько полицейских прошли в комнаты, занимаемые Ульяновыми. Остальным жильцам запретили выходить в прихожую. Обыск продолжался до утра. Он ничего не дал, однако Марию Ильиничну увели в охранное отделение.

Мария Александровна без сил бродила по комнатам, пыталась навести минимальный порядок. В начале четвертого Мария Ильинична неожиданно вернулась в сопровождении четырех полицейских чинов. В охранном отделении Мария Ильинична попросила освободить ее, хоть на время; дома осталась старушка мать, и надо вызвать для ухода за ней старшую сестру. Кроме подозрений, у полиции ничего нет, поэтому пристав позволил Марии Ильиничне вернуться домой, но в квартире он решил устроить засаду. Все жильцы оказались под домашним арестом. Двое полицейских расположились в прихожей, а двое других кочевали из гостиной в кухню и обратно.

На улицу не выпускали ни жильцов, ни прислугу, ни даже хозяйку квартиры. Время, казалось, остановилось. Часы текли в мрачном ожидании. Вдруг тишину пронзил дверной колокольчик. Полицейские оживились, попрятались, только старший стал за дверь в прихожей и грозным шепотом приказал испуганной прислуге: «Открой ипусти». Руки девушки тряслись, она сняла дверную цепочку и открыла, перед дверью стоял почтальон. «Ульяновой письмо», — сказал он, протягивая конверт. Взяв письмо, она закрыла дверь и сделала несколько шагов в сторону стоявшей у дверей своей комнаты Марии Ильиничны, но унтер опередил ее. «Поддай сюда!» Он повертел конверт, внимательно прочел адрес. Затем приказал одному из полицейских срочно отнести письмо в охранное отделение. «Вы хоть скажите, от кого письмо», — обратилась к нему Мария Ильинична. «В участке скажут», — ответил полицейский.

Мария Александровна отдыхала в своей комнате. Дочь прислушалась — мать дышала ровно и спокойно. Самой ей не сиделось на месте, читать она не могла. Бродила из комнаты в комнату. Несколько раз пыталась подойти к окну, но на ее пути неизменно оказывался полицейский. Его широкая спина загораживала весь оконный проем. И опять она слышала обычное: «Не велено». Полиция боялась, что она подаст предупредительный знак кому-либо из друзей, кто будет к ней направляться. На другой день жильцы начали роптать: неожиданный арест поставил их в трудное положение — некоторые не имели запаса продуктов

и питались всухомятку.

В субботу утром две молодые барышни стали громко выражать возмущение их задержанием. Мария Александровна вмешалась в их перебранку с полицейским: «Не надо с ним спорить, напишите лучше прошение на имя начальника охранного отделения». — «А как это сделать?» — спросила одна из них. Мария Александровна помогла составить прошение. Сколько подобных прошений написала она за последние годы! Слова сами собой складывались в установленную форму. Через полчаса посланный явился с ответом — все, кроме Ульяновых, свободны. Жильцы обрадовались. Рада была и Мария Ильинична, тем более что через прислугу, отпросившуюся «погулять», ей удалось передать товарищам сообщение о домашнем аресте и засаде.

В 12 часов ночи опять раздался требовательный стук. Мария Ильинична вышла в прихожую. Городовой принес повестку — пристав, делавший обыск, «приглашал» ее в охранное отделение на 11 часов утра. Мария Ильинична уснула лишь под утро. Утром, написав специальное прошение — о разрешении выехать в Финляндию, где 1 мая по договоренности должны начаться ее уроки, пошла в охранное отделение. Мария Александровна осталась одна. Договорились, что, если Мария Ильинична не вернется к вечеру, мать даст телеграмму старшей дочери: «Мама одна». Если же поездка в Финляндию будет разрешена, телеграмму следует послать с другим текстом: «Маня едет».

Она вернулась лишь в пятом часу. Ей разрешили ехать. По дороге она заглянула к приятельнице и узнала, что в ночь ее ареста были схвачены многие члены Московской организации, в основном большевики. Видно, действовали провокаторы, так как у многих товарищей сумели найти компрометирующие материалы. Начато следствие. У нее было всего несколько часов, чтобы выяснить точно, кто арестован, кто остался на свободе, как будет установлено посещение арестованных, как восстановятся связи с рабочими кружками. Она сообщает новые адреса Ленину и Крупской в Париж.

Мария Ильинична торопится, дорог каждый час, ведь по старым адресам могут быть направлены ленинские письма, послана нелегальная литература. Провал большой, и замену каждому товарищу, конечно, не найдешь. Возрастает объем работы всех, кто остался на свободе. И все время сверлит мысль: «Кто предал? Где допущена ошибка? Ограничится ли полиция этими арестами или кому-то еще угрожает опасность?» Пока Мария Ильинична занимается партийными делами, мать собирает ее багаж для поездки в Финляндию. Вместе пообедали, почти молча. Все уже

оговорено. Чтобы не длить расставания, простились дома. Погрузив на извозчика свой несложный багаж, Мария Ильинична тронулась в путь.

Дорога до Петербурга, хоть и короткая, утомила ее. Она не заснула ни на минуту, думала о матери, об арестованных товарищах, да и предстоящая встреча с «нанимателем» и его детьми волновала. Ей впервые приходилось выступить в роли не только репетитора, но и воспитателя. Встретившая ее в Петербурге Ольга Александровна проводила ее до станции Райвола, подробно рассказала об обстановке в семье Савельевых, о характере детей.

Маленькая финская станция, окруженная лесом. В вагоне всего несколько человек. Среди встречающих Мария Ильинична сразу обратила внимание на высокого представительного господина в светлом костюме. Ольга Александровна познакомила их. Пожимая руку Марии Ильиничне, Василий Александрович говорил: «Мне бы очень хотелось, чтобы ребята понравились вам. Они еще маленькие — младшей 6 лет, и вам легко будет на них влиять». — «Если я понравлюсь им», — ответила Мария Ильинична.

Дорога в Ино-Неми шла лесом, мимо прекрасных северных озер. Здесь весна еще только вступала в свои права. Под сосенками то там, то тут голубели фиалки. Над деревьями, как зеленая вуаль, трепетали только-только распутившиеся листочки.

Дача Савельевых была удобной и поместительной. Учительнице отвели прекрасную светлую комнату с террасой, откуда открывался превосходный вид.

Дети — три девочки и мальчик-гимназист. С девочками Марии Ильиничне и предстояло заниматься. Они были погодками — Валя, Наташа и Марина, которую в семье звали Лялей. Девочки испуганно и неловко присели перед учительницей. На их лицах явно читался вопрос: «Как вы будете к нам относиться, полюбите ли нас?» Мальчик держался независимо и старался казаться взрослым. Василий Александрович, представляя детей, давал им шутливые характеристики и требовал «строгости, строгости, строгости». Мария Ильинична рассмеялась: «Не пугайте вы их, ради бога, а то они и заниматься не смогут. — И обратилась к ребятам: — А вы петь любите?» Те кивнули, а младшая спросила: «Песни?» — «И песня, и сказки. Знаете пьеску про журавля и цаплю? Пойдемте, я вам спою». Дети были в восторге, первая встреча прошла хорошо.

Василий Александрович с женой остались довольны — контакт между учительницей и детьми найден. Было решено: она будет заниматься с девочками и музыкой, тем более что на даче был прекрасный рояль. Страх, с которым ехала Мария Ильинична к Савельевым, рассеялся. Ей

понравились и родители и дети.

Чувствовалось, что это дружная, крепкая семья. От сердца отлегло, все стало казаться проще. Она так и написала матери в первом письме из Финляндии. Мария Александровна немедленно откликнулась: «Дорогая Маруся, принесли мне вчера вечером письмо твое от 7-го, поджидала я его и очень рада была ему. Очень приятно было прочесть, что С-вы понравились тебе, ну а с ребятами, думаю, уладится дело: тебе ближе видно, ты приглядишься к ним, обдумаешь все, и я надеюсь на успех; конечно, важно очень, чтобы они полюбили тебя и слушались бы, что будет очень приятно как для тебя, так и для родных и для нас».

Марии Ильиничне, выросшей в большой семье, были понятны взаимоотношения младших детей со старшими. Она живо вспомнила, как строились отношения в ее семье. Перед ней прекрасный образец воспитателя — ее мать. И она бессознательно следует ее примеру — выдержанна, доброжелательна, старается, чтобы обучение было связано для младших детей с игрой, а у старших вызывало желание узнать как можно больше, будило любознательность.

Процесс взаимного привыкания, начала обучения не мог пройти без трудностей. Дети сначала дичились, шалили, иногда на всех вдруг нападала непонятная хандра, они капризничали, особенно это было заметно в плохую погоду. Марию Ильиничну временами охватывает отчаяние, кажется, что ее усилия пропадают даром, что хорошие дни — исключение, ей не пробиться к детским сердцам. Она делится своими мыслями с матерью. Та утешает ее: «...видно, что настроение у тебя уже по такое хорошее, как раньше... Думаю, что на это повлияла дурная погода, которая также подействовала на детей и поэтому они капризничали, без этого не бывает, вспоминаю и ваше детство, как вы скучали и капризничали во время продолжительного ненастья летом, когда не могли гулять и бегать. Терпенье, дорогая моя, терпенье, всей душой желаю, чтобы ты привыкла к твоим маленьким ученицам и полюбила бы их, и они ответят тебе тем же, дело у тебя живое, не сухая канцелярщина, и как рада была бы я, если бы ты втянулась в него...»⁴⁹

Постепенно все наладилось. Утром она занималась с младшими и проверяла, как старшие выполнили задание. После 12 часов — занятия со старшими. Разница в годах у детей небольшая. Марию Ильиничну радует, что они дружны. Часто все вместе совершают прогулки по окрестностям. Мария Ильинична очень любила цветы. Мать научила ее засушивать растения так, чтобы они не теряли цвета. И вот с прогулок все возвращаются с букетами. Под руководством учительницы цветы

разбирают, ставят в вазы. Каждый стремится сделать свой букет самым красивым.

Марии Ильиничне нравится в Финляндии, и она приглашает мать и старшую сестру приехать на лето, поселиться где-нибудь поблизости. Мария Александровна рада побыть вместе с дочерьми. Дачу удалось снять поблизости от Ино-Неми в деревне Леппенино. И теперь нередко Мария Ильинична с девочками отправляется на прогулку к старому Леппенино, чтобы встретиться с матерью и старшей сестрой. Ей стало как-то легче дышать и работать. Мать дает ей советы, как лучше подойти к детям. Прекрасный психолог, Мария Александровна быстро разобралась в характерах детей — Нина не столько упряма, сколько застенчива. Валя шаловлива, подвижна, поэтому ей трудно долго сидеть за уроками. Мальчик кажется себе очень взрослым, и ему импонирует, когда с ним разговаривают серьезно. Понравились Марии Александровне и Савельевы. Тогда она, конечно, не могла предположить, что с этой семьей у Марии Ильиничны сохранятся самые теплые отношения на долгие-долгие годы. Так получилось, что дети Савельевых были почти единственными ученицами, с которыми она занималась длительное время, и к ним она испытывала чувство нежности и материнской любви. Они переписывались до последних дней ее жизни. Так, 4 февраля 1935 года Марина Васильевна, посылая Марии Ильиничне фотографии свои и сына, писала:

«Дорогая Мария Ильинична!

Так странно слышать от Вас о «старости»... В моем воспоминании Вы все такая же молодая, какой мы помним Вас в то время, когда мы были вместе. Почему-то особенно запомнился один жаркий летний день, наш урок с Вами в угловой комнате 2-го этажа, на даче. Все уже убежали купаться, а я еще должна закончить к.к.-то урок. И помню, как я особенно бестолковая была в тот день и как потом, смеясь, Вы рассказывали об этом за обедом.

Как бесконечно много времени ушло с того дня, а кажется, так недавно. Во всяком случае, я временами чувствую себя совсем молодой. Особенно когда соберешься вместе — Валя, Наташа, и ударишься в воспоминания. Ваше обращение ко мне как к «Ляле» очень тронуло меня...»⁵⁰

Мария Ильинична тоже будет вспоминать время, прожитое в Ино-Неми, как островок отдыха в трудной жизни профессионального

революционера. Особенно первое лето, когда рядом жили мать и старшая сестра. В эти несколько месяцев вся переписка семьи сосредоточилась в Финляндии. Сюда идут и открытые письма и те, что Надежда Константиновна пишет «химией».

Срок пребывания Марии Ильиничны в семье Савельевых подходил к концу, и тут Мария Александровна, тосковавшая по сыну, которого не видела три года, заговорила о том, нельзя ли встретиться где-нибудь поблизости, в стране, куда царская охранка не сунется.

Из Парижа Владимир Ильич сообщал, что в августе будет в Копенгагене на VIII конгрессе II Интернационала и что он очень хотел бы повидаться с матерью и сестрой. Местом встречи решили избрать Стокгольм, чтобы дорога не утомила Марию Александровну, ведь ей уже 75 лет. Она счастлива предстоящим свиданием. Сохранилась открытка, посланная Лениным матери 4 сентября 1910 года:

«Дорогая мамочка! Посылаю тебе и Анюте горячий привет из Копенгагена. Конгресс закончился вчера. С Маняшей списался вполне: 4 сентября по стар. стилю, т.е. 17.IX по новому жду вас в Стокгольме на пристани. Две комнаты на неделю 17-24.IX мне наймет в Стокгольме товарищ. Мой здешний адрес есть у Маняши. В Стокгольм писать мне Hr.Ulianof. Poste restante. Крепко обнимаю.

До скорого свидания!

Твой В.У.»⁵¹.

Мария Ильинична прощается с Савельевыми и обещает приехать на следующий год. Анна Ильинична отвозит все вещи в Москву, а мать и дочь садятся в поезд до порта Або. Маленький чистенький городок, продуваемый свежим морским ветром, понравился путешественницам. До отправления парохода осталось достаточно времени, чтобы пообедать и погулять по узким городским улочкам.

Погода благоприятствовала морской поездке — штиль, солнце. Утром проснулись очень рано и поспешили на палубу. Пароход входил в шхеры. Нельзя было оставаться равнодушными к красоте живописных островков, между которыми лавировало судно. После каждого поворота открывался новый, неповторимый ландшафт. Осень здесь уже вступила в свои права. Ярko золотились и рдели кроны деревьев. Скалы и огромные валуны казались неестественно декоративными. У некоторых островков гордо плавали белые лебеди, придавая еще большую сказочность пейзажу. Но вот

пролив расширился, и путникам открылась панорама стокгольмской гавани. Ввысь устремились позеленевшие шпили соборов, близко к набережной теснились дома, крытые черепицей, возвышалась серая громада королевского дворца. Пароход швартовался в центре города.

Мария Александровна так описывает встречу с сыном: «...Утром провели с удовольствием несколько часов на палубе — погода была прекрасная. Пароход опоздал и подошел к Стокгольму в начале 10-го. Мы стояли с Маней у самого барьера и вскоре увидели Володю. Я не узнала бы его, если б Маруся не указала. Она прямо взвизгнула от радости, когда увидела его... Я нашла его очень похудевшим и изменившимся, но он уверяет, что чувствует себя очень хорошо. Сняли 2 комнаты: одна, побольше, для меня и Мани, другая — для него, очень хорошенькие и чистые, не высоко подниматься. Снял он их на 12 дней. Ходили вместе обедать...»

Ульяновым трудно поверить, что можно спокойно и безопасно всем вместе ходить по улицам, любоваться прекрасным городом, слушать музыку в стокгольмских парках. Владимир Ильич, уже не раз побывавший в Стокгольме, служит матери и сестре гидом и переводчиком. Чтобы не утомлять Марию Александровну длинными прогулками, они часто присаживаются на ажурные скамейки в скверах. Мать наблюдает за прохожими, за играми чистеньких белоголовых ребятшек и прислушивается к оживленному разговору сына и дочери. Владимир Ильич рассказывает сестре о международном социалистическом конгрессе, проходившем в Копенгагене, откуда он только что приехал. О той ожесточенной борьбе, которая ведется против большевизма как политического течения оппортунистами всех стран. «Ну, ничего, их позиции архиуязвимы, — говорит Владимир Ильич. — Революционный подъем приближается, об этом свидетельствуют и твои рассказы, дорогая Маняша».

В Стокгольме жила большая колония русских социал-демократов. И они и шведские товарищи попросили Владимира Ильича прочесть несколько рефератов. Темами его выступлений были «Копенгагенский социалистический конгресс» и «О положении дел в партии». Мария Ильинична неизменно сопровождала брата на эти собрания. Она старалась там не проронить ни одного слова. Она видела, как к Владимиру Ильичу тянутся люди, как они нуждаются в его разъяснениях, какое большое значение имеет его приезд в Стокгольм для всех истинных революционеров. Видит она и тех, кто не согласен с Владимиром Ильичем. Их напускное спокойствие очень быстро сменяется неприкрытой

враждебностью. Вопросы приобретают все более жесткий характер. Мария Ильинична вслушивается в быстрые и точные ответы брата. Его эрудиция безгранична, и враждебные реплики подаются все реже. Ленина тесно обступают сторонники, и лекция, как правило, кончается дружеской беседой с обсуждением насущных практических вопросов.

Мария Александровна присутствовала лишь на втором реферате сына, так как первое выступление Владимира Ильича состоялось на другой день после их приезда и она чувствовала себя усталой. О том, как прошло собрание, ей подробно рассказала Маняша.

На второй реферат отправились все вместе. Вышли заранее, чтобы мать не спешила и не устала. Владимир Ильич бережно вел Марию Александровну, лицо его было сосредоточенно и серьезно. Она, чтобы не отвлекать его, тихо переговаривалась с дочерью. Как благодарен был Владимир Ильич матери за ее неизменную чуткость и понимание! Их встретил большевик М.В.Кобецкий, который организовал реферат. Провел и усадил поудобнее Марию Александровну и Марию Ильиничну. Через несколько минут собрание началось.

В краткой биографии матери, которую Мария Ильинична написала в 30-х годах, она рассказывает: «В Стокгольме Мария Александровна присутствовала и на одном выступлении брата на собрании большевистской группы. Это было первый раз, что она слышала Владимира Ильича. И мне казалось, что, слушая его, она вспоминала другую речь, которую ей пришлось слышать, — речь Александра Ильича на суде. Об этом говорило ее изменившееся лицо. Но она слушала Владимира Ильича с большим вниманием, очевидно сильно волнуясь. «Он хорошо говорил, так сильно и красноречиво, — сказала она мне потом, — только зачем он так сильно напрягается, так громко говорит — это ведь так вредно. Не бережет он себя!»

По утрам Мария Ильинична сопровождала брата в королевскую библиотеку, где он работал почти каждый день, изучая вопрос кооперации в сельском хозяйстве, занимаясь анализом капиталистического сельского хозяйства в странах Западной Европы и США.

Брат и сестра дорожат этими утренними прогулками, во время которых можно откровенно поговорить, проанализировать обстановку в партийных организациях Москвы, Петербурга, Саратова, Одессы и других городов. Они намечают новые методы работы, ведь Ленин убежден, что скоро начнется новый революционный подъем. Владимира Ильича беспокоят частые провалы, и они перебирают участников различных организаций, вспоминают, по чьей рекомендации появился тот или иной человек.

Владимир Ильич уверен, что усталость после поражения революции скоро пройдет, партия должна быть готова к новому революционному подъему масс.

Настал день отъезда. Мария Ильинична пишет: «Когда мы уезжали, Владимир Ильич проводил нас до пристани — на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и Владимира Ильича могли там арестовать, — и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице! Точно он предчувствовал, что это было его последнее свидание с матерью. Так оно и вышло на деле. Больше повидаться с родными до приезда в Россию, после Февральской революции, Владимиру Ильичу не удалось, а мать умерла незадолго до нее, в июле 1916 года. До нас не дошло первое письмо Владимира Ильича после того, как он получил известие об этой смерти. Не сохранилось и его следующее письмо, но и по нему, насколько я его помню, видно было, какая тяжелая это была для него утрата, как больно он ее переживал и сколько нежности проявлял к нам, тоже подавленным этой кончиной». Все это произойдет много лет спустя. А сейчас, стоя на палубе парохода, мать и дочь смотрят, как медленно уплывает Стокгольм, все меньше становится фигура Владимира Ильича на пристани...

Знамя поднято

Они возвращаются в Москву, но задерживаются здесь ненадолго. Условия подпольной работы сложились так, что Мария Ильинична должна уехать. Решено всем вместе поселиться в Саратове. Мать торопится, она чувствует, что над дочерью нависла опасность, шпики, не скрываясь, дежурят у их дома. Но Мария Ильинична не спешит, ей надо выполнить целый ряд поручений Ленина, оставить, как всегда, надежную связь, наладить переписку, уговориться о явочных адресах.

3 ноября Мария Александровна пишет старшей дочери, что их отъезд из Москвы задерживается, уедут не раньше 15-го числа: «Маня и слышать не хочет уехать раньше... что касается меня, я бы собралась и уехала с большим удовольствием раньше... Правда, что главные хлопоты лежат на Мане: эти 2 — 3 последних дня она хлопотала с книгами, которые оставлялись в складе. Привезла 3 ящика и корзину сюда, разбирали здесь, что с собой, что куда... на другой день опять ездила в склад и отправила один ящик в Михнево...»⁵²

Семья уже давно не имеет постоянного пристанища. При каждом переезде особенно много забот доставляют книги. Их приходится устраивать у знакомых, сдавать на специальные склады. Мария Ильинична в эти дни, под предлогом переезда и распродажи имущества, сумела со многими товарищами повидаться и распространить не один комплект нелегальной литературы.

В Саратове их ждали... Анна Ильинична и Марк Тимофеевич все приготовили к их приезду — квартира снята и обставлена, даже пианино взяли напрокат.

Среди встречающих были и те, кто стремился остаться незаметным. Через несколько дней в Саратовское жандармское управление поступило донесение: «В Саратов прибыла большевичка Мария Ильинина Ульянова, сестра В.И.Ульянова, и вошла в связь с революционными деятелями». Начальник Саратовского охранного отделения полковник Семигановский немедленно запрашивает начальников С.-Петербургского и Московского охранных отделений в письме под грифом «совершенно секретно»: «По встретившейся надобности прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне имеющиеся в делах вверенного Вам отделения сведения о прибывшей в Саратов дочери действительного Статского Советника Марии Ильиничны Ульяновой, проживавшей ранее, по-видимому, в С.-Петербурге или в

Москве».

Ульяновы недолго прожили на Панкратьевской улице, затем Марк Тимофеевич нашел удобную квартиру по Угодниковской улице (ныне ул. Ульяновская). В ней привлекали наличие черного хода и то, что она находилась в рабочем районе, где полиция действовала не так открыто.

Крупной промышленности тогда в Саратове не было, но сравнительно небольшие предприятия имелись, как раз в районе Угодниковской улицы располагались механический завод Берлинга, чугунолитейный завод Колесникова и Терентьева и еще несколько предприятий. Среди рабочих насчитывалось известное число членов большевистской партии, и некоторые из них, как И.В.Нефедов и А.А.Гоголкин с завода Берлинга, А.А.Ларионов, А.В.Симонов с завода Гнашке, уцелели после разгрома организации в послереволюционные годы. Воспользовавшись тем, что многие большевики были арестованы, меньшевики сумели захватить больничную кассу, горное общество потребителей и «Приволжскую газету».

Мария Ильинична связалась с Ольгой Владимировной Пилацкой — членом Русского бюро ЦК РСДРП. Та искренне обрадовалась приезду Ульяновой, так как это означало не только появление нового опытного и надежного партийного работника, но и установление бесперебойной связи с ленинским заграничным центром. Один из членов Саратовской большевистской группы, Александр Константинович Воронский, писал: «Она являлась для нас прежде всего представительницей зарубежного центра. Положение наше тогда было очень трудное. Наблюдался большой разброд, местные организации не были связаны ни с границей, ни друг с другом. Нас окружали трусы, предатели, осевшие мещане, отхлынувшие от революции. Наши кружки казались жалкими, литература часто отсутствовала, деятельные работники числились единицами. Нам противостоял уклад, «освященный» веками, его поддерживали щетины штыков, казна, сотни тысяч чиновников, добровольных и платных охранителей. Но недаром же где-то в швейцарском городке человек со щурким и веселым взглядом, вместе с небольшим кругом своих сподвижников, никогда не усомняется в нашей победе. «Там» наш ум, наша воля, наша власть. Сидя в комнате с Марьей Ильиничной Ульяновой, я соприкасался с этой, с нашей властью. Не признанная, не установленная никакими учреждениями, она была для нас непреложна».

Как всегда, Мария Ильинична ищет легальную работу. Товарищи помогли ей устроиться в городскую управу, где в библиотеке уже работал член местной социал-демократической организации Станислав

Станиславович Кржижановский, он был связным между рабочими кружками и саратовской интеллигенцией. Их знакомство с Марией Ильиничной состоялось официально на службе, хотя оба уже многое знали друг о друге.

Кржижановский был невысок ростом и изящен. На щеках его проступали алые яркие пятна — свидетельство туберкулеза. Марии Ильиничне импонировали его недюжинные знания, пунктуальность и точность, так выгодно отличавшие его от многих «политиканствующих» интеллигентов. Они сдружились, может быть, еще и потому, что были «максималистами» — полностью отдавали себя трудной и опасной партийной работе. Товарищи любили и побаивались его. Станислав Станиславович мог беспощадно отчитать и за вечеринку с горячительными напитками, и за неразборчивость в знакомстве. Становилось стыдно за легкомысленное поведение, когда, блестя глазами, Кржижановский отчеканивал: «Вы можете жить, как вам вздумается, но тогда при чем здесь партия?» Он часто болел, неделями вынужден был лежать в постели, зато, когда приступ проходил, работал, не зная усталости, как бы стремясь наверстать упущенное. Его партийной кличкой было имя «Владимир».

«Вот так я и буду называть вас, это напоминает мне любимого брата», — сказала Мария Ильинична. Они стояли среди стеллажей с книгами и делали вид, что подбирают необходимую литературу. В ответ на ее предложение Станислав Станиславович улыбнулся: «А как я буду вас называть?» — «Да, моя кличка «Медвежонок» мало подходит для общения, в семье меня чаще всего называют «Мимозой», — ответила она. Так началась их долголетняя совместная работа и большая дружба, занявшая особое место в жизни Марии Ильиничны.

Пока полиция выясняла политическое лицо Ульяновой, обменивалась информацией, Мария Ильинична сумела восстановить подпольную большевистскую организацию, центр которой был строго законспирирован. Эта организация руководила работой фабрично-заводских, железнодорожных ячеек города и возглавляла партийную работу таких крупных уездных центров, как Царицын, Вольск, Камышин, Балаково, Аткарск и др. В газете «Социал-демократ», издававшейся за границей, в № 23 за 1911 год констатировалось: «Организационная работа в Саратове началась весной. В настоящее время имеются связи во всех более крупных металлических производствах. Наиболее сознательные рабочие организуются в кружки. Репрессии, однако, оставили глубокий след на настроении рабочих».

Организации нужен свой печатный орган. Создать его, разумеется,

непросто. Саратовская губерния была одной из самых отсталых в Поволжье, большинство населения неграмотно, процветают различные монархические, черносотенные союзы, которые поддерживаются полицией.

Первые месяцы 1911 года ушли на сбор средств и подыскание подставных редакторов. Такими официальными редакторами стали Яков Семенович Зейченков и Константин Александров. Они в основном занимались литературными материалами и добыванием реклам, чтобы привлечь средства к газете. Подлинным редактором был Топуридзе, с которым Марии Ильиничне пришлось вести постоянную борьбу, так как он был меньшевиком. С появлением «Приволжской газеты» социал-демократическая работа оживилась. Полиция писала об этом событии уже после разгрома газеты, отмечая, что «Мария Ульянова, проживая в г.Саратове у своей сестры Анны... и принимая активное участие в «Приволжской газете» со дня ее издания, являлась центральной фигурой группы»⁵³. Мария Ильинична поместила на страницах «Приволжской газеты» ряд своих переводов, и это обстоятельство служило ей предлогом для частого посещения редакции.

В основном она переводила рассказы, рисующие положение трудящихся на Западе: «Отец и сын» Эрнста Прецинга, «Картина» Оскара Винера, «Листок из жизни отверженного» Роберта Швейхеля и др.

Мария Ильинична чаще всего сама ходила на встречи с членами организации. Ее посещать могли очень немногие, те, кто и так был под постоянным наблюдением. Воронский вспоминал: «В комнате Марьи Ильиничны, тщательно прибранной всегда и без лишних вещей, я рассказывал, как идет работа в кружках, какие есть новые связи с фабриками и заводами, где, в каком количестве распространяется наша литература. Марья Ильинична говорила чистым грудным, негромким голосом, взвешивая и выбирая слова. Выпуклые и твердые ее глаза задумчиво, подолгу часто останавливались на каком-нибудь предмете, иногда она щурила глаза так же хитро, как и Ленин».

Каждая такая беседа была живительным глотком воды для ее участников, все они умели дорожить минутами взаимного общения, которое могли себе позволить очень редко. Каждый старался прийти на свидание «чистым», «без хвоста», и для этого иногда приходилось тратить час-два, меняя транспорт, переходя с улицы на улицу, заходя в магазины, в подъезды домов, где никто из знакомых не жил. Уйти от преследования было делом чести, оно требовало большой изобретательности, хладнокровия, уносило много физических сил.

Весной 1911 года Мария Ильинична собралась в Финляндию к Савельевым. Предлог был очень веским — заработок, обязательство перед нанимателем. Ехать было необходимо, поскольку связь с Петербургским комитетом никак не удавалось наладить, нужен был личный контакт и конкретная договоренность. Мария Ильинична никому не могла передоверить этого поручения, участились случаи провалов курьеров, да и явка у нее была к лицу, которое из всех саратовцев знало только ее.

Она покинула Саратов в середине мая, когда обычно пыльный серый город оживляла лишь цветущая акация. Зелень легким облаком плыла к Волге.

Бесконечные переезды сделали железнодорожные вагоны чем-то привычным. Под перестук колес она перебирала в уме адреса, пароли, фамилии, намечала план действий.

Устроившись у родственников, Мария Ильинична заявила, что прежде всего хотела бы посетить зубного врача — ей необходимо экстренное лечение. Внимательно выслушала советы, записала адреса опытных и знающих врачей, а выйдя на улицу, вздохнула облегченно и деловито направилась по проторенному пути к Юлии Ивановне Лаврентьевой. Давно известный дом, табличка на месте. В приемной никого знакомых. Мария Ильинична попросила горничную доложить о ней и сказать, что она не спешит. Переждав всех посетителей, вошла во врачебный кабинет. Попросила назначить на прием нескольких человек на определенное время. В письме к матери она сообщила, что запломбировала пять зубов, то есть в приемной Юлии Ивановны она пять раз встретилась с членами Петербургского комитета РСДРП. В эти же дни Михаил Степанович Ольминский собрал у себя дома под видом семейной вечеринки всех, кого можно было собрать легально.

Мария Ильинична упорно восстанавливает оборванные нити связей, информирует Петербургский комитет о разворачивании работы в Саратове, вникает во все перипетии работы петербургских товарищей. Такой обмен информацией полезен и для петербуржцев и для саратовцев.

Была у Марии Ильиничны и личная причина, по которой она стремилась в Петербург, — ей хотелось похлопотать о месте учительницы французского языка. Набравшись храбрости, пошла к попечителю Петербургского учебного округа. Перед ней сидел типичный чиновник, холодный и равнодушный. Выслушав просьбу и познакомившись с заявлением, он перешел на прекрасный французский язык: «Exposez votre demande en francais. (Выразите вашу просьбу по-французски)». И Мария Ильинична вдруг растерялась — с трудом произнесла несколько коротких

фраз, правда, с великолепным парижским выговором. Попечитель кисло улыбнулся: «Если что-нибудь представится, мы вам сообщим, оставьте адрес». Растерянная, она пошла к знакомой учительнице французского языка. Выслушав рассказ Марии Ильиничны, та покачала головой: «Ну, что же вы так! С попечителем надо было разговаривать бойко и напористо. Не просить, а требовать, потрясая сорбоннским дипломом». — «Этого я не умею, — возразила Мария Ильинична. — Бог с ним, попытаюсь получить место другим путем, давайте лучше поговорим о методике преподавания, а то у меня далеко не гладко получается».

Много было в Петербурге и издательских дел. В одной редакции нужно было получить гонорар за книгу Анны Ильиничны, в другой узнать, не смогут ли они напечатать статью Владимира Ильича.

Мария Ильинична выполнила просьбу матери — поехала на могилу сестры Ольги. Волково кладбище произвело на нее гнетущее впечатление, показалось заброшенным. На могиле Ольги Ильиничны зеленела елочка, посаженная родными, а топольки замерзли. Мария Ильинична постояла у могилы. Сколько лет уже прошло, она так ясно помнит Олю, ее улыбку, ее настойчивость, с которой она проводила занятия с ней, младшей сестрой. Наклонившись, Мария Ильинична сорвала с могилы несколько травинок на память.

И опять знакомая станция. Василий Александрович встречает ее как друга, не просто как учительницу своих детей. За беседой доехали до Ино-Неми незаметно. Дети отвыкли за зиму от нее и дичились первые дни, но постепенно все вошло в свою колею — занятия, совместные прогулки, беседы по вечерам, музыка.

Размеренный распорядок жизни был нарушен появлением ленсмана (начальник местного Полицейского отделения). Он явился в сопровождении финского военного за паспортами. Мария Ильинична слышала, как прислуга объясняла, что хозяина нет дома, тогда «гости» пожелали говорить с учительницей. Мария Ильинична вышла к ним, пригласила на террасу. Ленсман заявил, что из петербургского учебного округа ввиду прошения М.И.Ульяновой о месте учительницы пришел запрос. Ленсман пытался выяснить политические взгляды мадемуазель. Мария Ильинична, стараясь сохранить серьезность, уверяла его в своей полной благонадежности. Тот степенно кивал головой, слушая ее ответы, и, прощаясь, обещал дать о ней самый благожелательный отзыв. Когда незваные гости ушли, Мария Ильинична перевела дух. Ее окружили дети. На личиках девочек были тревога и недоумение, пришлось их успокоить, сказав, что такой порядок и полиция обходит все дачи. Вернувшийся

вечером из города Савельев возмутился этим визитом, ходил на другой день «выяснять отношения», заявил, что он ручается за благонадежность живущих под его крышей. Мария Ильинична усмехнулась: «Не боитесь, Василий Александрович, что я обману ваше доверие?» — «Нет, ведь я не брал с вас слова, что вы будете только учительницей, и хорошо знаю, чем занимается ваша семья!» Через много лет, уже после Октября, Мария Ильинична рекомендовала В.А.Савельева в партию. Сейчас она не пыталась его пропагандировать, она была уверена, что он придет к большевизму, но этот путь каждый человек должен проделать сам.

Мария Ильинична ведет оживленную переписку с Владимиром Ильичем, Анной Ильиничной, с друзьями. Она и здесь получает большое количество периодики, в том числе и «Приволжскую газету». Ее занятия с детьми приходят к концу. Пора опять в дорогу, но у нее много дел в разных городах. Чтобы мать не беспокоилась, она пишет: «Возможно, что удастся уехать дня на 2 — 3 раньше. Надо будет иметь еще немного времени, чтобы похлопотать в Питере. Раньше я собиралась из Питера прямо двинуться к вам, но теперь этот номер не пройдет. Мне очень хочется повидать одного знакомого в Нижнем, поэтому я решила сначала заехать туда. Имело бы, конечно, смысл заехать и в Казань к попечителю, но, во-первых, это уже будет запозданно, а во-вторых, я нисколько не надеюсь на утверждение в провинции».

Эти разъезды, прикрываемые личными или семейными обстоятельствами, связаны с непрерывной подпольной деятельностью всех членов семьи Ульяновых.

Вернувшись в Саратов, Мария Ильинична активно включилась в работу. Ее полицейское досье увеличивается с каждым днем. За ней неотступно следуют шпики. Донесения этих шпииков рисуют внешние проявления жизни Марии Ильиничны. Мы еще будем обращаться к этим каракулям, часто безграмотным, написанным на разных листках и подшитым в дело кем-то из служащих жандармского управления. Пока приведем два, наиболее характерных, за декабрь 1911 года:

«19/XII-11 г. ...Мария Ильина Ульянова, 31 год, кличка Боевая, проживает в доме № 26 Бузик по Угодниковской ул., занимается частными уроками. (Эту кличку — «Боевая» — она получила от жандармов Саратова. Они верно подметили и ее упорный, энергичный характер, и ее место в социал-демократических кругах города. — Авт.) В 10 часов утра Боевая-Ульянова вышла из дома, пошла в гор. публичную библиотеку, пробыла 1 ч. 50 м., вышла с книгой, прошла в контору редакции «Саратовского листка», где пробыла 10 м., вышла и отправилась домой».

«20/XII-1911 года. Ульянова-Боевая в 10 ч. 30 м. утра вышла из дома, отправилась в почтовое отделение Биржи, где подала телеграмму, квитанция № 487, после чего прошла в гор. публичную библиотеку, где пробыла 30 м., вышла, пошла в дом 24 Смирнова по Провиантской ул., зашла в парадную с Константиновской улицы, где карточка «Уроки музыки», откуда спустя 10 минут вышла и отправилась домой».

Полиция работает не за страх, а за совесть. В редакцию «Приволжской газеты» был внедрен провокатор под видом собирателя рекламных объявлений. И все-таки дело двигалось семимильными шагами. Участились стачки и забастовки, регулярно собирались кружки, распространялась партийная литература.

В конце 1911 года Владимир Ильич начинает подготовку к созыву общероссийской партийной конференции. Создана Российская организационная комиссия, которую поддерживают такие крупнейшие организации, как Петербургская, Киевская, Бакинская и т.д. ...За созыв конференции высказались 26 организаций, в том числе и Саратовская. Было решено послать от Саратовской организации своего делегата.

Возглавлял Российскую организационную комиссию Серго Орджоникидзе. Особенно большая работа была проделана в сентябре — октябре 1911 года. Владимир Ильич писал, что наконец после четырех лет развала и разброда собрался русский социал-демократический центр. Ленин в своей статье «Развязка партийного кризиса» подчеркивает важность этого шага и предупреждает, что надо вместе с тем учитывать и предстоящие трудности: «...было бы непростительной наивностью предаваться легковерному оптимизму; трудности предстоят еще гигантские; полицейская травля удесятирилась после опубликования первого русского листка от с.-д. центра; возможно предвидеть долгие и трудные месяцы, новые провалы, новые перерывы в работе. Но главное сделано. Знамя поднято: рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контрреволюционной атакой!»⁵⁴

Трудности не пугали членов Саратовской группы. Используя и легальные и нелегальные возможности, удалось собраться и избрать делегата для поездки на Пражскую конференцию. Им стал Воронский, партийная кличка «Валентин». Воронский в это время находился в Николаеве и оттуда имел возможность выехать в Прагу легально. Мария Ильинична посылает в Николаев шифрованное письмо и деньги, а в письме Ленину сообщает о том, кто избран делегатом от Саратовской партийной группы.

Характерно, что позднее в одном из полицейских документов будет

определено, что в числе выборщиков были и меньшевики, в том числе Деомид Топуридзе, а делегат на конференцию послан большевистской группой во главе с М.И.Ульяновой.

Полиция прибегает и к открытым репрессиям — арестам, обыскам, разгону кружков и собраний — и стремится использовать провокаторов, как можно больше конспирируя их. В архиве хранятся многочисленные донесения агента, подписывавшего их фамилией «Сергеев». Поражает, как много он знал, он присутствовал при конфиденциальных переговорах, знал клички партийцев, адреса явок. Он нанес Саратовской организации огромный урон и ушел от возмездия в период революции, так как в документах саратовской охраны не было зафиксировано никаких его данных, которые бы помогли определить его подлинное лицо. Прошло почти два десятилетия, участников героической борьбы продолжал волновать вопрос, кто же их предал. Наконец при подробнейшем перекрестном опросе все чаще стало мелькать одно и то же лицо — держатель явочной квартиры. Только в 1934 году он понес наказание.

В воздухе повеяло весной. Все теплее южный ветер, неугомоннее птицы. Мария Ильинична вышла из управы, постояла на крыльце, полной грудью вдыхая весенний воздух, не обращая внимания на входящих и выходящих из присутствия людей. «Пойдемте на Волгу! — раздался за ее спиной голос Кржижановского. — У меня есть полчаса свободных». Они вышли на набережную и удивились — толпы народа на берегу, все неотрывно смотрели на реку. Ледоход.

Мария Ильинична всегда любила Волгу. Ее детство, юность связаны были с великой русской рекой. И сейчас, стоя на набережной, она живо вспоминала, как в Симбирске вместе с братьями и сестрами бегали смотреть великое таинство пробуждающейся природы — ледоход. Река жила и двигалась. Она, вздыхая, ломала ледяной покров. Огромные льдины вдруг вставали на ребро, нестерпимо блестя в лучах солнца, опускались в глубину, а затем, подхваченные течением, устремлялись вперед, к морю. Это бурное клочкотание, постоянное изменение поверхности реки и неудержимое движение завораживали. Мозаика льдин менялась, они крошились, разбиваясь на мелкие кусочки, группировались вокруг огромных монолитов и плыли, плыли, не в силах сопротивляться могучему водному потоку. Река, как бы проснувшись после зимней спячки, освободившись от оков, мерно и величаво несла свои воды, упорно отрывая от берега все новые, цеплявшиеся за него льдины.

Мария Ильинична и Станислав Станиславович молча наблюдали эту всегда новую и всегда волнующую картину. «Вот так и революция зреет в

глубине народных масс, — думала Ульянова. — А потом прорвется мощным потоком и все сметет на своем пути!» Как бы отвечая ее мыслям, Кржижановский медленно проговорил, не отрывая взгляда от реки: «Да... такое движение не остановишь...» Они понимающе улыбнулись друг другу и, не обращая внимания на соглядатая, который за ними последовал, пошли в центр города. Они нарочно шли по самым людным улицам, а на перекрестке внезапно разошлись в прямо противоположные стороны. Шпик заколебался, затем решительно последовал за Марией Ильиничной и был разочарован, когда она, никуда не зайдя и ни с кем не встретившись, вошла в подъезд своего дома.

Казалось бы, каждый их шаг под контролем, но работа не просто продолжается, она идет все более активно, приобретает новые формы. Полиция сумела выяснить имена и приметы участников Пражской конференции, которая во всех жандармских документах неизменно именуется «ленинской». Были даны строжайшие указания — арестовать всех при возвращении прямо на границе, однако почти всем делегатам удалось вернуться в города, их пославшие. 30 апреля приехал в Саратов и Александр Константинович Воронский, объехавший с отчетным докладом несколько южных городов. Он должен был затем из Саратова отправиться в Петербург. Уже в Николаеве за ним началась слежка. Она не прекращалась ни в Одессе, ни в Саратове. Чтобы избавиться от нее, приходилось проявлять верх изобретательности. Через два дня на конспиративной квартире Воронский для узкого круга товарищей сделал подробный доклад о том, как проходила конференция, и прочел принятые на ней резолюции. В Праге был избран большевистский Центральный Комитет во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Конференция закрепила идейный разгром меньшевизма и ликвидаторства и завершила восстановление нелегальной марксистской партии в России.

В стране начинается новый революционный подъем. Огромный резонанс получили Ленские события — расстрел безоружных рабочих на золотых приисках, вызвавший резкие протесты всей общественности и волну стачек и забастовок. В забастовке, организованной рабочими чугунолитейных и механических заводов в Саратове, участвовало 15 тысяч человек. Под руководством большевистской группы рабочие завода Берлинга выработали и послали в Думу специальную резолюцию, где выражали протест против действий правительства на Лене.

В полицейских донесениях отмечается, что главным организатором рабочих забастовок в Саратове был Станислав Станиславович Кржижановский. Несомненно, он осуществлял указания Ленина,

переданные через Марию Ильиничну.

За год, прошедший с переезда Ульяновых в Саратов, Кржижановский очень сблизился с семьей. Они с Марией Ильиничной иногда вместе ходили в театр, это не было нарушением конспирации — об их знакомстве полиция давно знала. Станислав Станиславович шутил: «Пусть думают, что у нас не партийные отношения». Мария Ильинична кивала головой, стараясь скрыть, что шутка ранит ее. Ведь Станислав давно занял в ее жизни особое место, и, выслушивая его донесения о проделанной работе, она содрогалась от страха за его жизнь. А он был неутомим и бесстрашен. У него большой круг рабочих-помощников. Они ходят по цехам, собирают средства для печатания листовок, агитируют за забастовку и сами идут в первых рядах забастовщиков. Александр Ларионов, Александр Симонов, Илья Скворцов, Иван Нечаев и другие — это тот новый тип рабочего-революционера, который закалился и вырос после русской революции. Глядя на них, слушая их грамотную, политически заостренную речь, Мария Ильинична часто вспоминает Ивана Васильевича Бабушкина. В начале века Бабушкины были единицами, теперь на каждом заводе есть профессиональные революционеры-рабочие, они-то и служат опорой ленинской партии. Поэтому так внимательно слушает Мария Ильинична рассказы Станислава о его помощниках, просит брата присылать как можно больше большевистской литературы. Эта литература идет нарасхват.

Сама Мария Ильинична встречается лишь с ограниченным кругом лиц, чутье подсказывает ей, что в их рядах есть предатель, да и законы конспирации требуют, чтобы те, кто составляет ядро организации, были известны лишь избранным. И все-таки есть работа, которую может выполнить лишь она, — встретиться с теми, на чье имя приходят посылки и письма, доставить их на конспиративные квартиры, провести совещания товарищей.

Марию Ильиничну видят в разных концах города. Она, как правило, умеет уходить от слежки. Вот донесение от 4 мая 1912 года: «В 9 ч. 30 мин. утра «Боевая» вышла с квартиры на углу Константиновской и Ильинской, взяла извозчика, поехала в Городскую Управу, по Московск. ул. (где занимается «городовой»). Пробыла 1 ч. 50 мин., вышла, села в трамвай, доехала до угла Московской и Ильинской, пересела в Ильинский трамвай, поехала домой. В 12 ч. 40 мин. дня вышла вторично, пошла на Вольскую ул. д. 51 во дворе, пробыла 1 ч. 30 мин. Вышла, пошла в писчебумажный магазин «Труд» по Ильинской ул., оттуда через 15 мин. пошла домой. В 3 ч. дня «Боевая» вышла в третий раз, на углу Ильинской и Панкратьевской села в трамвай, доехала до угла Московской и Полицейской, слезла, пошла

на Воловую д. № 100 во двор, пробыла 15 мин., вышла на углу Московской и Полицейской, села в трамвай, доехала до угла Московской и Александровской, слезла, тут же была утеряна. Прихода домой не видели, а в 6 ч. 40 мин. вышла, села в трамвай, доехала до Большой Кострижной и Никольской, слезла, пошла на Мало-Сергиевскую д. 66 в парадную дверь, где проживает «Акцизный», скоро вышла, пошла на Александровскую ул. д. 14 — 16 во двор (кв. Авербах), тоже скоро вышла, пошла домой, больше не видели»⁵⁵.

Документ этот ярче любых художественных описаний рисует опасности и трудности работы подпольщиков.

Сколько адресов Мария Ильинична посетила, со сколькими людьми переговорила, сколько раз поменяла транспорт, а может быть, самыми важными как раз и были те часы, когда она сумела уйти от слежки.

Пройдя школу подпольной тактики под руководством Владимира Ильича, она делится своим опытом с товарищами, учит их суровым законам конспирации. Провокатор «Сергеев» фиксирует, что, когда Марию Ильиничну познакомили с человеком, пожелавшим войти в организацию, она приняла его холодно и попросила, чтобы он представил кого-нибудь из тех, кто может его рекомендовать, и отказалась до этого обсуждать с ним партийные вопросы. Она решительно выговаривает Евгении Николаевне Благодаровой: «Любезнейшая Е.Н. Покорнейшая просьба: НИКОМУ не давать моего адреса, неосторожно сообщенного Вами из Сар., и НЕМЕДЛЕННО уничтожить у себя ВСЕ следы записи этого адреса. Пользуюсь случаем преподать Вам совет на будущее время: никогда не сообщайте адресов подобных типов, не имея на то специального полномочия от адресата... Вы имеете счастье жить в России и на службе полиции не обретаетесь...»⁵⁶ Вот так откровенно и сурово. Слишком многим рисковали люди, чтобы проваливаться по чьей-то оплошности, небрежности или легкомыслию.

Недаром Саратовское жандармское управление отмечало: «Конспиративность Ульяновой, несомненно узкий круг лиц, посвященных в ее деятельность и отсутствие явных проявлений этой деятельности за время веденного до сих пор наблюдения значительно затруднило установку местной группы «большевистского» направления, и уяснение настоящего числа ее участников, и их значение как партийных деятелей».

Приближалось 1 мая. Было решено отметить праздник маевкой и выпуском специальных листовок. Станислав Кржижановский и Александр Ананьин взялись за подготовку майской забастовки. Несколько раз

организовали собрания с рабочими на Увеке — железнодорожном переезде через Волгу в 12 верстах от города. Полиция с ног сбилась, стараясь узнать место и время собраний. Мария Ильинична договорилась через знакомого наборщика о печатании прокламаций, составленных руководителями группы. Тот, кто скрывался под фамилией «Сергеев», доносит: «Вчера в кварт. Нины Петр. Фомичевой, где находилась Ан.Сем.Кочар., была М.И.У-ва, которая сообщила, что первомайская забастовка рабочих будет непременно; относительно же дальнейших выступлений — массовки и демонстрации говор., что к это[му] будут направлены все усилия. По ее словам, прокламация на 1 мая уже передана для напечатания. Куда именно, не сказала...»⁵⁷

Забастовка была проведена на большинстве заводов и в железнодорожных мастерских. На Увеке провели маевку, но листовок выпустить не удалось: полиция прочесала буквально все типографии. Еще в апреле была разгромлена и закрыта «Приволжская газета», ее редакторы высланы из Саратова. А в ночь с 8 на 9 мая были проведены во всем городе массовые обыски и аресты. Схватили 16 человек, в том числе и сестер Ульяновых. Марка Тимофеевича от ареста спасла командировка. Когда в квартиру ночью вломились жандармы, там были одни женщины. Обыск длился несколько часов. Под утро Мария Александровна осталась в квартире одна. Дочерей увезли в тюрьму. Обе они ласково простились с матерью, уверяя, что их скоро отпустят, что это недоразумение. Понятые качали головами — такая интеллигентная семья, дворяне. Конечно, произошла ошибка.

Тюрьма, опять тюрьма, одиночка. Мария Ильинична осмотрела свою камеру — довольно большая, окно, к счастью, не забрано намордником, но оно высоко, и, даже встав на стол, она может увидеть лишь крыши да купола церквей. Привычное лязганье ключей и топот надзирателей по каменным плитам коридора. Тяжелое раздумье первых дней, попытка осмыслить и понять причину ареста. Если бы знать, кто остался на свободе!

Она сидит у стены, на плечи легла невыносимая усталость, а в голове рождаются картины последних дней, возникают лица товарищей. Нет, она не в силах заподозрить кого-либо из них, и все-таки... Едва слышный стук в стену: «Отзовитесь, отзовитесь, здесь арестованный 8 мая». Мария Ильинична начинает выстукивать ответ. Через час она знает все — провал большой, арестованы почти все основные участники группы и Станислав тоже. Теперь все зависит от того, как будут держаться товарищи.

Ее вызывают на первый допрос лишь через две недели, но он не дает

ничего нового следствию. Она отрицает все. Здесь она узнала, что за полным отсутствием улик выпустили Анну Ильиничну. Она спокойна за мать.

Плохо, что свиданий не разрешают. Она пишет матери письма, ответа нет. Жандармы не спешат с просмотром. По четвергам разрешают передачи. Ее письма матери проникнуты одним стремлением — успокоить мать, показать, что тюремный режим не ломит ее ни физически, ни духовно:

«Дорогая мамочка!

Это третье письмо, что пишу тебе отсюда, не знаю, получаешь ли ты их. От тебя писем еще не получала, верно, их просматривают, на днях надеюсь получить. Сейчас принесли передачу от тебя, очень рада была ей — спасибо, голубушка моя... Вообще буду стараться упитываться, чтобы сохранить свои силы в прежнем виде, и, надеюсь, мне это вполне удастся. Время летит здесь поразительно быстро, как нигде, кажется. Когда возьмусь всерьез за занятия и книги, пойдет, конечно, еще скорее. Вязанье мое движется довольно успешно, вяжу и кружева и звездочки для салфетки, так что скоро уже всю бумагу вывяжу... Гуляю я обыкновенно рано утром, иногда даже до чая, это хорошо, не так жарко бывает. Впрочем, тень всегда можно найти, потому что двор большой. Здесь, в тюрьме, создается особая психология, которую вольному человеку трудно, даже невозможно понять. Отвыкаешь от воли и потому как-то мало мечтаешь о ней, как о чем-то недоступном, по крайней мере теперь, — больше уходишь в мелкие интересы дня, которые и заполняют его собой. В конце концов ведь все проходит, как хорошее, так и плохое, унывать, значит, не приходится, тем более что ничего, кроме вреда, от этого получиться не может. Видишь, как я философски сейчас настроена, постараюсь на дольше. Да и в конце концов не думаю я, чтобы это сидение уж долгое-то могло быть. Придет и ему конец. Очень мне только хочется, чтобы ты уехала отсюда. Навещает ли тебя кто-нибудь из знакомых? Поцелуй от меня тех, кто это делает».

Когда сейчас, через столько лет, держишь в руках тюремные письма Ульяновых, они вызывают чувство уважения и вместе с тем чувство горечи — каждое письмо крест-накрест перечеркнуто специальным химическим

составом, проявляющим тайнопись. Страницы все в коричневых полосах и потеках. Многие строчки, слова, абзацы густо замазаны чернилами — ничего нельзя прочесть. На каждом конверте надпись: «Проверено. Выдать».

Трудно писать письмо, заранее зная, что его будет читать, помимо родного и близкого человека, враждебный, бездушный чиновник, старающийся уловить любой намек на имя, адрес, событие. Необходимо думать над каждым словом, каждой фразой и абстрагироваться от этого постороннего читателя при выражении своих чувств к матери, которая с нетерпением ждет весточки.

Как она благодарна матери за то, что та научила ее рукоделию. Автоматическое, монотонное вязание вносит успокоение и вместе с тем не мешает думать, сосредоточиться, подготовиться к очередному допросу.

В Саратов пришла жара. На прогулках Мария Ильинична старается держаться в тени здания. Огромный двор окружен зданием тюрьмы. Из окна камеры нельзя видеть, что здесь происходит. Она упорно смотрит во время прогулок в эти безликие окна, стараясь угадать, в каких камерах сидят товарищи. Пока она еще никого не видела — до перекрестных допросов дело не дошло. В письмах Мария ни одним словом не выдает, как плохо чувствует себя, как гнетет ее одиночка, как трудно соблюдать избранный режим, бороться с апатией, которая так часто наваливается на заключенных и приводит к различным нервным заболеваниям. Она знает, что мать беспокоит ее самочувствие, поэтому столько оптимизма в ее письмах. Но при личном свидании нельзя скрыть ни бледности, ни худобы, ни отечности.

Мать и старшая сестра настаивают, чтобы она обратилась к тюремному врачу, потребовала дополнительной прогулки. Она соглашается, однако ничего не предпринимает, не хочет просить снисхождения. Только еще упорнее делает утреннюю гимнастику, холодные обтирания и старается чаще менять свои занятия. Ее письма полны просьбами прислать как можно больше литературы, самой различной — художественной и научной, на немецком, английском, французском языках. «Если возможно, я попросила бы уложить мои книги (они лежат на последней полке шкафа) в отдельный ящик, причем часть из них направить мне. Не знаю, какого содержания книги разрешаются для чтения арестованным... Мне хотелось бы иметь первый и второй тома «Капитала», Лансона по-французски, Шиллера по-немецки, что-нибудь по истории русской и иностранной литературы, вроде Шахова, Когана, Венгерова, может быть, по истории Англии, России что-нибудь, английский словарь и

какой-нибудь английский роман. Что касается англ. — Туссена, то можно и его, хотя пока еще не знаю, хватит ли у меня пороку на него, может быть, и хватит. Кроме того, что-нибудь из беллетристики — Ибаньеса, напр... У меня сейчас какая-то жажда книг и чтения, кажется, буду читать запоем! Если бы удалось поумнеть — то-то бы хорошо!»

В жандармском управлении, куда Анна Ильинична повезла указанную сестрой литературу, возмущались: ведь этого хватит на всю тюрьму! «Мы что, специально перевозчиков держать должны!» — ворчал чиновник. «Я могу вам перевезти», — спокойно парировала Анна Ильинична. «Нет уж, мы предпочитаем свой перевоз, так оно надежнее», — ответил жандарм.

Первые дни заключения без книг казались особенно ужасными, хотя Мария Ильинична кое-что и взяла в тюремной библиотеке. Но вот наконец надзиратель внес целую стопку книг, почти все, что она просила.

В жандармском управлении был составлен список книг, пропущенных для чтения: «1) Л.Н.Толстой — биография, 2) Курс политической экономии. Богданов и Степанов. 3) Очерки литературного движения А.Шахова. 4) Когда проснется спящий Г.Уэллс. 5) Письма с моей мельницы А.Доде. 6) Немецко-русский словарь А.Ф.Циглера. 7) Малая энциклопедия на французском языке. 8) Немецкая грамматика. Гейзе. 9) На воде. Гюго. 10) Сочинения Мопассана на французском языке. 11) 6-й том сочинений Ницше. 12) Эрнани В.Гюго на французском языке. 13) Пятьдесят перипетий В.Гюго на французском языке. 14) Письма моего мулена Доде на французском языке. 15) Основы стилистики Боли на французском языке. 16) Полное собрание сочинений Шиллера. 17) Самоучитель Туссена. 18) Английский роман Беллами. 19) 6-й и 9-й тома собрания сочинений И.С.Тургенева. 20) Роман Ибаньеса».

Полицейские старательно переписывают названия и, конечно делают ошибки. «Письма моего мулена» — так перевели «Письма с мельницы». Они пропускают или справочники, или художественную литературу на иностранных языках.

Мария Ильинична набросилась на чтение, тем более что следствие затягивалось и конца ему не было видно... «У меня все идет по старому, раз заведенному образцу, — пишет она матери через два месяца после ареста. — На этой неделе читала Шахова «Историю французской литературы». Эта книга меня очень заинтересовала. Во-первых, хорошо было бы для некоторого разнообразия почитать научную книгу, тем более что погода этому благоприятствовала, а потом тема интересная, по которой мне приходилось заниматься в Сорбонне. Я сдавала экзамен как раз по тому периоду, который рассматривается в этой книге. Составлена книга

интересно и написана живо, но в отличие от других историков литературы мне показалось, что автор ее вносит слишком много субъективного в оценку событий и деятелей разбираемой им эпохи. Может быть, это придает большую живость его книге и делает ее более завлекательной, но иногда кажется, что он слишком пристрастен. Так, очень резок он в своих нападках на Гейне...»

И так день за днем, неделя за неделей. Молодая, полная сил женщина заперта в четырех стенах. Но ни в одном письме не прорывается ни жалоб, ни стонов, ни слез. И уж, конечно, нет сожалений о выбранном пути. Ее радует каждое сообщение с воли. Мария Александровна не пытается посылать Маняше писем Владимира Ильича или Надежды Константиновны. Знает, что они останутся в руках жандармов. Во время субботних свиданий они с Анной Ильиничной ухитряются в присутствии надзирателя сообщать ей все новости.

Лежа на койке без сна, Мария Ильинична вспоминала волю и чаще всего именно Волгу, прогулки на лодках, покой и красоту заволжских далей.

Уходили силы. Не помогали ни гимнастика, ни мамины посылки. Она бледнела, лицо стало прозрачным. Внешняя хрупкость и беззащитность еще больше бесили следователя и начальство — материалы дела показывали, что именно эта слабая на вид женщина была руководителем группы, доставившей им столько неприятностей. В своем донесении в высшие инстанции полковник Семигановский докладывал: «Центральной фигурой саратовской группы являлась М.И.Ульянова, сестра известного Владимира Ульянова, ее сестра Анна Ильинична Елизарова, муж последней М.Т.Елизаров, являвшиеся ближайшими помощниками М.Ульяновой в стремлении воссоздать в Саратове прочную нелегальную организацию РСДРП».

Следствие наконец закончено. Все привлекавшиеся к делу получили по три года ссылки в северные губернии. Марии Ильиничне назначили Астраханскую губернию. Она просит мать походатайствовать об отправке на Север. Туда сослали товарищей, да и северные районы к Петербургу ближе, а ведь борьба разгорается. Предлог для просьбы — ее плохое физическое состояние и тяжелые климатические условия Астрахани. Милостивое согласие получено — Вологда.

Последние дни в тюрьме самые невыносимые, кажется, что никогда не покинешь опостылевшей камеры. Но вот и ее очередь «на выход, с вещами». Она с трудом идет по двору к воротам. Надзиратель даже помогает нести узелок. У проходной Аня и Марк. Садятся на извозчика, и

здесь, за поднятым от дождя верхом (Марию Ильиничну освободили 19 октября), она, уткнувшись лицом в плечо Марка Тимофеевича, всплакнула. «От счастья, от воли». — говорила она сестре, улыбаясь сквозь слезы. На самом деле она была больна, ослаблена. Ехать в Вологду сейчас же, тем более идти этапом, она не могла. Пришлось писать очередное прошение — об отсрочке. Вместо ответа через два дня на квартиру пришел полицейский врач. Но и он констатировал истощение, малокровие. Отсрочка была получена, а также разрешение ехать на свой счет.

Первое время она не выходит из дома, постепенно силы возвращаются. Как всегда, она не может уехать, не наладив связи, не оставив надежных заместителей. Все тот же «Сергеев» доносил полицейскому управлению: «...Выяснилось, что с арестом Ульяновой и К° связи с Центральным Комитетом потеряны, но имеется возможность их восстановления...»⁵⁸ Провокатор написал об этом еще в августе. По этому можно судить, что, сидя в тюрьме, Мария Ильинична не порывала с волей, конспирация была налажена так, что на свободе остались люди, могущие наладить связь с Лениным. Думается, что полиция не зря выпустила Анну Ильиничну, надеясь проследить за теми, с кем она будет общаться, но просчиталась. Никого поймать не удалось, а связь с ЦК была налажена, хотя, конечно, арест и высылка из города 16 активнейших большевиков на время затормозили революционную работу.

Наступала зима... Пора было трогаться в путь. Марии Ильиничне не удалось увидеться с товарищами, угнанными по этапу. Полная тревоги за их судьбу, она покинула Саратов. Ее сопровождал Марк Тимофеевич. Места рядом с ними занимали конвоиры. Пассажиры с недоумением и опаской посматривали на «арестантов», а те, не обращая на них внимания, читали или разговаривали.

В Москве лишь пересели с поезда на поезд да отметили в полицейском управлении проходное свидетельство. Послали успокоительную открытку в Саратов. И опять мерное покачивание вагона. Все пустынное и заснеженнее просторы за окнами. Они ехали на Север, где зима давно вступила в свои права.

Вологда в снежном наряде выглядела чистой и уютной. Снова привычная процедура — отметка в полицейском управлении, и конвоиры поехали в обратную дорогу. Марк Тимофеевич наблюдал за доставкой багажа, помог устроиться в номере гостиницы. Мария Ильинична не распаковывала вещей, она еще должна была найти себе постоянное пристанище и, самое главное, выяснить, оставят ли ее в городе или пошлют в какой-нибудь медвежий угол. Пришлось идти на прием к начальнику

жандармского управления, к губернатору они с Марком Тимофеевичем попасть не смогли.

Вопреки ожиданиям жандарм оказался очень любезен, оставил Марию Ильиничну в городе, предупредив, что здесь 60 человек политических и надо соблюдать осторожность, иначе ее могут отправить очень далеко. Начальник жандармерии улыбался, но в его глазах не было улыбки, а в голосе звучала явная угроза. Конечно, Мария Ильинична заверила его, что не собирается заниматься здесь политикой и что гораздо больше ее заботит — удастся ли найти уроки, поскольку она стеснена в средствах. Он сказал, что не будет возражать, если она станет давать уроки французского языка. Конечно, он уже знал, что Ульянову встречали друзья, со многими из которых ее связывала очень давняя совместная работа.

В Вологде существовала целая колония ссыльных — О.А.Варенцова, В.П.Милютин, И.А.Саммер, А.Д.Цюрупа, В.В.Боровский и многие другие. Марк Тимофеевич был спокоен — он оставлял Марию Ильиничну не одну, правда, из саратовцев в Вологду не попал никто. Станислав Кржижановский получил местом ссылки Великий Устюг. Недалеко — всего 600 километров, да не доедешь, не долетишь. Из письма матери и позднее из рассказов друзей узнала Мария Ильинична, как их вели через Волгу по ноябрьскому льду. Волга только-только стала. Лед был еще тонок. Ссыльные были закованы в кандалы попарно. Сначала они не поняли, почему конвоиры держатся на некотором расстоянии, и, только услышав предательское потрескивание льда, почувствовав, как он пружинит под их тяжелыми шагами, поняли все. Берег, казалось, не приближается, а удаляется. Старались громко шутить и разговаривать, не смотреть под ноги. Если бы лед не выдержал, все они пошли бы ко дну с кандалами на руках. И была бы эта история отмечена как несчастный случай. Ступив наконец на берег, все чувствовали себя родившимися заново. И теперь Волга не казалась такой уж широкой и опасной. Читая письмо матери, слушая рассказы товарищей, Мария Ильинична переживала весь ужас этого пути. Природа оставила их в живых, она оказалась добрее жандармов.

Мария Ильинична поселилась в центре города, на Казанской площади. Большая комната с венецианским окном нравилась ей, быт начинал налаживаться.

Как всегда, в письмах Мария Ильинична очень осторожна, она не называет никаких новых имен и фамилий, во всем полагаясь на Марка Тимофеевича, который должен рассказать Анне Ильиничне об обстановке и местных обитателях. «Жаль, — пишет она, — что никто из привлекавшихся со мной по одному делу не попал сюда (я ведь все же

познакомилась с ними, когда ходила в охранное отделение), за исключением, впрочем, Скворцова, которого видела сегодня. Ст. — назначен в Великий Устюг, Лар. в Грязовец, Сим. в Тотьму. Все уж разъехались».

Она явно подчеркивает, что лишь при допросах познакомилась с теми, кого судили вместе с ней, и ничего не пишет о тех, кого встретила в Вологде.

Город, живописно раскинувшийся по берегам реки, понравился ей своими прямыми улицами, добротной застройкой, обилием деревьев. Она представила себе, как красиво здесь будет весной, и стала звать сюда Марию Александровну. Та привычно собиралась в путь, но, конечно, не в зимние морозы, а поближе к весне. Мать писала, что надеется на амнистию, ожидавшуюся в связи с празднованием 300-летия дома Романовых. Мария Ильинична не хотела разочаровывать ее, но она не верила ни в какие милости и оказалась права.

В очень короткий срок Мария Ильинична выросла в большевистскую колонию. Прежде всего она вошла в легальное общество «Просвещение», его членами были и служащие, и интеллигенты, и рабочие. Общество широко организовывало платные публичные лекции, в которых участвовали и ссыльные большевики — В.И.Потемкин, В.М.Фриче и другие. Это было хорошей возможностью собирать средства на партийные нужды и на помощь товарищам, когда они не могли найти работы, многосемейным, тем, кто не имел средств к существованию. Мария Ильинична немедленно вступает и в нелегальную кассу взаимопомощи ссыльных.

Через некоторое время она познакомилась со многими учительницами, записалась в публичную библиотеку. Ее огорчало лишь одно — ничего не получалось с работой. Мест не было. Чтобы практиковаться во французском языке, она давала бесплатные уроки дочери хозяйки квартиры.

С самого начала года она стала регулярно получать нелегальную литературу — газету «Правда», журнал «Просвещение» и т.д. Конечно, как всегда, на вполне «лояльные» адреса.

Один из вологодских ссыльных, С.В.Борисов, вспоминал: «С приездом Марии Ильиничны, помню, ссылка как-то сразу оживилась, воспрянула... Она информировала о текущих событиях, знакомила с перепиской Владимира Ильича. Как-то само собой установилось, что Мария Ильинична стала центром в жизни нашей ссылки, и не только среди большевиков, но и других ссыльных»⁵⁹.

Борисов работал в железнодорожных мастерских и помог связаться с рабочими, организовать там кружок, который стала вести Мария Ильинична. Очень удачно получилось, что медицинский пункт при этих мастерских обслуживал большевик С.Н.Прибытков, служивший там фельдшером. Он оповещал рабочих о месте и времени сбора. Мария Ильинична свободно встречалась с его женой в библиотеке, заходила «поболтать» домой. Дружба двух молодых, интеллигентных женщин не вызывала недоумения у властей.

В ссыльной колонии были и большевики и меньшевики. На вечеринках шли жаркие споры о путях и методах борьбы. Часть меньшевиков яростно выступала против философских концепций Ленина. Спор иногда приводил к разрыву.

Мария Ильинична считала, что каждый должен занять наконец твердую позицию. Она не терпела людей примиренческого типа, пытавшихся сидеть между двух стульев. Перед ее глазами всегда стояло огорченное лицо Владимира Ильича, который рассказывал, как Глеб Кржижановский метался после второго съезда и все не мог понять, что раскол имеет глубоко принципиальное значение и его нельзя объяснить личными качествами того или иного из членов двух групп.

Готовя партию к новой революции, Ленин требовал от каждого ее члена теоретической подготовленности и полной самоотдачи. И Мария Ильинична работает не жалея сил. В Вологде появились новые газеты и журналы, в кружках — ленинская литература, да и самих кружков стало больше, они возникли почти на всех предприятиях.

Мария Ильинична ждет мать, старшую сестру и мальчика Гору, воспитанника Анны Ильиничны Георгия Лозгачева. Она прекрасно знает, что они приедут не ранее начала июня, тем не менее уже в феврале занята «выбором» квартиры. Это дает ей возможность посещать разные районы города, заходить в различные дома, да и со знакомыми можно встречаться почаще — ведь наем новой квартиры вещь очень серьезная.

В этот период Мария Ильинична много читает, занимается языками, переводами. Теперь Владимир Ильич шлет ей из-за границы проспекты издательств, хлопочет о заказанных ею книгах, делится своими впечатлениями: «О новой немецкой литературе? Только что закончил чтением четыре тома переписки Маркса с Энгельсом. Хочу писать о ней в «Просвещении». Много интересного. Жаль, что дорого издали черти — немчура: 40 марок! Не читал еще новой книги Вера «История социализма в Англии», но скоро прочту.

Вышла недавно [книга] Кунова о происхождении религии. Прислал бы

тебе ее (я ее куплю), но боюсь, не дойдет. Если ты получаешь или достаешь «Neue Zeit», то там есть перечень всего интересного. Буржуазной новой литературы не вижу. Если хочешь, пришлю тебе перечень всех вообще новых книг по-немецки (маленькое издание книгопродавца Hinrichs'a в Лейпциге — ежемесячно получаю)»⁶⁰. Можно не сомневаться, что Ленин слал сестре не только письма с литературными и семейными новостями, были и партийные указания, только она не имела права такие письма хранить.

Наконец прошли месяцы жизни у посторонних людей; семья Ульяновых, если и не в полном составе, все-таки собирается вместе — мать, две дочери, Гора.

Мария Ильинична счастлива, хлопоты по устройству не кажутся ей обременительными. С особыми удобствами ей хочется устроить Марию Александровну. Мать вызывает у нее искреннее восхищение — в свои 78 лет она очень подвижна, полна энергии, ум ее ясен и остер. Недаром Владимир Ильич как-то сказал: «Мама для меня идеал, идеал женщины и человека». Всегда опрятно и со вкусом одетая, с кружевной наколкой на белоснежных волосах, она полна достоинства и какой-то особой красоты. На лице ее печать огромного интеллекта и следы пережитых страданий. Ни на минуту Мария Александровна не выключается из активной жизни, у нее хватает сил помогать детям. Ее стойкость и мужество служат постоянным примером для дочерей.

Мария Ильинична с искренним удовольствием показывает матери и сестре город и его окрестности. «Ты стала настоящей вологжанкой, — смеется Анна Ильинична, — так расписываешь город, как будто это твоя вотчина». — «Ничего, обжилась, друзей много, работаем хорошо, вот и привыкла. А городок действительно прелесть», — отвечает Мария. Лучше всего общее настроение после встречи выражено в письме Марии Александровны к Марку Тимофеевичу: «Мы живем уже здесь с 1-го июня, и я огляделась и познакомилась несколько с Вологдой. Конечно, природа и окрестности здесь не те, что в Феодосии (Мария Александровна гостила весну у Дмитрия Ильича, служившего в Феодосии земским врачом. — Авт.) — нет моря, нет тех чудных видов, как там, но все же Вологда понравилась мне более, чем я того ожидала. Здесь масса зелени, что мне очень нравится, и пыли не так много, как бывало в Саратове и в Феодосии. Недалеко от нас поле, луга с полевыми цветами — воздух там прекрасный, а дальше рожь, где мы собираем васильки. Гора чувствует себя очень хорошо там, порхает, как бабочка, и возвращается домой с огромными букетами. Мы были там уже несколько раз. Бываем и на набережной реки Вологды, пристаю

довольно большие пароходы, вид с набережной красивый, а дальше по ней березовая роща, а за ней прелестный садик с красивыми цветами на клумбах, и в нем домик Петра Великого, который мы осматривали. Гуляем и по бульвару, собираемся подальше за город, и говорят, и там есть красивые места для прогулок».

Далее Мария Александровна передает содержание полученного от Владимира Ильича письма и шлет Марку Тимофеевичу самые теплые пожелания. Опять перед нами картины тихой семейной жизни. Как будто бы ничего более. Но большинство ленинских статей, появившихся в те годы в большевистском общественно-политическом журнале «Просвещение» и других журналах, идут через сестер. Идет и подготовка к созданию женского журнала «Работница», в редакцию которого должна была войти Анна и где затем деятельно сотрудничала Мария. Изыскиваются средства на издательские дела, и большевики, живущие в Вологде, проводят сборы среди рабочих, делают отчисления с лекций и рефератов, обращаются к интеллигенции, сочувствующей борьбе за революционные преобразования в России. О том, что Мария Ильинична имела теснейшие связи с Петербургским комитетом и Заграничным бюро большевиков, свидетельствует огромное количество нелегальной литературы, отобранной у нее впоследствии при обыске: журналы «Работница», «Просвещение», «Наша заря»; газеты «Рабочая правда», «Живая жизнь», «За правду», «Новая рабочая газета», «Путь Правды», «Северная рабочая газета», «Верная мысль», «Стойкая мысль». Все это доставлялось нелегально, с риском и трудностями. Мария Ильинична получала всю эту литературу в нескольких экземплярах, конечно, не для того, чтобы хранить ее в тайниках.

Благодаря сестре Ленина вологодские большевики принимали наивысшее участие в работе ленинской партии. Само собой разумеется, что Мария Ульянова не только получала и рассылала нелегальную литературу, она активно сотрудничала в большевистских изданиях, организуя корреспонденции с мест на острые, животрепещущие темы. В одном из писем Анны Ильиничны читаем: «Дорогая моя Манечка, обнимаю тебя крепко и посылаю любимую твою сирень и пожелание здоровья и хорошей, веселой весны. Как чувствуешь ты себя теперь, голубочка моя? Книжки французские постараюсь выслать нынче. Получила ли № 2-й «Работницы» и что скажешь о нем? Нужен бы пасхальный материал к следующему №. Не имеется ли у кого-нибудь что-нибудь переводное подходящее? Почему не отзываетесь на это?..

Посылаю сейчас № Станиславу: Петру (Залуцкий П.Л. — знакомый

М.И. по вологодской ссылке. — Авт.) не хочу, зачем с тобой ссориться...» Конечно же, речь идет не о пасхальном, а о первомайском материале; и не о переводном, а о местном, так необходимом журналу. Из письма Анны Ильиничны также видно, что Мария Ильинична имела в Вологде постоянную связь со всеми товарищами по Саратову, сосланными в разные города Вологодской губернии. Переписывается она и со Станиславом Кржижановским, ведь он по-прежнему друг и соратник по борьбе.

Куда бы царское правительство ни засылало большевиков, вокруг них сейчас же образуются коллективы, разделяющие ленинские идеи и тесно связанные с партийными центрами.

Эти связи были так хорошо законспирированы, известны такому ограниченному количеству лиц, что некоторые письма и сейчас мы не можем расшифровать, то есть объяснить, какое событие в партийной работе за ними скрывается. Одно из таких писем Марии Ильиничны из Вологды в Поронин на имя Надежды Константиновны хотелось бы привести:

«Дорогая Надя!

Сейчас получила твое письмо. Почти не сомневаюсь, что мальчик наш проехал, он должен был ехать сейчас после экзаменов. Видеть его здесь мне не удалось, хотя я пыталась. На случай запрошу сегодня, но, повторяю, это совершенно невероятно.

Дядя хотел приехать в июне, но числа точно не знаю.

Целую тебя и В.

Твоя М.».

О чем здесь идет речь, можно только гадать. Но самое главное для нас ясно — Мария Ульянова как бы представитель большевистского, ленинского ЦК в огромной области, центр, вокруг которого группируются партийцы.

Постепенно деятельность Марии Ильиничны приобретает такой размах, что привлекает внимание полиции. Жандармы находят нужным установить за ней тайное наблюдение. И опять в ее дело подшиваются небольшие листки из полицейского журнала наблюдений. Шпики описывают даже одежду, в которой Мария Ильинична вышла из дома, фиксируют, идет она с зонтиком или без него, несет ли в руках что-нибудь и что именно. Скрупулезно перечисляются совместные с матерью прогулки, магазины, в которые они заходили, сделанные ими покупки. Каждый из наблюдателей стремится показать свое рвение. Так, один из них

пишет, что М.И.Ульянова вышла из дома с пакетом, похожим на прошение, пошла в губернскую управу, вышла без пакета. По минутам засекается время, которое они с матерью просидели на скамейке в городском саду, перечисляются все, с кем Мария Ильинична говорила на улице хоть несколько минут. А те, кто побывал у нее дома, как правило, уходят в сопровождении филера. 18 марта 1914 года соглядатай доносит: «...Наблюдение начато в 9 часов утра. В 10 час. 35 мин. утра наблюдаемая вышла из своей квартиры и пошла на Пятницкую улицу в редакцию Вологодского листка, 11 час. 15 м. утра из редакции пошла на свою квартиру, в 11 ч. 50 м. утра наблюдаемая вышла из дому вместе со своей матерью, пошли на Александровскую ул. в дом № Дворянского собрания на 5-ю выставку картин, в 1 час. 10 м. д. вышли, пошли в свою квартиру и больше выхода не видели...»⁶¹

Из полицейских записей мы узнаем, что у Марии Ильиничны на квартире был «Ухват» — такую кличку дали жандармы Юрию Эдуардовичу Клиндзиню, которого они считают главным организатором кассы взаимопомощи ссыльных и распространителем литературы.

События в партии и в международном социал-демократическом движении нарастали. В России рабочий класс вновь перешел в наступление на царизм. Поднималось на борьбу крестьянство. Революционный подъем протекал в условиях быстрого развития капитализма, резкого размежевания классов, в условиях усиления рабочего движения в Европе и пробуждения Азии. Партия Ленина готовила новый съезд, готовился и конгресс II Интернационала. И съезд и конгресс намечалось провести летом 1914 года в Вене. Осенью 1913 года Ленин проводит в Поронине совещание большевиков, которое позднее по важности принятых на нем решений приравнивается к партийной конференции. По докладу ЦК, сделанному Владимиром Ильичем, совещание приняло ленинские резолюции: «О задачах агитации в настоящий момент», «По организационному вопросу и о партийном съезде». Партия разрабатывает новые положения по национальному вопросу. Ленин в извещении о совещании писал: «Путь намечен. Партия нашла основные формы работы в нынешнюю переходную эпоху. Верность старому революционному знамени испытана и доказана в новой обстановке и при новых условиях работы. Самое трудное время позади, товарищи. Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решат судьбу нашей родины.

За работу же!»⁶²

Этот оптимистический призыв дошел до самых отдаленных

партийных ячеек. Большевики пользовались колоссальным авторитетом у рабочих. Газету «Правда», которую большевики начали выпускать весной 1912 года, рабочие считали своей газетой.

ЦК большевиков поручает М.И.Ульяновой («Медведю») возглавить организационную комиссию Севера по подготовке к съезду РСДРП. Первоочередной задачей был сбор необходимых средств. Один из помощников Марии Ульяновой, тоже ссыльный большевик — И.Е.Любимов, рассказывал: «Вместе с Марией Ильиничной мы занялись рядом довольно успешных для партии финансовых предприятий... Нам удалось в течение длительного времени собирать каждый месяц от 100 до 200 рублей и посылать их в распоряжение Ильича. Эти средства получали мы путем устройства лекций наших марксистских лекторов...»

В конце 1913 — начале 1914 года в Вологде была создана сплоченная, сильная группа большевиков, руководителем которой фактически была Мария Ильинична Ульянова.

Начавшееся оживление революционного движения вызывает ответные действия царских властей. Полиция проводит в Петербурге, Москве и других крупных промышленных центрах повальные обыски и аресты. В Петербурге при участии провокатора был разгромлен склад газеты «Правда». Полиции удалось захватить список адресов, по которым рассылали газету. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге направил в Вологодскую охранку строго секретное предписание:

«Ввиду предстоящего партийного съезда большевиков Российской социал-демократической рабочей партии и международного социалистического конгресса, требующих предварительного подъема настроения на местах для избрания соответствующих делегатов, и считаясь вообще с недостатком на местах партийных работников для изустной пропаганды, вожаки указанной партии занялись усиленной рассылкой из С.-Петербурга в провинцию специальной литературы, в виде книг и брошюр, изданных явочным порядком в 1905 — 1907 г. преступного и тенденциозного содержания...» Далее в предписании предлагается: «4. Адрес. Вологда. Московская ул., д.Самарина. Ее превосходительству М.А.Ульяновой. Предписывается провести обыск... При производстве обысков надлежит иметь в виду, что рассылалось много литературы, хотя и не поименованной в каталогах, но преступного характера, поэтому в случае обнаружения изданий необходимо осматривать их по существу содержания, не ограничиваясь проверкой по каталогу запрещенных изданий...»⁶³

Когда пришло это предписание, Мария Ильинична с матерью, получив

соответствующее разрешение, жила на даче в деревне Раскопино. Вместе с ними жила Катюша Макарова — девушка-подросток, которую они вызволили из швейной мастерской, находившейся в подвале дома, где они снимали квартиру. Не было сил смотреть на тычки и зуботычины, которые сыпались на ясноглазую трудолюбивую девчушку. От плохого питания личико ее стало совсем прозрачным. Мария Александровна уговорила хозяйку отпустить с ними Катюшу в деревню. И она помогала по хозяйству, стараясь как-то отблагодарить Марию Ильиничну и ее старушку мать за заботу.

Жандармы, как всегда, нагрянули ночью, до смерти испугав Катю. Прижавшись к спокойно севшей у окна Марии Александровне, она с ужасом смотрела, как все в доме переворачивали вверх дном, и не понимала, почему молчат Мария Ильинична и ее мать. Постепенно расхрабрившись, она вдруг бросилась к жандарму: «Это зачем же вы чистое белье бросаете? Вам его, что ли, стирать!» Тот грубо замахнулся на нее: «Замолчи, малолетка, не лезь не в свое дело». — «Как это не в свое, самое это мое дело!» — «Тогда пойдем!» И ее повели вместе с понятыми на чердак. Простукивали стены, пол, смотрели за застрехами. Ничего. Но вот кто-то толкнул гору бочонков для огурцов и капусты, стоявших в углу. Кадушки рассыпались, из одной выпал сверток с газетами. Жандармы еще более рьяно принялись за дело. Найденные книги, газеты, журналы несли вниз, к ротмистру, носившему звучную фамилию Минин-Минарский, который внимательно просматривал каждую книгу. Так он страницу за страницей прочел сборник стихотворений «Наши песни» и в своем донесении не только отметил тенденциозность и яркую антиправительственную направленность большинства помещенных здесь произведений, но и особо остановился на стихотворении «К ушедшим», так излагая его содержание: «Товарищи-братья, насильно гонимые, не падайте духом: по вашим стопам несем мы заветы, народом хранимые, идем мы навстречу народным мечтам. К вам мы придем и отворим темницы.

Выведем вас мы из них навсегда.
Ждите: уж вспыхнули счастья зарницы.
Мощь наша — сталь, наша сила тверда.
Радостно встретят вас дети народа,
Меч подадут вам и знамя труда.
Равенство, братство, святая свобода
Нас не покинут уже никогда».

Если при обыске были отобраны стихи, если одно слово «свобода» относило книгу в разряд недозволенных (отобрали книги А.И.Одоевского, К.Ф.Рылеева, Джека Лондона), то, конечно, отобрали такие работы, как «Еще одно уничтожение социализма», «Исторический материализм», «Две правды», «Больничные кассы», «Капитал и труд», «Из истории культуры», «Бюрократия и абсолютизм», «Материализм и эмпириокритицизм», «Нищета философии» и т.д.

Обыск завершился к утру. Ясное небо, солнце, щебетанье птиц так не вязались с разгромом, царившим в доме, со злыми лицами жандармов, с бледностью, залившей лица матери и дочери. Ротмистр решил отвезти Марию Ильиничну в город, чтобы оформить протоколы обыска. Мария Александровна твердо заявила, что проводит дочь до станции. «Мама, ты не дойдешь, это трудно для тебя». — «Ничего, мы с Катей не спеша, прогуляемся». Туда добрались по утренней прохладе хорошо. Скоро подошел поезд. Марию Ильиничну увезли. Жандармы и теперь не увидели слез ни матери, ни дочери. Простились спокойно. «Не волнуйся за меня», — только и сказала Мария Александровна, обняв дочь. Та нежно поцеловала ее и вошла в вагон.

На другой день Мария Ильинична вернулась. И лишь через много лет узнала, как мать добиралась до дачи. Путь до деревни показался ей бесконечным. Позднее Екатерина Кузьминична вспоминала: «...обратно шли часа три-четыре, — Мария Александровна расстроилась, идти не может. На какой-нибудь пенек присядет отдохнуть, я ей цветов наберу...»⁶⁴

У Марии Ильиничны день тоже оказался тяжелым, ее увезли, чтобы сделать обыск на городской квартире. Все повторилось еще раз; разгром, бесконечные вопросы жандармов, стопки отобранной литературы. Уходя, ротмистр сказал: «Пока можете быть свободной. — И еще раз прибавил: — Пока...»

19 июля началась первая мировая война, в которую Россия вступила через три дня, еще через несколько дней в газетах появилось сообщение об аресте Ленина в Польше. Мария Ильинична и Анна Ильинична стараются не показывать матери газет и пытаются выяснить истинное положение вещей. Но война затруднила связи между странами, осложнила формы политической борьбы. Ленин 23 августа наконец прибыл в Швейцарию, освобожденный благодаря поддержке польских и австрийских социал-демократов. На другой день он прочел товарищам свои тезисы: «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне».

Только Ленин и большевики выдвинули лозунг — превратить империалистическую войну в гражданскую. Владимир Ильич клеймит измену вождей европейской социал-демократии, голосовавших за военные кредиты. Он выступает на собраниях, работает, а родные в России ничего не знают о его судьбе. Первое известие о нем дошло до Вологды лишь 18 сентября. К этому времени следствие по делу Марии Ильиничны, начатое Вологодским жандармским управлением, было закончено. Все материалы следствия: протоколы, конфискованная литература, характеристики и заключение офицера, ведущего следствие, — пошли по инстанциям, то есть были направлены жандармскому полковнику Иванову, который, старательно «вникнув в дело», написал обстоятельное заключение. В частности, он писал: «...дочь действительного Статского советника Мария Ильина Ульянова хранила у себя произведения печати, на кои наложен арест судебными установлениями, причем журнал «Работница» был в нескольких экземплярах, из коих один экземпляр был у нее на даче, что указывает на распространение Ульяновой запрещенной литературы... почему постановил: все производство по отношению означенной Ульяновой выделить и препроводить Вологодскому Губернатору с ходатайством о наложении на Ульянову взыскания в административном порядке...»⁶⁵

Собственно, никаких оснований для возбуждения дела нет, но ведь у жандармов уже давно сложилось мнение, что Мария Ульянова «...является в гор. Вологде центральным лицом среди политических ссыльных»⁶⁶. Вот почему губернатор приговорил Марию Ильиничну к тюремному заключению на оставшийся срок ссылки, то есть на месяц.

Предписание застало Марию Ильиничну на даче в Расконице. Хорошо, что в это время вместе с матерью и сестрой жила Анна Ильинична, приехавшая из Петербурга. Когда Марию Ильиничну увезли, мать, державшаяся, казалось, с большим самообладанием, неожиданно потеряла сознание. Доктор, приехавший из города, констатировал нервное переутомление. Пришлось срочно переезжать в город. Мария Александровна была слаба и волновалась — не прибавили бы дочери срока ссылки, которая заканчивалась 22 сентября. Она пишет ей ласковые, заботливые письма, подготавливает посылки и объясняет свою неявку на свидание легкой простудой. Сама она от волнения не находит себе места — война, нет вестей от Владимира, Дмитрий мобилизован в армию, Мария арестована. В городе распоясались черносотенцы, царят ура-патриотические настроения, мещанство озлобилось против политических

ссылных, выступавших за поражение России.

Мария Ильинична в своих воспоминаниях так описывает свое сидение в вологодской тюрьме. Ее посадили в участок, находившийся при пожарной части: «...отсидка была вольготная. Я могла часами гулять по пожарному дворику, ко мне ходили ссылные, жена брандмейстера приносила мне пирогов и яблок и приглашала к себе на квартиру, которая находилась тут же при участке...»⁶⁷

Городовой, смущенно переминаясь с ноги на ногу и кашляя в усы, попросил позаниматься с его девятилетней дочерью: «Вам все равно сидеть, а так и время пройдет быстрее, и я против ваших прогулок возражать не буду». Школьная премудрость давалась его дочери туго. Мария Ильинична занималась с ней по утрам, девочка привязалась к ней и рассказывала ей все городские новости, а новости были тревожные — аресты, погромы, демонстрации.

Разгул шовинизма приносил свои плоды. Обыватели видели во всем немецком и в каждом немце врага. «Раз поздно вечером, — пишет Мария Ильинична, — я собиралась уже укладываться спать на свои необъятные нары, как в соседней комнате раздался невероятный шум, брань и звуки побоев. Я бросилась к дверной форточке и увидела следующую картину: городской тащил за шиворот в «пьянку» немецкого матроса, ругая его на чем свет стоит и награждая обильными тумачами. Я подняла шум и стала требовать объяснений этим побоям...»⁶⁸ Городовой стал объяснять, что немец хотел зарезать двух русских детей и его мало посадить в кутузку, его, конечно, повесят, когда разберутся. Мария Ильинична решительно прервала брань городского и обратилась к матросу по-немецки: «Что случилось, друг?» Тот, обрадованный, что наконец может объясниться, рассказал — в городе пристало их торговое судно. Он шел по бульвару, а мальчишки что-то кричали ему вслед и бросали камнями и комьями грязи. «Я не обращал внимания, тогда они подошли ближе, камень попал мне в голову, я пригрозил, что поколочу их, а они позвали городского, он притащил меня сюда». Мария Ильинична перевела ему слова городского, что он якобы хотел зарезать мальчиков. Матрос как-то по-детски улыбнулся и стал выворачивать карманы. «Чем я мог их зарезать, у меня нет оружия». Городовой прервал их разговор и хотел посадить моряка в карцер, но Мария Ильинична решительно потребовала, чтобы вызвали пристава, сказав, что будет переводчиком. Пока посыльный бежал за приставом, они с моряком поговорили. Он оказался социалистом, парнем с рабочих окраин Ростока. Гневно осуждал он войну, говорил, что совсем не хочет воевать с

русскими рабочими. Явился пристав и, выслушав рассказ, был вынужден отпустить матроса. Тот долго, горячо благодарил Марию Ильиничну.

Последние дни сидения под арестом тянулись особенно томительно. 19 сентября на свидание пришла Анна Ильинична. Мария сразу заметила, что лицо сестры сияет, она едва сдерживает волнение. После первых приветствий сестры, не сговариваясь, перешли на немецкий язык. Городовой хотел сделать замечание, потом махнул рукой и ушел в другой конец тюремного двора. Обнимая сестру, Анна Ильинична тихо сообщила ей, что Марк прислал письмо, где говорит, что Владимир Ильич жив, вырвался из польской тюрьмы и уже в Швейцарии. Прислал свой новый адрес. Сестры ликовали. Тревога за жизнь любимого брата улеглась.

Вечером Анна Ильинична писала в Швейцарию: «Дорогой Володя. Наконец-то мы получили весть от тебя (через Марка) и узнали твой адрес; очень уж тревожно было до тех пор... У нас с начала августа тоже было неблагополучно: мама захворала на другой же день после переезда из деревни и пролежала три недели. Теперь хоть поправилась, но все еще слаба... Было у нее что-то нервное — от переутомления, объяснял доктор: головные боли и большая слабость.

Очень она беспокоилась о тебе. Мы, конечно, не сказали ей о случае в газетах, она считала, что ты в Стокгольме, но все же тревожилась отсутствием вестей. Не пиши уж лучше ей, если пришлось в большой переделке побывать в Австрии, — будет потом все представляться возможность повторения. Очень она стала нервной. А мне и Марку в Петербург напиши подробнее... У нас еще была неприятность: Маня была административно посажена под арест на месяц за хранение конфискованных изданий. Послезавтра это наконец кончается. Она здорова и вынесла заключение хорошо, кажется. Тяжелее было для мамы...»

На пути к социалистической революции

Пока Мария Ильинична сидела в тюрьме, Мария Александровна и Анна Ильинична готовились к отъезду. Вновь, в который уже раз, продается мебель, укладываются чемоданы, отправляются в багаж мешки с книгами. Ульяновы всегда оставались равнодушными к накоплению имущества, воспитали в себе отрицание того, что связывает, порабощает человека, — мещанского быта. Они тоже любили удобства и комфорт, но такие, какие обеспечивали возможность лучше и плодотворнее работать, — близость библиотеки, возможность выписать любой журнал или газету, комната, где никто не мешает сосредоточиться. И они без жалости расстаются с мебелью и различной утварью. Ведь нельзя же все возить с собой повсюду, куда только не закидывает их судьба профессиональных революционеров.

22 сентября 1914 года кончилась и месячная отсидка и срок ссылки Марии Ильиничны. Решено — мама поедет со старшей дочерью в Петроград, Мария Ильинична в Москву.

Последние дни в Вологде были заполнены встречами с товарищами, беседами, прощаньями. Здесь, в Вологде, Мария Ильинична узнала, что Станислава Кржижановского пока не мобилизовали в армию, ему дали некоторое время для того, чтобы повидать мать. Он уехал в Саратов, и Мария Ильинична с грустью думает о том, что они могут не увидеться еще долгие годы. Не все из тех, с кем Марии Ильиничне особенно хотелось проститься, не все могли прийти к Ульяновым на квартиру. Многие рабочие-железнодорожники, у которых Мария Ильинична вела кружки, были мобилизованы. Они отправились в армию не только чтобы воевать, а чтобы быть в солдатских окопах проводниками партийных идей.

Марию Ильиничну в Москве ждали товарищи по партии. Здесь в это время работали О.А.Варенцова, Р.С.Землячка, Г.М.Кржижановский, И.И.Скворцов-Степанов. С началом войны усилились массовые аресты. Московский комитет, по существу, отсутствовал до весны 1916 года, и его функции выполняли отдельные райкомы партии, партийные группы, комиссии по восстановлению Московского комитета. Трудно стало поддерживать связь с ЦК. В руках Марии Ильиничны находилась одна из важнейших линий связи с ЦК, с Лениным.

Она поселилась в Сыромятниках. Нашла урок французского языка.

Внешне жизнь входила в колею. Из вещей, которые Мария Ильинична решила приобрести в первую очередь, была пишущая машинка. Вернувшись вечером домой, она часто теперь печатает. На вопросы хозяйки, берет ли она работу по перепечатке, Мария Ильинична отвечала: «О нет, я перепечатаваю то, что мне нужно для перевода» — и показала один из опубликованных рассказов, переведенный ею с немецкого языка.

Одна из главных ее забот — организация явочных квартир, встреч прибывающих из разных городов товарищей с питерцами и москвичами. Она приехала в Москву в начале октября, а уже 27 октября полицейский агент, скрывавшийся под кличкой «Пелагея», доносил по начальству: «Недавно прибыла в Москву из Вологодской губернии, по отбытии административной ссылки, Мария Ильинична Ульянова — сестра известного «Ленина». При свидании с некоторыми из местных социал-демократов Ульянова знакомила их с последними тезисами «Ленина», выставленными им в связи с текущими событиями...»⁶⁹ Доносчик прилагает также и тезисы Владимира Ильича «О войне», которые перепечатывала и распространяла Мария Ильинична. Так вот для чего была нужна пишущая машинка! Вот над какими «переводами» трудится она по ночам! Сведения о распространении М.И.Ульяновой ленинских антивоенных тезисов поступают и от других агентов охраны.

В условиях военного времени действовать приходилось особенно осторожно. За «антиправительственные» выступления грозил военный суд. Депутаты Думы — большевики, арестованные царским правительством, были приговорены к вечной ссылке на поселение. Кадровые рабочие — опора партии — мобилизованы и отправлены на фронт. В ответ на забастовки предприниматели все шире объявляли локауты. Постоянные аресты мешали созданию Русского бюро ЦК, его удалось организовать лишь осенью 1915 года.

Мария Ильинична приехала в Москву в тяжелый момент безлюдья — комитет разгромлен, явки провалены. Ей удастся связаться с М.А.Савельевым, П.Г. и С.Н.Смидовичами, которые позднее войдут в Московское областное бюро ЦК РСДРП.

Анна Ильинична активно работает в Петербургском комитете. В период разгула шовинизма и ура-патриотизма только большевики, руководимые Лениным, сумели занять правильную, марксистскую позицию по отношению к империалистической войне. И царизм обрушил все силы именно на большевиков. Жандармы констатируют, что другие партии не пользуются у рабочих авторитетом.

В начале 1915 года Мария Ильинична решила поступить на курсы

медицинских сестер, чтобы вступить в продовольственно-медицинский отряд, которые тогда организовывались лучшими представителями русской интеллигенции. Для нее это была возможность помочь простым русским рабочим и крестьянам, терпевшим лишения и погибавшим на фронте за чуждые им интересы международных капиталистов. Вокруг только и говорили о недостатках снабжения армии, о нехватке медицинских работников. Кроме того, поездки на фронт давали широкий простор для распространения большевистской литературы в войсках, давали возможность вести агитацию за революционный выход из войны.

В конце 1914 года в Москву неожиданно приехал Станислав Станиславович. Его мобилизовали в армию, и формирование полка проходило в Москве. Он привез вести из Поволжья, рассказал о работе и о товарищах. Вместе пошли навестить заболевшую Зинаиду Павловну Кржижановскую. Сидели и вспоминали «битвы, где вместе рубились они».

Через Москву проезжали в разные города многие товарищи. Встречи с каждым — большая радость. Но как часто, вглядываясь в лица друзей, замечает Мария Ильинична следы болезней, тревог, возраста. Долгие годы дружили все Ульяновы с Лидией Михайловной Книпович — испытанным и закаленным партийцем. И вот сидит в комнате Марии Ильиничны совсем больной человек. Бледная, худая, все покашливает и кутается в пуховый платок. Едет в Крым, надеется там подлечиться, чтобы снова быть в строю. Они с Марией Ильиничной пьют чай, вспоминают прежние встречи и много говорят о Владимире Ильиче и Надежде Константиновне, об их мужестве, самоотверженности, твердой вере в победу. Как много им всем еще надо работать для этой победы.

Грустно расставаться. Мария Ильинична не любила прощаний, может быть, потому, что они так часты были в ее жизни. Вот и Станислав уезжает в действующую армию. Последние дни они позволили себе немного отдохнуть, походить по театрам. «Теперь я долго не увижу цивилизации, в окопах буду вспоминать Москву и вас, да наши походы», — говорил Кржижановский. «Вы уж берегите себя там, особенно под пули-то не лезьте, — отвечала Мария Ильинична. — А то привыкли с полицией сражаться и тут будете храбриться». — «Солдатам нужен пример, иначе подумают, что я из трусости против войны агитирую», — отвечал он полушутя-полусерьезно. Полк закончил формирование и был послан в Галицию, на Западный фронт, где шли жестокие бои.

С января 1915 года Мария Ильинична начинает занятия на курсах сестер милосердия. Она учится упорно и настойчиво. Как для многих, для нее самым трудным было посещение анатомического театра. Многие

курсистки падали в обморок, увидев трупы. В семье Ульяновых не падали в обморок ни при каких обстоятельствах. Лишь крепче сжимали зубы, брали себя в руки, стараясь не показать своей слабости окружающим. Прошла Мария Ильинична и через это испытание.

День Марии Ильиничны был заполнен до предела. Занятия на курсах, уроки французского языка для заработка и чтобы не забыть язык, встречи с товарищами, та невидная, но основная ее работа, которой она отдавала весь свой талант, силы, энергию. Полиция сбилась с ног, так как круг ее знакомых ширился с каждым днем, но проверять каждую курсистку, работодателей, тех, с кем она встречается в очередях за театральными билетами, нет возможности. Жандармы были бы рады арестовать и упрятать за решетку одного из беспокойнейших членов ульяновской семьи, да улики имелись пока слабые, хотя почти ежедневно поступали донесения филера.

Мария Ильинична, и всегда-то равнодушная к материальным благам, теперь, когда рядом нет ни старшей сестры, ни матери, живет по-студенчески. Обедает в столовых, дома лишь кипятит чай и делает бутерброды. Конечно, в письмах она сообщает, что ее быт вполне обеспечен и налажен. Да разве можно обмануть тех, кто тебя любит?! Анна Ильинична дотошно выпрашивает друзей, приехавших из Москвы, о жизни сестры, и письма ее проникнуты тревогой и заботой: «Дорогая Марусечка!

Спасибо за большое, милое письмо! Очень рада, что ты чувствуешь себя хорошо, но не живи все же чересчур по-пролетарски, чересчур в «святой обители»! Ты поразительно долго живешь на 50 р., а это не дело... Давай своей прислуге варить кашу, зажарить кусок мяса или телятины! Помни, что теперь силы у тебя уже не те, что раньше, и от пренебрежения питанием добра не выйдет. Так помни же, смотри!..

У нас, как ты и по газетам, верно, видишь, веселого мало. Это время болезней, я совсем никого не вижу. Заявлялся ко мне кое-кто, но интересного мало... О Пете, конечно, ничего не знаю. Да и как справиться о нем?..» Весьма осторожно сообщает Анна Ильинична об обстановке в Петербурге. «Болезни» — это аресты. Все связи затруднены, но им трудности не впервой. И регулярно идут письма из Швейцарии от Ленина и в Петербург и в Москву. Идут и шифрованные послания, подписанные коротеньким: «Катя», то есть директивные письма ЦК, написанные Крупской.

Мария Ильинична готовится к экзаменам на звание сестры милосердия. Она уже не раз дежурила в госпиталях, ухаживала за

ранеными, слушала их рассказы о боях, о полной неподготовленности к войне. То, что скупо мелькает на страницах газет, что надо выуживать из фронтовых сводок, теперь оживает в рассказах людей, вырвавшихся из кровавой бойни. Чувствуется, что армия бурлит, что она недовольна снабжением, командованием. Большевики-агитаторы разворачивают работу и встречают полное сочувствие.

Как всегда перед экзаменами, Мария Ильинична ужасно волнуется. Она до конца жизни не смогла избавиться от внутренней застенчивости, от преуменьшения своих сил, своих знаний. И поэтому она сидит над анатомическими атласами, фармацевтическими справочниками, вновь и вновь тренируется в перевязках. Наконец все позади. На руках у нее свидетельство, выданное Московским университетским институтом для лечения страдающих опухолями, при котором существовали курсы. В документе, заверенном всеми печатями и подписями профессоров, говорится: «Настоящее свидетельство выдано Ульяновой Марии Ильиничне в том, что Ульянова состояла слушательницей курсов для сестер милосердия с 1 февраля по 15 апреля текущего года, ...успешно выдержала теоретические испытания и исполнила все практические занятия по программе Красного Креста...»⁷⁰

Она просила, чтобы ее назначили в лечебно-питательный отряд, направлявшийся в Галицию, где в это время шли тяжелые, кровопролитные бои. С отрядом познакомилась лишь перед самым отъездом, он состоял всего из пяти человек — женщины-врача, она только что окончила университет, по происхождению польки, и поэтому-то ее и послали в Галицию; уполномоченным по организационным и финансовым вопросам был писатель Александр Серафимович Серафимович, попавший в отряд с большим трудом, — ему не доверяли, боялись его корреспонденций с места событий; за Александра Серафимовича заступился известный ученый — академик Богораз-Тан; «нижними чинами» в отряде были Мария Ильинична, молоденькая девушка-медичка Алина и «брат», кончивший курсы фельдшеров.

Отъезд был назначен на 13 апреля. Марию Ильиничну огорчила невозможность поехать проститься с матерью, ведь та стала совсем старенькой и все чаще прихварывает. Она не пыталась удержать дочь от опасной поездки, понимая, что здесь не только душевный порыв, а прежде всего партийное дело.

На вокзале царила обычная суматоха. Александр Серафимович помог женщинам устроиться в их купе.

Разместившись, они обменивались ничего не значащими фразами.

Последние минуты перед отправлением всегда самые томительные. Медленно поплыл мимо окоп Киевский вокзал.

В дверь купе постучали, и в ответ на разрешение войти появился Серафимович. «Что это вы тут приуныли? Впереди не менее двух суток отдыха. Готовьтесь, набирайтесь сил. Думаю, что обстановку мы застанем тяжелую».

Завязался разговор, и Мария Ильинична узнала, что Александр Серафимович хорошо знал ее старшего брата Александра, с которым одновременно учился в Петербургском университете. Мария Ильинична жадно слушала его рассказ о старшем брате, она его почти не помнила. Александр Серафимович с удовольствием вспоминал юность и тех, с кем начинал путь революционера. «...Казнь Александра Ильича для всех нас была большой трагедией. Мы любили его, он был талантлив, бесстрашен, чист...»

Утро застало их далеко от Москвы. Теперь им навстречу все чаще попадались такие же, как их, санитарные поезда, только они были заполнены ранеными. Число раненых намного превышало установленную норму. На одном из полустанков Марии Ильиничне удалось поговорить с сестрой милосердия встречного поезда. Они ехали как раз из Галиции. Молоденькая сестричка рассказывала, что на поле боя иногда даже не успевают как следует перевязать раны, самое главное — вынести раненых из-под огня. Врачи работают сутками, не хватает медикаментов. Особенно большой урон войскам наносит вражеская артиллерия.

Поезд двигался через Киев, здесь была кратковременная остановка, получали необходимые материалы, но Мария Ильинична сумела навестить кое-кого из старых знакомых, обменяться партийной информацией, передать ленинские антивоенные тезисы.

Командование Юго-Западного фронта располагалось во Львове. Здесь Мария Ильинична оформила все необходимые документы. В ответ на ее прошение зачислить ее сестрой милосердия на Юго-Западный фронт 28 апреля 1915 года ей было вручено следующее удостоверение: «Предъявительница сего Мария Ильинична Ульянова состоит членом Врачебно-Питательного отряда Общества русских врачей им. Н.И.Пирогова. А потому прошу надлежащие власти оказывать ей полное содействие в ее деятельности, а также в свободном проезде по железным дорогам и на лошадях»⁷¹.

Здесь, на фронте, Мария Ильинична встретила с Верой Михайловной Величкиной, женой Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, которую знала еще по Женеве. Они поговорили об общих знакомых, Вера

Михайловна дала ряд практических советов их врачу и всем членам отряда, весьма неопытным в организационных и практических делах. Условились держать связь; было очень приятно поговорить по душам с близким, все понимающим товарищем. Обменялись и новостями из-за границы. Встречи на фронте коротки. Когда Вера Михайловна уехала, Мария Ильинична долго думала о ней, женщине, видевшей свой долг в помощи страждущим.

За несколько месяцев, проведенных Марией Ильиничной в прифронтовой полосе, в полной мере проявился ее талант организатора. Города Львов, Станислав, Стрый, Коржев были забиты войсками и беженцами. Трудно было найти помещения для госпиталя, для развертывания походной кухни. Трудно выявить всех нуждающихся в крове, питании, одежде, в отправке в тыловые населенные пункты. Марию Ильиничну потрясли нищета, забитость, религиозность трудового люда.

Австрийцы изгнали из прифронтовой полосы все трудоспособное мужское население, остались старики, женщины, дети. Члены отряда составляют списки тех, кому необходимы паек, бесплатное питание. В полуразрушенных хатах, которые топились по-черному, их встречают глаза голодных детей и обезумевших от горя матерей. Крестьянки бросаются на колени, целуют руки, бессильно плачут. Над Галицией стоит общий вопль: «Хлеба!»

Опорным пунктом отряда становится небольшое карпатское село Тисменицы. А.С.Серафимович писал: «Тисменицы — типичное галицийское местечко: в центре густо, тесно и грязно стоят большие и малые каменные дома, униатская церковь, костел, синагога, школы; грязная базарная площадь, лавки и бесчисленное количество крохотных еврейских лавчонок, где обычно кипит своеобразная жизнь...

Наш отряд занимает большое станционное здание на самом краю местечка. Перед нами, налево — лесистые предгорья Карпат, прямо — зеленеющие поля, окопы да болотца, где, надсаживаясь, кричат лягушки, дергачи; а направо, как стрела, впивается в далекие синеющие перелески тонкая нить убегающего шоссе. По нем, курясь дымками, проносятся издали, как игрушечные, военные автомобили или тяжело и подолгу громяхают обозы, артиллерийские парки. Горизонт замыкается дымными очертаниями Карпат.

На станции — большие, звонкие, пустые комнаты, на стенах по черному полю надписи мелом на трех языках о прибытии и отходе изменивших расписание поездов — последние надписи торопливо ушедших бывших хозяев».

Членам отряда все нужно было организовать самим — доставать и

вкапывать огромные котлы, варить пищу и распределять ее, доставлять продукты и составлять списки наиболее нуждавшихся.

Как только в окрестностях распространился слух о том, что в Тисменицах кормят голодных, со всех сторон потянулись к станции люди, нет, тени людей — худые, в отрепьях, с лихорадочно горевшими глазами. В очередях возникали ссоры, драки. Кто-то имел корову и все-таки пришел на пункт, женщины выталкивают ту, кормить которую считают несправедливым. Стон стоит над станцией, несмолкаемый плач детей. Сколько людей умерло тут же, на станции, не успев получить свой паек. Ряды голодных смыкаются, на мертвых не обращают внимания.

Члены отряда постоянно выезжают к линии фронта со специальными вагонами. Как-то на одном из фронтовых участков встретили коллег — санитарный поезд, организованный великой княгиней (сестрой царя) Ксенией Александровной. Здесь было вдоволь сахара, муки и других продуктов, прекрасно оборудованные кухни, но персонал не очень затруднял себя работой. В 6 часов вечера пункт закрывался, и тут уж глотка воды нельзя было допроситься. Появление пироговцев (так называли членов общества врачей имени Пирогова) было встречено с ужасом. «Ради бога, уезжайте! — заламывая руки, взывала одна из распорядительниц. — Вы соберете здесь всю округу! Ведь всех все равно не накормишь и не обогреешь». Но члены отряда решили не отступать. Маленький полустанок наполнился ранеными и голодными, походная кухня дымила не переставая. Пришлось поработать и дамам-благотворительницам. Серафимович смеялся: «Ну, пока мы здесь, хоть ведомости у них будут не фальшивы!»

Письма Марии Ильиничны из Галиции очень кратки, их единственная цель — успокоить мать и старшую сестру. Так, в мае, в период активных военных действий, когда австро-германские войска перешли в наступление, стремясь окружить русские войска, находящиеся в Польше и Галиции, Мария Ильинична пишет из Тисмениц:

«Дорогая мамочка!

Пишу тебе из Тисменицы, куда приехали вчера. Надеюсь получить здесь ваши письма, но okazия их забыла, сказали только, что лежат во Львове два. На днях будет, вероятно, еще okazия, а не то сама съезжу во Львов за ними. Тогда напишу большое письмо, потому что не уверена, что это дойдет отсюда. Нового адреса не даю, потому что еще не знаю хорошенько, где обоснуюсь. Пишите пока на Львов. Я здорова. Публика у нас очень хорошая и заботливая. Живем дружно. Занимаем сейчас

большой станционный дом, оставленный австрийцами. Хотят здесь устроить амбулаторию и столовую. Ну, пока до свидания, дорогие, будьте здоровы. Целую крепко...»

Мать и сестра в далеком Петербурге стараются прочесть между строк что-либо о действительном положении вещей. С тревогой читают и перечитывают военные сводки. Идут тяжелые бои. Мать старается утешить себя тем, что Маняша хорошо справляется с обязанностями сестры милосердия и что ей по душе эта работа. А там, за тысячи километров от Петербурга, в маленький населенный пункт, едва видный на карте — Тисменицы, — хлынул поток раненых. Их было так много, что на передовой их не успевали перевязывать, часто санитарные фуры привозили раненых вперемежку с умершими, и покойников складывали вместе с живыми в барак.

Александр Серафимович так описывает те дни в корреспонденции, которую отказались напечатать: «...раненые лежали в огромном бараке на нарах и под нарами, заняв все проходы, весь пол. Валялось более трехсот раненых, из них многие были ранены тяжело, с вывалившимися кишками, с оторванными конечностями. По всему барaku неслись стоны, хрипы. И лежали раненые буквально без всякой помощи, некормленные, неперевязанные, даже соломы не подстилали на досках...

Наш отряд тогда буквально сбился с ног. Женщина-врач нашего отряда и Мария Ильинична Ульянова, а также и остальные работали без передышки, до того, что стали зеленые, — с раннего утра до глубокой ночи». Отдыхать не шли, а валились тут же, за стеной барака в палатке, и забывались на три-четыре часа тяжелым, полным кошмаров сном.

Для обслуживания раненых не хватало элементарного — бинтов, ваты, дезинфицирующих средств. Марии Ильиничне казалось, что она никогда не избавится от тошнотворного запаха крови и гноя, который пропитал все вокруг, вьелся не только в одежду, проник в поры ее кожи. Глядя, как самоотверженно работают товарищи, Мария Ильинична восхищалась их стойкостью, самоотверженностью и не замечала, что сама работает сверх всяких сил. Ее энергия неиссякаема, она все время оказывается именно там, где в тот или иной момент особенно нужна. Как и все товарищи, она не гнушается никакой работы. Здесь никто уже не различает функций — вместе принимают раненых, вместе обрабатывают и бинтуют раны, кормят солдат и варят пищу, стирают и скатывают бинты. Пройдут годы, но впечатления от тех страшных фронтовых дней долго будут тревожить Марию Ильиничну. Нет, нет да и всплывут вдруг в памяти лица простых

русских солдат, полные страдания и благодарности за помощь. Вот она пробирается по бараку, стараясь обойти лежащих, не потревожить их, и все лица поворачиваются в ее сторону. Кто просит: «Сестрица, пить!», «Сестрица, поправь повязку», кто-то мечется в бреду... И неотвязные, полные тоски и надежды взгляды. Нет времени перевести дух. Как живой челнок, она движется непрерывно из одного конца барака в другой — поит, кормит, перевязывает, просто шепчет ласковые, утешительные слова, кладет маленькую прохладную ладонь на чей-то пылающий лоб. И старается скрыть разрывающее грудь отчаяние: ведь их помощь — капля в море, и как часто оказывается она опоздавшей.

Марию Ильиничну гложет неотвязная тревога за Станислава. Они неожиданно встретились во Львове. Кржижановский служит в 8-й армии, армия введена в бои. Их свидание было коротким, адреса, которыми они обменялись, условными — все менялось мгновенно. В каждом новом раненом Мария Ильинична боится увидеть дорогого ей человека. Страшится заглядывать в сводки с именами погибших. Верит и не верит этим сводкам — она видит, какая вокруг царит сумятица.

Война во всем ее объеме проходит перед глазами. Мария Ильинична наблюдает, как растет среди солдат ненависть к войне и к тем, кто устилает трупами русских солдат поля Польши, Румынии, Австрии. Здесь, в окопах, революционизация масс идет невиданными темпами. Положение тяжелое, и все-таки в окопы проникают прокламации и листовки, действуют большевистские ячейки. К большевистским агитаторам прислушиваются все большие слои солдат. Мария Ильинична часто беседует с Александром Серафимовичем, совмещающим обязанности в отряде с обязанностями корреспондента московских газет. Пишет он урывками, пишет ярко, с болью, с осуждением империалистической бойни, и, конечно, многие его корреспонденции были уничтожены и в печать не попали.

Писатель бывает во Львове и отвозит туда письма Марии Ильиничны, привозит ей корреспонденцию. Она теперь часто выезжает на различные участки боевых действий, сопровождает обозы с ранеными и не имеет ни минуты, чтобы написать открытку в Питер. Но если ей это удастся, то открытки полны успокоительных заверений: «Еду сейчас в Тисменицы... Там полное спокойствие и тишина, но писать оттуда трудно, так и знайте, если не будет писем от меня...» Это не случайные опасения — начинаются страшные дни сражения под Коршевом. Теперь санитарный отряд вплотную придвинулся к району боевых действий. Гул снарядов не утихает ни на минуту. У Марии Ильиничны выработалась привычка при перевязке низко наклоняться над раненым, закрывая его собой.

Отряд отступает вместе с армией. Дороги забиты беженцами, ранеными, отступающими. В воздухе непрекращающийся гул артиллерийской канонады, запах гари плывет над колоннами. Их подвода (в отряде всего пять человек) как бы влилась в общее течение. Лошаденки тянут из последних сил. Вот и Львов. Город обезлюдел, магазины закрыты, висят объявления генерал-губернатора, где предлагается всем мужчинам в возрасте 18 — 50 лет добровольно выехать в Волынскую губернию, чтобы избежать австрийской мобилизации. Ходят слухи, что перед сдачей город на три дня отдадут казакам на разграбление. О членах отряда забыли, они сами должны решать, когда покинуть Львов. 5 июня грохот орудий стал нестерпимо близким. Все колеблется: уезжать или до конца досмотреть трагедию отступления. Была опасность, что уже ночью немцы войдут в город. Решили — ехать. 8 июня добрались до Сокаля, который чудом остался цел, без пожаров. Достать квартиру невозможно — в маленьком местечке сгрудилось 50 тысяч человек. Двигались вместе с отступающими, стараясь выполнить свою миссию, — подбирали раненых, кормили голодных.

В эти дни Мария Ильинична отправила домой следующую открытку:

«Дорогая мамочка!

Сегодня уезжаем на лошадях в Сокаль. Пока не даю адреса, потому что не знаю, где мы обоснуемся, но на Львов больше не пиши. Вероятно, дам телеграмму об адресе. Наш отряд растерялся с переездами, и теперь нас только трое, но наш уполномоченный — писатель Серафимович — с нами. Может быть, отыщем и остальных...»

Эти месяцы полны трудностей, лишений, страданий. Но ни в одном письме мы не найдем ни слова жалобы, сожаления о взятых на себя обязанностях. Напротив, как всегда в трудные минуты, Мария Ильинична словно обретала новые силы и умела поддержать и ободрить окружающих. Через год, уже в Москве, Мария Ильинична получит от Александра Серафимовича в подарок книгу его рассказов с такой дарственной надписью: «Марии Ильиничне Ульяновой на память о прошлолетнем нашем странствовании по пустыне галицийской. А.Серафимович». Эту книгу она бережно хранила, и сейчас ее можно видеть в мемориальном музее В.И.Ленина в Кремле.

Пустыня галицийская... Тогда она была забита войсками, обозами, толпами людей, снявшихся с насиженных мест. Орудийные залпы

сливались в грозный гул, над долинами стояли облака пыли. Зной усугублял страдания раненых, умирающих.

Это время Мария Ильинична впоследствии назовет «страшными днями ее фронтовой жизни». Наконец русские войска перешли в наступление. Но увидеть этого наступления Марии Ильиничне не удалось. Ее пребывание на фронте было прервано болезнью матери. Не зная точного адреса дочери, Мария Александровна послала письмо во Львов Вере Михайловне Бонч-Бруевич, которая тоже находилась на Юго-Западном фронте. Она просила Веру Михайловну убедить Марию Ильиничну вернуться, так как тяжело заболела и хотела бы ее повидать. Вере Михайловне пришлось долго говорить с Марией Ильиничной. Той не хотелось оставлять отряд, тем более что он и так сократился. Не хотелось покидать друзей в трудных условиях. Да ведь мать так стара, все может случиться...

Опять санитарный поезд, он полон раненых и движется дальше и дальше на восток, увозя их от фронта, от ужасов войны. На сердце беспокойно — там остались товарищи, там продолжают гибнуть люди.

Мария Ильинична лишь на короткий срок съездила к матери и сестре в Петроград. Приезд младшей дочери, похудевшей, но живой и невредимой, как бы влил новые силы в Марию Александровну. Она без устали слушает рассказы дочери, в которых все выглядит обыденно и спокойно. Мать понимает все и не пытается уточнять и расспрашивать о подробностях. Она лишь старается положить лишний кусок на тарелку дочери и, обычно такая сдержанная в проявлении своих чувств, все гладит ее по руке и не спускает глаз с ее лица.

Убедившись, что матери стало лучше, Мария Ильинична вернулась в Москву. Этого требовали интересы партийной работы. Вновь, в который уже раз, Мария Ильинична устраивается на квартире. Малая Грузинская улица тиха и малолюдна. Здесь легко заметить слежку, но в домах много проходных дворов, россыпь небольших домишек помогает конспираторам. Хозяйка квартиры стара и нелюбопытна, к своей постоялице она относится заботливо, по-домашнему. Вернувшись домой со службы — Мария Ильинична, как и до отъезда на фронт, устроилась делопроизводителем в бюро по розыску грузов беженцев, — она всегда застает кипящий самовар, кухарка за небольшую плату помогает готовить нехитрую еду военного времени. Работа, как и прежде, служит прекрасным местом нелегальных встреч, вместе с Марией Ильиничной в Земско-городском союзе работают многие члены ленинской партии.

Возвращение Ульяновой в Москву совпало с очень тяжелым

положением, которое переживала Московская организация большевиков. Летом 1915 года полиция устроила повальные аресты, хватали всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение, и в эту густую сеть попали очень многие борцы ленинской партии, в том числе и члены Московского комитета. Основной задачей было восстановление МК. Главная трудность состояла в том, что оставшиеся на свободе товарищи тоже находились под неусыпным полицейским наблюдением. Возвращение в Москву Марии Ильиничны не прошло незамеченным. В ее полицейском досье сразу появляется соответствующая отметка.

В период летних арестов жандармам удалось разгромить нелегальную большевистскую типографию, что поставило организацию в еще более тяжелое положение. Пришлось вернуться к старому, «дедовскому» способу печатания необходимой литературы — гектографу и пишущим машинкам. Теперь во многих квартирах по ночам стучат машинки. Один из членов группы, которой руководила Мария Ильинична, В.Елагин, за одну ночь сумел отпечатать 100 экземпляров знаменитых тезисов Ленина о войне, и наутро они разлетелись по всему городу. Их читали, передавали из рук в руки, обсуждали, размножали уже средствами самих маленьких подгруппок.

Неожиданно через кольцо фронтов оказией была передана Марии Ильиничне брошюра Владимира Ильича «Социализм и война». Она читала и перечитывала пламенные, гневные строки и как бы слышала голос старшего брата. Она понимала, что до широчайших масс должно как можно скорее дойти его слово: «Война, несомненно, породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии всех стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, и всякая последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому»⁷².

Мария Ильинична не спала несколько ночей, она перепечатывала книгу Владимира Ильича. Стопка готовых листовок все росла. Книгу Ленина ждуют.

Маленькая, скромно изданная брошюрка, но каждая ее строка — нужнейшее оружие в борьбе с самодержавием.

Опять застучали клавиши пишущей машинки. Наконец поставлена

последняя точка. Взглянув на часы, Мария Ильинична заторопилась — для отдыха времени уже не оставалось. Она быстрыми и точными движениями стала раскладывать листки, подбирая их по экземплярам. За 6 ночей ей удалось напечатать 25 экземпляров. Немного, конечно, но товарищи быстро увеличат это количество. Гимнастика, привычное обтирание холодной водой, и только для завтрака времени не хватило. Прикинув, как лучше спрятать готовый материал, решила рискнуть — взять саквояж, который, конечно, заметят шпики. Придется вечером заехать к портнихе, пусть думают, что в саквояже материал. Увезти сразу все 25 экземпляров не удалось. Остальные она перевезла постепенно, пряча под теплой жакеткой. Товарищи по очереди заходили к ней на службу, и каждый незаметно получал «подарок». «Прочтите, расскажите самым надежным товарищам, если можно, размножьте», — напутствовала Ульянова друзей.

Мария Ильинична имела многосторонние связи с рабочими группами и кружками интеллигентов. Она их объединяла, помогала вырабатывать общую платформу и способы борьбы.

Академик К.В.Островитянов, тогда еще студент, был одним из тех, кто работал под руководством Марии Ильиничны в предреволюционные годы. Он был связан с ней через Земский союз, по ее заданию вел работу среди студентов Коммерческого института. Его деятельность также нашла отражение в донесении полиции: «В Сокольническом районе... ведет работу какой-то студент Московского императорского университета «Константин», связанный с сестрой Ленина». Именно эта связь с Марией Ильиничной и кажется жандармам особенно опасной, так как от нее тянется прямая дорога туда, за границу, к Ульянову-Ленину, чьи идеи так властно овладевают массами сейчас, когда все больше растет недовольство империалистической войной, в которой Россия терпит поражение.

Ширится волна стачек и забастовок. Правительство лавирует. Создаются военно-промышленные комитеты. По замыслу их организаторов комитеты должны прививать рабочим оборонческие настроения. По призыву большевиков на заводах и фабриках большинства крупных городов проводится бойкот выборов в эти комитеты. На каждой фабрике, на каждом заводе разворачиваются ожесточенные баталии между большевиками и оборонцами всех мастей. Агитация идет и массовая и индивидуальная. Дорог каждый голос, он может оказаться решающим. В одном из писем брату Анна Ильинична сообщает из Петрограда: «Дорогой друг! Спешу поделиться с Вами известием о большой и прекрасной победе, одержанной нами на выборах в военно-промышленный комитет. Выбрано выборщиков было много меньшевиков и народников: наши потерпели

фиаско на многих заводах. Меньшевики, среди которых больше людей тертых, красноречивых, праздновали уже победу. Их был председатель на собрании выборщиков 27-го числа, был принят их порядок дня... Они уже потирали руки. И вдруг большинством всего голосов в 10... проходит большевистское решение не участвовать в военно-промышленном комитете и уполномоченных туда не посылать... При выборе выборщиков происходили курьезные выборные явления. На некоторых заводах выбирают меньшевика, а наказ дают ему большевистский...»

В Москве из-за отсутствия постоянного большевистского комитета положение сложилось напряженное. Членов МК периодически арестовывают. Но работа не останавливается. Несмотря на репрессии, в разных концах города проходят собрания и сходки. Они вырабатывают единую большевистскую платформу по вопросу об отношении к войне. Затем Московский комитет печатает специальную «Прокламацию Московской организации РСДРП (б) против войны», в выработке и выпуске которой Мария Ильинична принимала самое активное участие. Она спешит переслать этот документ, имеющий важнейшее историческое значение, брату в Швейцарию. В своем письме она сообщает: «Прилагаемая платформа отражает умонастроение передовых слоев московского пролетариата. Она была проведена через районные собрания Московской организации.

Корней у этой организации мало, и они не глубоки. О настроении широких масс ничего определенного сказать не могу. Оно выражается в целом ряде забастовок. Но забастовки эти ни в Москве, ни в губернии не выдвигают политических лозунгов, хотя и отличаются единодушием. Часто затягиваются. Получаемые уступки (повышение заработной платы) отстают от обостряющейся дороговизны.

Забастовка на зав. Динамо (Симонова слобода) привела к закрытию завода. Военнообязанных (250 чел.) отправили к воинскому начальнику. Требовали освобождения арестованных членов правления больничной кассы и секретаря. На этом заводе успешно и в большом количестве вырабатывались шрапнельные снаряды. Завод стоит уже недели две. Охранка работает как никогда. В одиночках сидят по двое. Обысков почти не делают. Хватают на улицах, чистят Москву.

Потребность получить политически руководящий центр мучает сознательных. Целый ряд попыток созвать межрайонное собрание для выбора Московского комитета и для выработки платформы не удался. Решено создать временно Московский комитет из выбранных по районам. Пять районов выбрали. Было первое чисто организационное собрание.

Следующее должно было рассмотреть и поставить штамп временного МК под прилагаемыми документами. Новые аресты в связи с текущими забастовками не дали пока возможности вторично собраться. При таких выборах состав получается для политического руководства малоспособный, но все же единомыслящий.

Нужен опытный техник для постановки регулярного выпуска листов. Нужное для этой постановки имеется. Нужен опытный секретарь для МК...»

Письмо не только характеризует обстановку в Москве в 1915 году, оно показывает глубокое знание Марией Ильиничной этой обстановки и понимание задач, стоящих перед большевиками города. Ни повальные аресты, ни провокаторы не могут задержать нарастания революционного подъема. На место выбывших бойцов немедленно встают новые, но они нуждаются в опытном и самоотверженном руководителе. Для многих партийцев тех лет таким руководителем и идейным наставником была младшая сестра Ленина.

Среди этих трудных, полных напряженной работы дней большую радость приносит встреча с родными и близкими людьми. По дороге из командировки заехал в Москву Марк Тимофеевич. Комната кажется теплее и уютнее, когда в ней звучит глубокий бас Марка. Он рассказывает о своих поездках по стране, о встречах с людьми, о положении в отдаленных губерниях. В его присутствии даже старенький хозяйский самовар по-особому ласково поет свою песню. Мария Ильинична радуется приезду друга, жаль отпускать его из Москвы. Решили отпраздновать встречу, сходили в театр. Даже в те трудные военные годы попасть в Московский Художественный нелегко. Ночь стояли в очереди, чтобы достать входные билеты, получили колоссальное удовольствие от спектакля.

Уехал Марк Тимофеевич, но зато совершенно неожиданно появился в Москве Stanisław Stanisławowicz, полк которого проходил в Курске переформирование. Несколько дней, заполненных встречами, воспоминаниями, прогнозами на будущее, пролетели незаметно. И опять наступила пора тревожного ожидания писем с фронта. Они очень редки, эти письма. Очень дружественны, теплы, полны рассказов о происходящем, но Мария Ильинична ясно понимает, что нет в них того чувства, которое владеет ею самой. И все-таки какое счастье получать их!

Почти вся переписка ее с Кржижановским исчезла. Сохранилось письмо с поздравлением к новому, 1916 году. Оно написано на маленьких листках, как тогда говорилось, «дамской» бумаги с золотым обрезом и вытисненными по углам цветами. Stanisław Stanisławowicz прекрасно

знал, как ненавидела Мария Ильинична сентиментальщину и мещанство, и начинает письмо с извинения: «Дорогая М.И.! Очень извиняюсь за необыкновенную внешность моего письма, но пишу Вам из такой трущобы, что совсем было отчаялся найти здесь бумагу для письма...» Он пишет, что его отправили на производство дознания, что дело такое ответственное и интересное, что он не ест и не спит вторые сутки. Очевидно, Мария Ильинична собралась приехать навестить его, потому что дальше в письме следует: «...найти меня здесь не легче, чем на позициях, и это настолько неудобно, что ехать, мне кажется, Вам не следует. Очень страшно...» Далее Станислав Станиславович благодарит за присланные ею романы на французском языке, пишет, что у помещика, где он квартирует, большая библиотека на шести языках и нет недостатка в литературе. Письмо заканчивается словами: «Желаю Вам быть в новом году счастливее даже, чем Вам бы хотелось...»⁷³

Последний раз они виделись в конце 1916 года. После переформирования полка в Курске его перебросили на юг. Анна Ильинична, узнав об этом, пишет сестре: «Что это Ст. на Кавказский фронт хочет? Опять бы там в пекло не попал!.. Передай ему мой привет и удивление, что он такой вояка: как из Вологды летел на войну, так и теперь в самый жар... Передай ему от меня, что я не понимаю: такое интересное время теперь наступает, такие широкие перспективы открываются, — люди с известными качествами больше, чем ценны, и их мало теперь, как никогда...»

Анна Ильинична в тот период прилагала все усилия к восстановлению Петербургского комитета партии и хотела, чтобы Кржижановский перебрался в Питер. Но Станислав Станиславович не мог освободиться от военной службы ценой личных хлопот. Уехал на фронт, где его застал Октябрь. Вскоре Мария Ильинична узнала, что, вернувшись с фронта тяжело больным, Станислав Станиславович умер. Она навсегда осталась верна своему большому и светлому чувству.

Живя в Москве, Мария Ильинична по-прежнему выполняет многочисленные поручения Владимира Ильича, и партийные и личного характера. Прежде всего она ищет издателей для книг и статей Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Ходит в редакции журналов и газет, ведет переговоры, старается добыть денег, чтобы послать их в Швейцарию. Последние годы эмиграции Ленин и Крупская очень нуждались: литературный заработок почти иссяк, а других средств к существованию не было. Марию Александровну и ее дочерей очень волновало это обстоятельство. В условиях войны даже посылок нельзя было отправлять,

не было никаких гарантий, что они дойдут. Письма и те приходили с огромным опозданием.

Летом 1916 года семью Ульяновых постигло горе — тихо угасла Мария Александровна. Все понимали, что мать уже стара, что силы ее на исходе, и все-таки гнали от себя мысль о неизбежном конце. В середине июня Мария Ильинична получила тревожную телеграмму о болезни матери. Оставив квартиру за собой, передав товарищам партийные дела, она поспешила в деревню Южки под Петроградом, где в то время жили Елизаровы. Она застала мать сильно ослабевшей. Мария Александровна не ходила, дыхание было затруднено, она плохо спала ночью, а днем часто впадала в тревожное забытие. Но она узнала младшую дочь и, как всегда, обрадовалась ее приезду. Потянулись дни борьбы за жизнь. Мария Ильинична и старшая сестра ни на минуту не оставляли мать одну.

Ночью, сидя в кресле у постели больной, Мария Ильинична вспоминала прошлое. В жизни всех братьев и сестер Ульяновых мать занимала особое место. Она была для них дорогим, близким человеком, другом, помощником, опорой в трудные минуты. Одного ее присутствия было достаточно, чтобы ощутить покой, молчаливую поддержку. Все они старались заслужить ее одобрение. Но судьба профессиональных революционеров делала жизнь их матери тревожной и трудной.

В один из последних дней Мария и Анна в ясную погоду вынесли Марию Александровну в сад. Шелестели листья, щебет птиц доносился отовсюду. На соседнем участке слышался смех детей. Мария Александровна, полулежа в кресле, прислушивалась ко всем этим звукам. Мария и Анна присели рядом на маленькие скамеечки. «А Володе и Мите написали?» — вдруг спросила мать. Обе сестры стали ей пересказывать содержание последних писем, полученных от братьев. «Да, да... — кивнула мать, — я помню...» Они знали, что где-то в глубине души мать еще надеется увидеть сыновей.

Анна Ильинична так описывала Дмитрию Ильичу последние дни матери: «Она была все время очень кротка и благодарила за всякую мелочь. В начале болезни она сказала: «Дай мне что-нибудь, ну, облатку, — ты знаешь что, — я хочу пожить еще с вами». А потом повторяла несколько раз, «что уж бог даст»! Дня за два до смерти она сказала: «Куда же папа наш ушел?!» А в день смерти: «Где же наш Митек?» В день смерти я принесла ей цветок из сада, и она улыбнулась так оживленно, сказала по-французски: «Как это красиво! Какой хорошенький цветок!» — И глаза ее заблестели. Она говорила ласково со мной и Маней».

Мария Александровна умерла 12 июля 1916 года. Похоронили мать на

Волковом кладбище, рядом с могилой Ольги. Проститься с покойной пришли друзья, и каждый говорил о том, что Мария Александровна олицетворяла для них любящую, преданную мать, сильную духом, мужественную прекрасную женщину. Посторонние разошлись, а Мария и Анна с Марком Тимофеевичем долго стояли у свежего могильного холма, покрытого цветами. Сестры уже не плакали. Говорили не только о матери, но и об отсутствующих братьях, которым пережить ее смерть будет еще тяжелее, — они не могли проводить ее в последний путь. Печальные телеграммы и письма пошли и в Швейцарию к Владимиру Ильичу, и в Севастополь, где военным врачом служил Дмитрий Ильич.

Сестры уже не вернулись на дачу в Южки, а обосновались в квартире Елизаровых на Широкой улице. Они еще активнее включились в партийную работу — Мария Ильинична осталась в Петрограде, ведь он оставался центром борьбы — приближалась революция. О ней писал, к ней готовил партию Ленин. Все члены организации чувствовали, что царизм накануне гибели. Это понимали и другие политические партии, все группы и группировки. Готовилось к последнему решающему бою и самодержавие. Своего главного политического противника оно видело в большевизме, идеи которого все шире проникали в массы. В конце июля по Петрограду прокатилась новая волна широчайших арестов. Оказалась за решеткой и Анна Ильинична. Мария избежала ареста случайно, она недавно включилась в работу петербургской организации и еще не попала в поле зрения провокаторов. Анну Ильиничну арестовали 21 июля. В квартире на Широкой опять полный разгром. Мария Ильинична взяла на себя партийные обязанности сестры и все заботы о Марке Тимофеевиче и Горе Лозгачеве.

Каждый день Мария Ильинична сидит над письмами. Шифровки отнимали много сил. Как правило, писем в нашем понимании для подпольщиков не существовало. Это были книги, на страницы которых наносился химический текст. Все Ульяновы наловчились даже «на вес» выбирать нужную книгу — бумага должна быть толстой и глянцевиной, чтобы химикалии не были заметны. Мария Ильинична покупала книги «солидные» — экономические трактаты, научные работы.

Петербургский комитет лихорадило, за 1915 — 1916 годы прошло 30 разгромов комитета. Одного из сотрудников «Правды», Черномазова, подозревали в провокаторстве. Его отстранили от работы, но кто мог поручиться за безопасность людей, имевших с ним непосредственную связь?

В квартиру на Широкой вечерами приходят товарищи, все говорят об

одном — приближается революция. «Организация, организация, организация» — таков лозунг момента.

К осени 1916 года в работе Петербургского комитета и воссозданного Бюро ЦК активно принимают участие Е.Д.Стасова, приехавшая из ссылки, а также старые испытанные партийцы В.А.Тихомиров, Д.А. и М.Г.Павловы. Руководящая тройка Бюро — В.М.Молотов, П.А.Залуцкий, А.Г.Шляпников.

Анну Ильиничну в октябре выпустили из тюрьмы за недоказанностью обвинения. За неделю до начала Февральской революции ее снова арестовали.

Недовольство масс войной и разрухой растет. В 1916 году размах стачечной борьбы достиг небывалой силы — полторы тысячи стачек, в них приняли участие более миллиона рабочих, то есть в два раза больше, чем в 1915 году. Выступления рабочих привели в движение солдатскую массу. Теперь целые полки нередко отказывались выполнять приказы начальства. Усилилось братание на фронте. Разгоралось антипомещичье движение в деревне.

Царское правительство, напуганное всеобщими выступлениями, готовилось к передаче власти военному диктатору и начало переговоры о сепаратном мире с Германией. Но уже никакие меры не могли задержать революции. 17 февраля на Путиловском заводе забастовала одна мастерская, в ответ администрация объявила о закрытии завода с 22 февраля. 25 февраля праздновался Международный день работницы, и Петербургский комитет большевиков призвал к проведению политической стачки. К демонстрации путиловцев примкнули рабочие еще 50 предприятий, бастовало 90 тысяч человек.

25 февраля началась всеобщая стачка. Большевики призвали рабочих к восстанию, которое началось 26 февраля, а 27-го охватило весь Петроград. К рабочим присоединились солдаты. Вернулась из тюрьмы Анна Ильинична — всех политических освободил восставший народ.

Монархия рухнула. Петроградский комитет большевиков обратился к восставшим с призывом создавать Советы рабочих депутатов. Перед партией встала грандиозная задача — революцию буржуазную превратить в революцию социалистическую.

Февраль 1917 года застал Владимира Ильича в эмиграции. И как только в Швейцарии получили известие о революции в России, Ленин немедленно поставил перед Бюро ЦК партии вопрос о восстановлении большевистского боевого печатного органа на родине.

«Правда» возродилась в февральские дни 1917 года, — писала Мария

Ильинична в своих воспоминаниях, — после первых серьезных побед восставшего народа. Еще потрескивали пулеметы, еще пылали на улицах против участков и охранного отделения костры, куда при содействии переодетых шпигов и полицейских, стремившихся «схоронить следы», сносились более горячими головами различные полицейские документы и сжигались при криках «ура!» и общем ликовании. По улицам сновали еще вооруженные отряды рабочих и матросов. Она возродилась 5 марта 1917 года».

Небольшая группа работников — среди них Константин Степанович Еремеев, который был тогда ответственным редактором «Правды», Мария и Анна Ульяновы — составляла этот первый послереволюционный номер. Его готовили спешно, материал еще не успели собрать, не успели наладить и связи с фабриками, заводами, полками. Пришлось взять материал, уже подготовленный для другого нелегального издания. Мария Ильинична и Анна Ильинична написали свои впечатления о первых днях революции...

Константин Степанович писал передовицу...

8 марта Бюро ЦК РСДРП кооптировало новых членов — М.С.Ольминского, М.И.Ульянову и А.И.Елизарову, а 13 марта Бюро ЦК утвердило Марию Ильиничну членом редакции «Правды».

Редакция разместилась пока в двух небольших и неудобных комнатах в старом доме, зато в самом центре столицы, на Мойке.

Утром на перекрестках центральных улиц, на рабочих окраинах, у заводских корпусов мальчишки раздавали прохожим новую рабочую газету «Правду». Первый номер газеты вышел бесплатно.

На следующий день взору Марии Ильиничны предстала необычная картина: огромная очередь теснила прохожих на тротуаре — пришли рабочие, это были первые подписчики «Правды». Уже 13 марта Бюро ЦК РСДРП (б) приняло решение о расширении состава редакции газеты, в нее теперь вошли: М.С.Ольминский, И.В.Сталин, Иванов (М.И.Калинин), К.С.Еремеев, М.И.Ульянова, Егор Пылаев (т.Андрей), Бреслав (тов. Захар).

Сообщая о начале подписки на газету, редакция извещала, что ее постоянными сотрудниками, кроме членов редакции, являются также Н.Ленин, Н.Подвойский, А.Коллонтай, А.Бадаев, В.Бонч-Бруевич, П.Куделли, Демьян Бедный и многие другие.

Создается крепкий большевистский актив и в самой редакции и вокруг нее. Это было необычайно важно в период острейшей борьбы с меньшевиками, имевшими большинство в Совете.

Владимир Ильич, находясь в Швейцарии, пристально следил за первыми шагами газеты. Он требовал, чтобы партийный орган проводил

правильную тактическую линию, разъяснял широким массам классовую природу Временного правительства и разоблачал антинародную сущность лозунга «Война до победного конца».

Мария Ильинична не только собирает, организует, редактирует материал, уже с первых номеров газеты регулярно публикуются ее собственные статьи. Так, 25 марта в 17-м номере «Правды» за подписью М.И. напечатана статья «Российская революция и война». Это своеобразная рецензия на брошюру Борисова и Козловского под тем же названием. Следуя прямому указанию Ленина, Мария Ильинична разоблачает грабительский, антинародный смысл мировой войны, вскрывает ее причины, показывает, кому она выгодна, дает марксистский анализ империалистической войны, показывает отношение к ней русского и мирового пролетариата. Требование справедливого мира, без аннексий и контрибуций — такова воля пролетариата всех стран.

«Пусть буржуазия клеймит нас изменниками и предателями, — пишет Мария Ильинична, — она не может не видеть врага в международном объединенном пролетариате. Она лжет, если объясняет нам призыв к заключению мира призывом солдат бросить оружие и сдаться в плен». Далее она приводит слова авторов брошюры: «Армия, преобразованная на демократических началах, сохраняется в полной боевой готовности для защиты дела свободы от всяких реакционных сил как изнутри, так и извне...» Ульянова заканчивает свою статью словами: «Таково краткое содержание указанной брошюры. Горячо приветствуем ее и желаем ей самого широкого распространения».

30 марта в «Правде» помещена статья М.И. — ной «Труд и борьба», посвященная работе Крестьянского съезда, проходившего в Ярославле с 19 по 21 марта, на котором присутствовало полторы тысячи делегатов. Рассказывая о вопросах, обсуждавшихся на съезде, Мария Ильинична особо подчеркивает возросшую активность и политическую сознательность крестьян, не позволяющих Временному правительству забыть данные им обещания по крестьянскому вопросу.

Очень интересен и важен обзор «Провинциальная рабочая печать о войне», сделанный Марией Ильиничной и помещенный в 22-м номере «Правды» от 31 марта. «Российская революция дала рабочему классу в числе прочих свобод и свободу печати, — начинает свой обзор Мария Ильинична. — И как грибы после теплого летнего дождя стали появляться один за другим в различных городах и городишках необъятной России рабочие органы, громко зазвучал пролетарский голос, придушенный вековым деспотизмом».

Уже перечень изданий, из которых Мария Ильинична берет материал, говорит о связях «Правды» с различными районами страны. Сюда, на Мойку, приходят экземпляры Красноярских, Харьковских, Омских, Одесских, Кинешемских известий Советов рабочих и солдатских депутатов. Мария Ильинична цитирует газеты «Южный рабочий», «Кавказский рабочий», «Пролетарий», «Наша жизнь» и другие. Редакция «Правды» внимательно следит за положением на местах и немедленно реагирует на важнейшие события в разных уголках страны.

Мария Ильинична чрезвычайно оперативно связывалась с заводами и фабриками, составляла и распространяла специальные анкеты и опросные листки для выяснения положения на местах, насущных нужд рабочих и работниц. 1 июня от имени ЦК РСДРП (б) она обратилась к партийным группам с письмом: «...очень просим товарищей давать нам возможно чаще и точнее ответы по намеченным вопросам...»

С утра до глубокой ночи Мария Ильинична вместе с сестрой задерживались в редакции. Часами они разбирали письма с фронта — писали солдаты с Украины и матросы с Балтики, и все спрашивали одного совета: как быстрее кончить войну? «К нам многих, — вспоминала Мария Ильинична, — не разбирающихся еще в политических партиях и их программах, влекло горячее стремление выйти как можно скорее из войны, а путь к этому они видели только один — тот, что указывала «Правда». И таких писем ежедневно приходили десятки: письма в конвертах, пропахших «дымом войны».

В редакцию шел народ с фабрик и заводов. В те бурные дни М.Ульянова, как секретарь редакции, принимала ежедневно десятки посетителей, а то и делегации от рабочих самых различных предприятий.

Положение в Петрограде было крайне тяжелым, неумолимо надвигался голод... На фабриках и заводах, в различных районах столицы то и дело вспыхивали стачки и забастовки. И предприниматели, желая сорвать очередную забастовку, объявляли повсеместно «локауты», увольняя сотни и сотни людей под видом «разгрузки» или закрытия предприятий. По инициативе Марии Ильиничны была организована материальная помощь семьям бастующих рабочих.

3(16) апреля днем на Широкую улицу в квартиру Елизаровых поступила телеграмма из Торнео с сообщением о приезде Ленина в Петроград. Рабочие с нетерпением ждали, возвращения своего вождя. В Белоостров Владимира Ильича и Надежду Константиновну приехали встречать сестрорецкие рабочие и работницы со знаменами в руках, родные и близкие товарищи.

Тут же на вокзале состоялся краткий митинг, где Ленин выступил с речью, в которой он сказал о значении Февральской революции и о необходимости дальнейшей борьбы за свершение социалистической революции. Владимир Ильич был необычайно взволнован и радостно возбужден. По дороге из Белоострова в Петроград, когда все разместились в вагоне вокруг Ильича, он буквально засыпал вопросами встречавших его товарищей. Он расспрашивал о положении дел в столице, о настроениях и вдруг выразил опасение, что Временное правительство, узнав о его приезде, может дать указание арестовать его. «Но вместо ареста его ждала на Финляндском вокзале еще более торжественная встреча. У всех, кто присутствовал при ней, встреча оставила неизгладимое, незабываемое впечатление. К моменту прихода поезда вся площадь и прилегавшие к ней улицы были заполнены народом. Тут были десятки тысяч рабочих и работниц, пришедших со своими знаменами. На перроне был выстроен почетный караул из матросов флотского экипажа, солдат пулеметной роты, Московского и Преображенского полков. При появлении Владимира Ильича солдаты и матросы взяли на караул, а военный оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт, Владимир Ильич обратился к почетному караулу с лозунгом:

«Да здравствует социалистическая революция».

...Выйдя на площадь, Владимир Ильич сел было в приготовленную для него легковую машину, но рабочие делегации, громко приветствовавшие его, потребовали, чтобы он вышел из машины и поднялся на броневик. Освещенный прожектором броневик тронулся к дому Кшесинской, а Ильич, обращаясь то в одну, то в другую сторону, приветствовал окружавших его рабочих и солдат, освободивших Россию от самодержавия. «Да здравствует социалистическая мировая революция!» — бросал Ильич в окружавшую многотысячную толпу — так описывал очевидец приезд Ленина в Петроград.

Медленно двигалась за броневиком рабочая толпа. Во главе ее шла заводская и районная вооруженная милиция, по краям рабочие образовали цепь из своих отрядов. Прибыв во дворец Кшесинской, где разместился ЦК РСДРП (б), Ленин выступил с речью. В ней Владимир Ильич изложил главные ближайшие задачи, стоящие перед партией.

На другой день он выступает на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов с докладом, в котором оглашает и разъясняет свои тезисы о задачах революционного пролетариата, вошедшие в историю как «Апрельские тезисы».

5 апреля в № 24 «Правда» публикует доклад Ленина, представленный исполнительному комитету Петроградского Совета под заглавием «Как мы доехали». А уже в 25-м номере газеты публикуется официальное извещение о том, что вернувшийся из эмиграции член центрального органа Владимир Ильич Ульянов-Ленин вступил в редакцию «Правды».

Вскоре Владимир Ильич сам взялся за редактирование газеты. С какой радостью Мария Ильинична работала вместе с братом. Это было увлекательное и счастливое содружество выдающихся журналистов; это был один из самых блестящих периодов «Правды».

Ленин уделяет «Правде» много внимания. Его материалы ежедневно печатаются в газете, иногда их несколько в одном номере. В первые недели он опубликовал ряд статей — «Луиблиановщина», «О двоевластии», дал разъяснение основных идей «Апрельских тезисов».

Владимир Ильич поселился у Анны Ильиничны на Широкой улице, в доме № 53. Теперь по утрам все вместе собирались в большой комнате за чайным столом, обсуждали последние новости. Мария Ильинична торопилась рассказать о редакционных новостях, о встречах с фронтовиками и рабочими. Вместе обсуждали содержание следующего номера. Как всегда, у Владимира Ильича утром был готов свежий материал. И Мария Ильинична, забрав его с собой, пешком отправлялась на Мойку. Владимир Ильич в редакцию приходил редко, народ там всякий бывал, и в целях конспирации он появлялся только на особо важных совещаниях, которые обычно собирались поздно вечером, когда помещение редакции пустело.

Условия для работы в редакции были очень сложные: тесно, шумно, не хватало денег, транспорта, не было бумаги, не было самого необходимого.

Мария Ильинична впоследствии, вспоминая эти времена, писала: «Помню, какого невероятного труда стоило добиться станции по нашему редакционному телефону... когда кто-нибудь из нас брал телефонную трубку, раздавался голос: «Это что — «Правда»?» — «Нет, это ложь, а не правда», — восклицала телефонная барышня, бросая трубку. С такой же злобой, я сказала бы, почти с яростью, относились к приходящим в редакцию жильцы того дома, где помещалась «Правда». На просьбы указать, как пройти в редакцию, неизменно следовала самая грубая брань. На грех «Правда» помещалась на Мойке, у Невского, где жила такая публика, что на симпатии к большевикам нечего было рассчитывать».

Но «Правда» имела свой широкий круг друзей. Рабочие петроградских предприятий, солдаты-фронтовики, отдельные граждане отчисляли из своих скудных средств деньги и пересылали в редакцию «Правды» на

нужды издательства.

Из номера в номер публикует «Правда» письма в газету, приветствия и названия организаций, приславших свою денежную помощь.

7 апреля 1917 года «Правда» опубликовала приветствия, в которых говорилось:

«Мы, солдаты мотоциклетной команды, шлем привет честно мыслящей и свободолюбивой газете «Правда» и жертвуем в ее железный фонд 43 серебр. и 1 бронзовую медаль.

Мотоциклетная команда штаба 3-й армии».

«Мы, солдаты нестроевых команд 172-го пех. зап. полка, шлем горячий привет нашей дорогой газете «Правде» за ее смелую борьбу против буржуазной печати в деле завоевания свободы и заявляем, что мы, солдаты, всегда будем идти с нею рука об руку и поддерживать ее выступления.

Председатель общего собрания Бодров
Секретарь А.Титов».

В редакции был назначен специальный сотрудник для получения и хранения денежных средств, поступающих от организаций и граждан. Все это строго учитывалось и постоянно публиковалось в печати; печатали списки организаций и даже имена отдельных граждан, приславших деньги.

Авторитет газеты неуклонно рос, но тучи над ней сгущались. Нередко враждебные демонстрации сворачивали с Невского на Мойку, к редакции «Правды». И хотя помещение редакции охранялось вооруженными рабочими, работать становилось сложнее и сложнее. Тем не менее Мария Ильинична никогда не покидала помещение редакции, даже когда под окнами шумели черносотенцы.

Однажды вечером, в разгар напряженной работы, вбежал взволнованный товарищ и сообщил, что недалеко в переулке собралась враждебно настроенная толпа. В редакции находился Владимир Ильич, он готовил очередной номер. Надо было немедленно уйти. Взяли первого попавшегося извозчика и тотчас уехали на квартиру одного очень надежного товарища на Невский проспект, 3, там в прихожей ему навстречу выбежали две барышни с возгласом «Идем бить Ленина», направились к выходной двери. К счастью, в прихожей был полумрак, и В.И. остался неузнанным».

И все-таки на другое утро Владимир Ильич вместе с Марией

Ильиничной снова был в редакции.

Все эти дни Мария Ильинична очень волновалась за безопасность брата. Реакция наступала... Грандиозная июльская демонстрация насмерть испугала русскую буржуазию и ее англо-французских союзников. И вновь улицы и проспекты Петрограда обагрились кровью трудящихся.

Начались аресты и обыски на рабочих окраинах, насильственно разоружались революционные полки, шли аресты и среди солдат.

Главный удар теперь был направлен против большевистской партии, против Ленина.

Юнкера разгромили типографию «Труд», арестовали наборщиков. Нужно было ждать нападения на редакцию «Правды». События разворачивались бурными темпами, Временное правительство торопилось расправиться с большевистским органом печати.

В ночь на 5 июля отряд юнкеров ворвался в помещение «Правды». Перевернули все вверх дном, выбили стекла, переломали мебель, разбросали все материалы, долго искали что-то...

После налета юнкеров Яков Михайлович Свердлов немедленно направился к Елизаровым на Широкую улицу. К счастью, он застал Владимира Ильича и настоял на необходимости для Ильича тотчас же покинуть дом сестры. Он набросил на Ленина свое пальто, и они, никем не замеченные, ушли на другую нелегальную квартиру.

Мария Ильинична и Надежда Константиновна встревожились, нужно было ждать обыска, пришлось спешно ликвидировать и прятать важные документы и материалы. Впоследствии Мария Ильинична вспоминала: «Поздно вечером на нашей тихой, безлюдной улице (мы жили в конце Широкой улицы Петроградской стороны) раздался грохот огромного грузовика, который остановился около нашего дома. «Это к нам, это они!!» — воскликнула я. И действительно, подойдя к окнам, мы увидели, что грузовик остановился около дома, в котором мы жили, и солдаты уже направляются к подъезду... а через несколько минут раздался звонок и громкий стук в дверь. Мы открыли тотчас... и вся наша квартира наполнилась свирепой толпой юнкеров и солдат с ружьями в руках. Они едва предъявили нам ордер на обыск и уже принялись спешно за разыскивание того, за чем приехали. Помощник начальника контрразведки с двумя или тремя офицерами и солдатами направились в комнату, где жил Ильич, остальные заняли все другие комнаты.

Хотя мы и сказали, что Ильича в квартире нет, они принялись все же искать его всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками окон и т.п.

Потребовали ключи и, когда я открывала ту или иную корзину или сундук, набрасывались и прокалывали содержимое штыками...

В комнате Владимира Ильича, где был помощник начальника контрразведки и двое-трое офицеров, обыскивающие держались более сдержанно».

Мария Ильинична спокойно стояла у двери и смотрела, как офицеры, перерыв все, забрали часть бумаг. Они выпрашивали ее, где она последний раз виделась с братом, куда он мог пойти в такой поздний час. Тем временем двое солдат, подобрав пачку писем, внимательно просматривали их. Мария Ильинична узнала эти письма с фронта, от солдат, солдаты благодарили Ленина, указавшего им путь к окончанию кровопролитной войны. Мария Ильинична видела на лицах читавших солдат недоумение: «Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовать как своего злейшего врага, их товарищи по оружию, солдаты из окопов, пишут такие письма».

Один молодой офицер все обращался к Марии Ильиничне с вопросами: его интересовало, где жил Ленин последние годы, чем занимался, какие книги написал. Он даже выразил желание посмотреть некоторые из них и взять почитать, но его товарищи стали делать ему знаки, показывая, что в данной ситуации это совсем неудобно. Офицер вконец сконфузился и замолчал.

Один из офицеров настойчиво допрашивал Надежду Константиновну, да так ничего и не мог добиться.

Мария Ильинична, не выдержав, сказала: «Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа». Все замолчали...

Ничего не найдя, офицеры ушли, забрав с собой Надежду Константиновну, Марка Тимофеевича и домашнюю работницу. Продержали их несколько часов. Снова допрашивали всех по очереди и отпустили глубокой ночью. А через несколько дней, 9 июля, на Широкую улицу влетел грузовик с солдатами, и все повторилось снова. Искали даже на кухне, допрашивали прислугу. Оцепили весь дом и прилегающий пустырь. Растаскивали бревна, лазили в подвал, наконец, произвели обыск у соседей. Ничего и там не найдя, офицер дал команду солдатам отправляться в участок, оставив засаду в квартире. Третий обыск был проведен, когда Владимир Ильич уже находился в Финляндии.

7 июля 1917 года правительство Керенского отдало распоряжение об аресте Ленина и о привлечении его к суду. Кадеты и меньшевики в своих газетах в категорической форме требовали явки Ленина на суд.

Этот вопрос обсуждали на экстренном совершенно секретном

совещании большевиков. Собравшиеся, в том числе и Мария Ильинична, категорически протестовали против решения Владимира Ильича явиться в суд и там дать бой Временному правительству.

ЦК обязал Владимира Ильича немедленно уйти в подполье и уехать из столицы. Ленина поселили недалеко от Сестрорецка, на станции Разлив, у проверенного товарища, рабочего завода Н.А.Емельянова.

Несколько членов ЦК были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Партия большевиков перешла на полулегальное положение, но тем не менее численность ее рядов неустанно росла. И к моменту открытия VI съезда она насчитывала 240 тысяч членов, в три раза больше, чем в апреле 1917 года. ЦК РСДРП (б) в короткий срок добился небывалого сплочения всей партии.

VI съезд партии открылся в Петрограде 26 июля. Работа его проходила полулегально. Владимир Ильич не мог присутствовать на съезде, но он руководил его работой. В Разлив к Ленину приезжали члены ЦК. Ленин передал в президиум съезда тезисы «О политическом положении» и две статьи: «К лозунгам» и «Уроки революции». Эти работы, по существу, легли в основу резолюций съезда.

Основными вопросами съезда были: политический отчет ЦК и вопрос о политическом положении. В основу доклада были положены установки Ленина о неизбежности вооруженного восстания.

В статье «Уроки революции» Ленин писал: «Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру»⁷⁴.

VI съезд наметил курс партии на вооруженное восстание. И все его решения были подчинены одной задаче — подготовить массы к выполнению этого курса. Были обсуждены вопросы о взаимоотношении партии и профсоюзов, о союзах молодежи, обсуждена экономическая платформа партии.

Одним из вопросов на съезде был вопрос о явке Ленина на суд Временного правительства. Съезд единодушно высказался за неявку Ленина на суд и выразил протест против возмутительной травли вождя революционного пролетариата.

Съезд избрал Ленина председателем и послал ему приветствие. 29 июля 1917 года VI съезд РСДРП (б) избрал В.И.Ленина в члены ЦК.

Через два дня после окончания съезда, 5 августа, резолюции его были опубликованы в качестве приложения к центральному органу партии —

газете «Рабочий и солдат».

Еще 15 июля была запрещена «Правда», разгромлена редакция. Но прошло немного времени после ее разгрома, и вот уже рабочие читали свежие номера другой большевистской газеты — «Листок правды». Теперь газета печатается с большой осторожностью, в глубоком подполье.

Когда был запрещен «Листок правды», тотчас на смену выходит «Рабочий и солдат», а позднее — «Пролетарий», «Пролетарское дело».

Большевистский орган печати еще и еще раз будет менять название: «Рабочий», «Рабочий путь», но ни на один день не прекратит своего существования.

Этим «Правда» была обязана и Марии Ильиничне.

Целиком отвечая за выпуск каждого номера газеты, Мария Ильинична выполняла еще ряд поручений ЦК и, самое главное, была постоянным связным Владимира Ильича. Когда Ленин, вернувшись из Финляндии в Петроград, поселился на последней конспиративной квартире у М.В.Фофановой — решено было скрывать его местонахождение даже от членов ЦК.

М.В.Фофанова рассказывала авторам этих строк: «...Квартира моя была строжайшим образом законспирирована, и о том, что у меня поселился Владимир Ильич, знали только Надежда Константиновна, Мария Ильинична и связной Владимира Ильича — Э.А.Рахья». Мария Ильинична присутствовала на всех заседаниях ЦК, и каждый раз у нее были инструкции Владимира Ильича, которые она доводила до сведения членов ЦК. Таким образом, благодаря Марии Ильиничне на всех заседаниях как бы незримо присутствовал Ленин, это было очень важно в тот момент.

Близился октябрь... Положение в столице было напряженным... По улицам проходили патрули, проверяли документы.

В центре окопались юнкера, повсюду стояли пушки, пулеметы, у которых дежурили офицеры и солдаты... На рабочих окраинах возводились баррикады. Вооружались рабочие отряды, красногвардейцы уходили к Смольному. 24 октября Временное правительство решило развести мосты, чтобы отрезать рабочие окраины от центра, но по приказу Военно-революционного комитета, созданного при Петроградском Совете для руководства восстанием, красногвардейцы успевают занять все мосты.

24 октября, тотчас после прибытия Ленина в Смольный, мотоциклисты доставили на фабрики, заводы, в воинские части приказы о выступлении. Восстание началось...

К утру 25 октября все мосты через Неву, телеграф, центральная

телефонная станция, радиостанция, вокзалы, электростанции, Государственный банк и многие другие государственные учреждения были заняты красногвардейцами, революционными матросами и солдатами. Кроме Зимнего дворца, где спряталось Временное правительство, весь город был в руках революционных войск и рабочих.

Рано утром Военно-революционный комитет выпустил написанное Лениным историческое обращение «К гражданам России», извещавшее народы России о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Военно-революционного комитета во главе с большевиками.

Телеграфные провода несли вест о победе революции в самые далекие города и села России. Весь день и ночь телеграф передавал текст воззвания II Всероссийского съезда Советов «К рабочим, солдатам, крестьянам!».

Днем 26 октября на заседании ЦК, проходившем под председательством Ленина, был рассмотрен вопрос о составе Советского правительства. Приглашенные для переговоров представители левых эсеров отказались от участия в правительстве, и ЦК решил составить правительство из одних большевиков.

Секретарь «Правды»

Мария Ильинична редко покидала Смольный. Сотрудница редакции М.В.Алтаева-Ямщикова рассказывает о работе в те незабываемые дни, сразу после победы Октября.

...Смольный. «Поздно. Темный октябрьский вечер. Наш зал похож на проходной двор. Приходят и уходят люди; приходят к Марии Ильиничне, к Вере Михайловне, ко мне, в «Солдатскую правду». Слышен знакомый голос В.Д.Бонч-Бруевича. Что-то обсуждают, спорят...

В комнату прибегают незнакомые люди; некоторые вполголоса беседуют с Марией Ильиничной...

Скудна была обстановка работы в Смольном в первое время...

В те дни Мария Ильинична не могла достать даже ножниц для газетных вырезок и раз взяла их в финотделе у молоденькой делопроизводительницы в ее отсутствие, а та, когда вернулась, то затеяла спор, доказывая, что финотдел для государства важнее всякой газеты. Мебели не хватало. Иной раз приходившие в редакцию товарищи устраивались работать, стоя на коленях на полу, табуретка становилась столом.

...Много к нам ходило народу из других отделов и редакций, заходили товарищи подумать вслух, потолковать о партийных мероприятиях. Приходила красивая молодая Лариса Рейснер. Она что-то писала для «Правды». Часто проплывал к столу Марии Ильиничны тяжеловесный Демьян Бедный. Был он балагур, оптимист, веселый... Еще издали, бывало, слышен его смех, шутки-прибаутки».

В «Правду» шел и шел народ... Солдаты-фронтовики и первые рабочие корреспонденты, крестьянские ходоки и женщины-работницы. Принимала посетителей чаще других Мария Ильинична. К ней, сестре Ильича, люди приходили с самым сокровенным, просили помощи, совета. Многие посетители приносили заметки, стихи и даже рисунки. Мария Ильинична должна была из массы материала выбрать ценное для газеты. Дел навалилось свыше головы... В редакции Мария Ильинична задерживалась до глубокой ночи. Иногда она возвращалась домой к Елизаровым лишь под утро. После тяжелого рабочего дня в душных комнатах хотелось пройтись пешком... Нередко шла одна по безлюдным улицам, и только громкие шаги патрулей нарушали глухую тишину предрассветного часа...

Уходили последние дни и часы декабря 1917 года. Первый Новый год

встречала Республика Советов... Мария Ильинична и Анна Ильинична собирались встретить Новый год вместе, собраться всей семьей наконец. Очень хотелось позвать Владимира Ильича и Надежду Константиновну. И вот утром 31 декабря Владимир Ильич позвонил Марии Ильиничне в редакцию и сказал, что они с Надеждой Константиновной собираются встречать Новый год с рабочими-красногвардейцами Выборгского района.

Вечер был устроен Выборгским райкомом партии, районным Советом и штабом Красной гвардии для актива и рабочих-красногвардейцев Выборгской стороны, отправляющихся на фронт.

На другой день, 1 января Владимир Ильич выступил в Михайловском манеже на митинге, посвященном проходам на Западный фронт первого сводного отряда социалистической армии. Мария Ильинична вместе с Фрицем Платтенем сопровождала брата.

Ленин в своей речи перед добровольцами сказал: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию... Уже просыпаются пароды, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран»⁷⁵.

Буря аплодисментов сотрясала своды Михайловского манежа. Под звуки «Интернационала» участники митинга — добровольцы социалистической армии проводили до автомобиля Ленина и Марию Ильиничну. «Выйдя после митинга из манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный, — вспоминала М.И.Ульянова. — Но не успели мы отъехать несколько десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стреляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас, что мы ошибаемся и что он не думает, что это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил: «Все живы?» «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. «А то как же! — ответил шофер. — Я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам. Да и так ехать-то очень шибко нельзя было — туман, и то уже на риск ехали».

Все кругом было действительно бело от густого питерского тумана.

Доехав до Смольного, мы принялись обследовать машину. Оказалось, что кузов был продырявлен в нескольких местах пулями, некоторые из них пролетели навывлет, пробив переднее стекло. Тут же мы обнаружили, что рука т.Платтена в крови. Пуля задела его, очевидно, когда он отводил голову Владимира Ильича, и содрала на пальце кожу.

«Да, счастливо отделались», — говорили мы, поднимаясь по лестнице в кабинет Ильича». Через два дня, 4 января Мария Ильинична подписала в набор вечерний выпуск газеты «Правда», где был опубликован краткий газетный отчет о выступлении Ленина на проводах первых эшелонов социалистической армии.

Фронт подходил вплотную к Петрограду...

В марте 1918 года Советское правительство приняло решение о переезде из Петрограда в Москву.

Мария Ильинична вспоминала позднее: «Ты, вероятно, захочешь поехать с нами?» — спросил меня Владимир Ильич. Он был прав — меньше всего в жизни я хотела бы расстаться с ним.

Через несколько дней мы уже ехали в отдельном вагоне в Москву...»⁷⁶

С Октябрьского вокзала Владимира Ильича с семьей доставили сразу в гостиницу «Националь», где им пришлось прожить около двух недель, пока им не подготовили квартиру в Кремле.

«...Наконец, удалось переехать в Кремль, но вначале опять-таки в Кавалерский корпус, — вспоминала Мария Ильинична. — Это было значительно удобнее, чем в номерах гостиницы, но все же не так удобно и покойно, как при жизни в собственной отдельной квартире. В Кавалерском корпусе (в двух комнатах) мы прожили довольно долго. И, пожалуй, и здесь еще чувствовали себя до некоторой степени на бивуаках. У Ильича не было своей собственной комнаты, где он мог бы уединиться. Приходилось иметь дело со старыми кремлевскими служащими, которые варили где-то обед, приносили чайник с кипятком и пр...

И конечно, как все мы были рады, когда удалось, наконец, переехать в собственную квартиру. Только здесь мы почувствовали себя, наконец, совсем дома»⁷⁷.

Семья Ленина поселилась в небольшой квартире на третьем этаже здания правительства Республики, бывшего здания судебных установлений, возведенного замечательным русским архитектором М.Казаковым в 1788 году. Владимир Ильич настоял, чтобы Марии Ильиничне отвели самую большую комнату, смежную с семейной столовой.

Комнату Марии Ильиничны отличает деловой стиль: книжные шкафы, два письменных стола, за ширмой кровать, несколько кресел, и ничего лишнего. И прежде всего в глаза бросаются книги — два до отказа заполненных книжных шкафа. В одном из них стоят отдельные тома первого собрания сочинений Ленина и полностью представлено второе и третье издания его трудов, ленинские сборники, над которыми постоянно работала Мария Ильинична. На многих страницах сохранились пометки, сделанные ее рукой, многочисленные закладки. Тут же стоят отдельные издания ленинских работ, юбилейный сборник, который М.Ульяновой вручили как делегату XVII съезда партии. В другом шкафу хранится несколько сот книг, в свое время подаренных Марии Ильиничне писателями, учеными, художниками, журналистами.

И на каждой книге дарственная надпись со словами любви, уважения, признательности. Здесь книги Д.Фурманова, Ф.Панферова, Г.Серебряковой, А.Серафимовича. Здесь хранится известный труд В.И.Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (П., 1920). Эту замечательную книгу Владимир Ильич подарил сестре с надписью: «Дорогой Маняше от автора».

Над рабочим столом Марии Ильиничны висит прекрасный портрет Марии Александровны Ульяновой. Портрет выполнен маслом, написан с большим мастерством, вдохновенно, с любовью. На нас смотрит одухотворенное лицо умной и волевой женщины, давшей миру замечательных сыновей и дочерей. Этот портрет принадлежит кисти Марии Евстифеевой, написан портрет уже в 30-х годах.

Часто поздними вечерами засиживалась Мария Ильинична за письменным столом, готовя срочный материал или очередную статью. Все в Кремле затихало, пустели рабочие кабинеты и коридоры, а в окнах квартиры Ленина до 2 — 3 часов утра горел свет. Иногда, отрываясь на минуту-другую от рукописи, она поднимала голову, и взор ее непременно задерживался на портрете матери. Как не хватало Марии Ильиничне ее общества, ее чуткого участия и нежной любви! Мария Ильинична с детства хранила подарок матери — маленькие томики Пушкина. Мария Ильинична страстно любила поэзию Пушкина, многие его стихотворения и поэмы знала на память с детских лет. В юности особой любовью у нее пользовались стихи поэта, обращенные к декабристам.

В комнате Марии Ильиничны много самой разнообразной литературы, показывающей ее разностороннюю деятельность, широту ее интересов и глубокую образованность. Мария Ильинична регулярно получала списки новых книг и по ним отбирала необходимые ей. Книги поступали на

квартиру со счетами, которые немедленно оплачивались. До сих пор в некоторых изданиях хранятся оплаченные счета.

На специальном столике в комнате Марии Ильиничны стоит пишущая машинка старинной фирмы «Континенталь». Иногда она печатала на этой машинке, стараясь выбрать время, когда никого не было дома.

После переезда в Москву редакция газеты «Правда» разместилась в здании бывшей гостиницы «Дрезден», почти напротив здания Моссовета. Скобелевская (ныне Советская) площадь, гостиница «Дрезден», комната № 254 — первый московский адрес редакции. Всего одну небольшую комнату занимала сначала редакция центрального партийного органа.

В новой столице РСФСР номер газеты «Правды» вышел 16 марта 1919 года за подписью ответственного секретаря М.Ульяновой.

Сотрудников редакции было буквально наперечет: ответственный секретарь — Мария Ильинична, заведующий иностранным отделом, заведующий отделом «по провинции» и поэт Леонтий Котомка. Только в мае появилась еще помощница Сара Крылова. Вот почему первое время Мария Ильинична занималась всеми делами.

Она вычитывала гранки, следила за набором и версткой материалов, связывалась с авторами по телефону, производила и расчет с рабочими типографии. Работы было невпроворот, она забывала об отдыхе и обеде, и только требовательный звонок Владимира Ильича мог заставить ее уехать на час-полтора домой. И снова она за столом, а кругом на полу, на стульях газетные полосы, рукописные материалы, пачки писем, фотографии и с утра до вечера бесконечные телефонные звонки.

В июне 1918 года редакция переселилась в другое помещение по Тверской улице, в доме № 48, заняв весь третий этаж. Теперь число сотрудников вырастает до тридцати человек, появляется даже сторож — Олимпиада Никаноровна Журавлева.

Каждое утро на протяжении более чем десятилетия можно было видеть Марию Ильиничну входящей в здание редакции с черным портфелем под мышкой. Ее рабочий день начинался в 9 часов утра, когда многие сотрудники еще отсыпались. Перед формированием очередного номера она просматривала ночные телеграммы, перечитывала все статьи, беседовала с сотрудниками, давала новые задания, отбирала фотоинформацию. И вся эта работа проходила под аккомпанемент неумолкаемых телефонов, московских и междугородных. И так продолжалось до двух часов дня... Когда был еще жив Владимир Ильич, он обычно звонил ей в это время по «верхнему» телефону и одновременно высылал за ней машину.

К обеду приезжала из Наркомпроса и Надежда Константиновна. За ужином всей семьей собирались редко, ведь Марии Ильиничне приходилось каждый вечер ждать первых оттисков свежего номера и подписывать его в печать. Но однажды, вспоминала Клара Цеткин, «я застала жену и сестру Ленина за ужином, к которому я тотчас же была приглашена самым сердечным образом. Это был скромный ужин любого среднего советского служащего того времени. Он состоял из чая, черного хлеба, масла, сыра. Потом сестра должна была «в честь гостя», поискать, нет ли чего «сладкого», и, к счастью, нашлась небольшая банка с вареньем».

Уходя с головой в работу, Мария Ильинична умела заражать своим отношением к делу и всех окружающих. Вокруг нее создавалась особенно дружественная и деловая обстановка. «Время совместной работы с Марией Ильиничной я всегда вспоминала как один из лучших эпизодов моей жизни, — напишет впоследствии сотрудница редакции Л.Быстрова. — Во всей работе секретариата чувствовалась особенно слаженная, товарищеская атмосфера. К каждому работнику Мария Ильинична относилась исключительно внимательно, чутко. С ней советовались о работе, рабочие поэты несли ей для отзыва свои стихотворения... Мария Ильинична горела на работе, так любовно к ней относилась, что заражала всех своим энтузиазмом».

Летом 1918 года редакция «Правды» значительно расширилась, число отделов из четырех возросло до десяти. Так, прибавились отделы: «Рабочая жизнь», «Партийная жизнь», экономический, профессиональный, справочный и временный отдел, занимающийся очередной кампанией — борьбой с голодом, безработицей и т.д.

Вскоре появились в секретариате новые сотрудники — С.Виноградская и О.Тоом, на которых возложили всю техническую работу, и мальчик-посыльный. Мария Ильинична теперь имела возможность уделять большую часть своего времени работе с молодыми авторами, привлекать к сотрудничеству все больше и больше рабочих корреспондентов, ездить на фабрики и заводы.

Шел июнь 1918 года. Стояли на редкость жаркие дни для начала лета. И тополиный снег на столах рабочих комнат редакции, и душные грозовые ночи заставили Марию Ильиничну подумать, как и где проводить отдых. Она беспокоилась очень о здоровье Владимира Ильича, ведь он работал иногда по 16 часов в сутки, воздуха свежего совсем не видел. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич пригласил всех Ульяновых отдыхать у него на даче, в Тарасовке: «Картошку купил. Молоко и творог великолепны, есть и

другой продукт», — писал он в своем приглашении. Ульяновы ездили туда раза два или три, а потом Владимир Ильич запротестовал: слишком много народу «толкалось» там по воскресеньям. И хотя Владимир Ильич с утра уходил на прогулку, но неизбежные встречи и разговоры за обедом и вечерним чаем утомляли его, и от любезных приглашений Владимира Дмитриевича пришлось отказаться.

«Другой дачи не было, и, чтобы подышать свежим воздухом в свободный день, — вспоминала Мария Ильинична, — мы с тех пор взяли себе за правило выезжать хотя бы на несколько часов за город, забирая с собой вместо обеда бутерброды. Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на берегу Москвы-реки, около Барвихи. Мы выбирали уединенное место на горке, откуда открывался широкий вид на реку и окрестные поля, и проводили там время до вечера. Товарищ Гиль, шофер Владимира Ильича, со своим авто располагался поблизости — охраны у Владимира Ильича тогда не было».

Автомобиль в те времена был редкостью, и если проезжали по деревне, то к нему со всех ног сбегались любопытные ребятишки. Владимир Ильич всегда в этих случаях просил шофера остановиться и приглашал детей в машину. Выезжали за околицу и везли ребят километра полтора, два... Наконец ребята высаживались на дороге и с криком и веселым шумом толпой бежали обратно домой. «Как ни примитивен был такого рода отдых — о другом в то время трудно было думать — он оставлял у всех нас очень хорошее воспоминание, и мы возвращались домой освеженные и довольные».

В пятницу 30 августа 1918 года Мария Ильинична плохо себя чувствовала и в редакцию не поехала. Настроение было очень тревожное. Из Петрограда пришло известие об убийстве Урицкого. Вечером на митинге на заводе Михельсона должен был выступать Владимир Ильич, и Мария Ильинична никак не могла отговорить его от выступления.

«...Около 5 часов Ильич пришел из своего кабинета уже в пальто, — вспоминала Мария Ильинична, — и сказал мне, что все же поедет на митинг, и категорически отказался взять меня с собой. Проходит час, другой. С нетерпением караулю у окна возвращение знакомой машины. Но наконец она несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающихся вверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. ...На мой вопрос Ильич успокаивающе

отвечает, что ранен только в руку, легко; бегу отворять дверь, готовить постель...»

Рука у Владимира Ильича была перетянута веревкой около плеча, что спасло его от значительной потери крови. Мария Ильинична бежит в Совнарком, где только что началось заседание, и приводит доктора Винокурова. Он-то и делает первую перевязку Владимиру Ильичу.

Вскоре прибежала бледная доктор Вера Михайловна Величкина-Бонч-Бруевич — все первые дни и ночи она неотлучно дежурила у постели Владимира Ильича. Затем приехали профессора: Обух, Минц, Розанов, Мамонов. После осмотра ран врачи удалились на совещание. «Положение крайне серьезное, большая потеря крови, резко учащен пульс», — слышит Мария Ильинична приглушенные отрывистые фразы. Профессор Вейсброд остается дежурить на ночь.

Это была страшная ночь... Мария Ильинична не сомкнула глаз. Владимира Ильича она старалась не волновать и смотрела на него из-за двери. Санитары готовили физиологический раствор и медицинский инструмент. Наконец эта ночь миновала, и утром Владимир Ильич попросил открыть окна и улыбнулся Марии Ильиничне, стоявшей в дверях комнаты. Она подошла к нему, еле сдерживая волнение, а он протянул ей руку и спросил, как ее здоровье.

И только на пятый день Мария Ильинична немного успокоилась — миновала угроза общего заражения крови. Врачи продолжали дежурить круглые сутки, но Владимир Ильич стал «бунтовать», требовать газет. Наконец профессор Вейсброд разрешил Ленину ходить и посоветовал Надежде Константиновне увезти Владимира Ильича для окончательной поправки в Горки. Мария Ильинична тоже переехала в Горки, где всей семьей устроились на отдых. Окрестности Горок напоминали Владимиру Ильичу холмистые дали Швейцарии, и Ульяновы в шутку Горки переименовали в «московскую Швейцарию».

Владимиру Ильичу нравилось гулять в густом, тенистом парке, обступавшем дом. Часто он сидел в беседке, откуда открывались дали неоглядные... Кругом тишина, безлюдье.

На свежем воздухе раны Владимира Ильича заживали быстро, он заметно окреп, и настроение у него стало «боевитое», по словам Марии Ильиничны.

В середине сентября Ульяновы переехали из Горок в Москву, и 16 сентября Ленин впервые после болезни участвует в заседании ЦК РКП (б). А 18 сентября, увидев в секретариате Совнаркома официальный бюллетень о состоянии своего здоровья, он сделал приписку: «На основании этого

бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами»⁷⁸.

И снова напряженная работа, работа... Зима 1918/19 года была одной из самых тяжелых: застой в промышленности, топливный кризис, холод и голод на двигались на молодую Республику. Разгоралась гражданская война и интервенция. В эту холодную и на редкость снежную зиму Москва тонула в сугробах. В столице участились случаи грабежей и бандитизма.

В январе 1919 года Надежда Константиновна отдыхала в лесной школе в Сокольниках.

В воскресенье 19 января в школе устраивалась елка и праздник для детей. Пригласили Владимира Ильича и Марию Ильиничну. Праздник был назначен на 6 часов. В пять часов Владимир Ильич и Мария Ильинична отправились в сопровождении шофера Гиля на машине в Сокольники. Смеркалось, шел снег, машина прыгала на снежных ухабах. Под мостом соединительной ветки Казанской железной дороги раздался вдруг резкий свист и окрик «стой!». Гиль остановился, полагая, что это очередной милицейский патруль. Но когда машина встала, трое вооруженных людей заставили всех выйти, обыскали Владимира Ильича, забрали у него браунинг и кремлевский пропуск. Затем грабители забрались в автомобиль и помчались на большой скорости в сторону Сокольников.

Нападение произошло в нескольких шагах от помещения Сокольнического Совета. Туда все и направились, позвонили Дзержинскому. Бандитов вскоре удалось задержать, а машину обнаружили брошенной у Крымского моста. В этот вечер в Москве было убито 22 постовых милиционера.

В Москве было введено военное положение, на борьбу с бандитизмом вышли коммунисты столицы во главе с ВЧК. Вскоре положение в столице резко стабилизировалось.

В тот тревожный морозный вечер в лесной школе все же зажглась праздничная елка. Мария Ильинична привезла ребятам книжки, переводные картинки, конфеты. Дети танцевали, пели, читали стихи, только Мария Ильинична и Надежда Константиновна никак не могли успокоиться: ведь Ильич подвергнулся такой опасности...

На следующий день Мария Ильинична снова была в редакции и на взволнованные вопросы сотрудников отвечала: «Дзержинский примет меры, главное — Владимир Ильич остался невредим». Далеко за полночь горел огонек в ее правдинском кабинете, на столе остывал стакан с морковным чаем, а она просматривала свежие корреспонденции с фабрик и заводов.

Утром 20 января 1919 года в «Правду» прибыли представители районных партийных комитетов, фабкомов, отделов труда. На повестке заседания стоял один вопрос: привлечение рабочих к сотрудничеству в газете. Было решено путем объезда фабрик и заводов увеличить число рабочих корреспондентов, создать при райкомах партии литературные комиссии и литколлегии, еженедельно по определенным дням собирать рабочих корреспондентов.

26 января 1919 года в «Правде» публикуется обращение ко всем рабочим и работницам с призывом писать в газету о своей рабочей жизни, о том, «что нового наблюдается в жизни фабрики, в характере рабочих, работниц и их детей, в их поведении», писать, не смущаясь формой изложения, открыто и смело критиковать недостатки. И вскоре десятки, а затем сотни писем пошли в отдел «Рабочая жизнь».

Это Владимир Ильич дал задание Марии Ильиничне через «Правду» привлекать как можно больше рабочих к сотрудничеству в газете, не раз он подчеркивал в беседах с ней, что социалистическое строительство может быть доведено только тогда до конца, когда сами рабочие «всею своей громадой» войдут в советскую печать.

Постепенно вокруг «Правды» складывалось прочное ядро постоянных рабочих корреспондентов.

Первое время каждого рабкора представляли Марии Ильиничне. Она всегда умела найти подход к человеку, заинтересовать, увлечь. Вот как описывает свою встречу с Ульяновой один из первых рабочих корреспондентов газеты, М.Павлов: «В мае или начале июня 1918 года я пришел в «Правду». Меня представили Марии Ильиничне Ульяновой как рабочего с крупного предприятия. Мария Ильинична приветливо встретила меня и предложила мне писать в «Правду» о жизни рабочих своего завода, а если возможно, и других заводов.

Этот приветливый разговор был очень короток, но с таким внушительным и верным подходом к делу, что возражать и пускаться в отговоры, ссылаясь на свою неграмотность, было невозможно, ибо в словах Марии Ильиничны чувствовалась агитация, приказание и товарищеская ласка, чувствовалось и то, что это требуется для рабоче-крестьянской власти...

Помнятся первые собрания рабочих корреспондентов. Были они небольшие и происходили под руководством Марии Ильиничны. Робко высказывали свое мнение рабочие, ибо чувствовали, что еще слишком мало понимают то, как писать и что писать... Чутко прислушивалась Мария

Ильинична к этим голосам с мест, давая свои советы, как лучше ориентироваться в письме. Рабочие расходились удовлетворенные, а отдел «Рабочей жизни» после этих собраний постепенно расширялся, становился интереснее, более отвечающим запросам рабочих».

В первые годы становления Советской власти «Правда» начала создавать литколлегии на предприятиях и в районах столицы. По вечерам в кабинете Марии Ильиничны, где железную печурку топили подшивками старых газет и сырыми дровами, собирались представители литколлегии и рассказывали, как двигаются дела в том или ином районе. «Литколлегии все же проделали немало в этот период в деле привлечения рабочих и работников к газете. Интерес к сотрудничеству в газете возрастал благодаря большому знакомству с ней, и по результатам, достигаемым заметками (устранение всевозможных недостатков, разоблачение примазавшихся и пр. и т.д.), рабочие видели всю пользу участия в газете. Число рабкоров, принимавших активное участие в газете, становилось постепенно все больше. Литколлегии обслуживали не только «Правду», но и другие газеты».

Всею работой районных и заводских литколлегии руководило центральное бюро при редакции «Правды». Бюро занималось подбором докладчиков для рассылки на собрания районных литколлегий, выпускало листовки и инструкции с призывом писать, с указанием, как и что писать. Число рабкоров росло с каждым днем.

«Интересных типов среди этих начинающих рабкоров было немало. Помню, как раз в редакцию явился мужичок в тулупе, оказавшийся сторожем Краснопресненского сахаро-рафинадного завода, и протянул коряво написанную на обрывке бумаги корреспонденцию. Понять ее было нелегко. Оказалось, что товарищ хотел пробрать кое-кого из фабричной администрации, пользовавшейся трудом заводских сторожей для личных услуг себе и своим семейным. Товарища пригласили на собрание рабкоров. Он пришел, просидел все время, не открывая рта, но после собрания сказал с убеждением: «Всегда буду писать». И, поскольку смог, он сдержал свое слово. Энергичный и настойчивый, он рос необычайно скоро. Через некоторое время он уже улаживал какие-то дела своих односельчан, привезя для этой цели из своей деревни ходока, который был более в курсе дела, но обладал гораздо меньшей энергией, чем его городской товарищ. А затем корреспонденции от него мы стали уже получать отпечатанными на пишущей машинке со штемпелем секретаря ячейки Краснопресненского рафинадного завода. Этим секретарем был все тот же товарищ. И какие дельные корреспонденции: ни одного сколько-нибудь важного факта не

опущено. И так из месяца в месяц», — писала Мария Ильинична.

Рабочему корреспонденту приходилось сталкиваться с немалыми трудностями, бороться против скрытых злейших врагов Советской власти, против шкурников и тайных контрреволюционеров, и те мстили им — нередко в рабочих корреспондентов стреляли, гнусно клеветали на них.

Так был убит группой примазавшихся к РКП пьяниц и бездельников-врачей рабочий корреспондент Спиридонов. Мария Ильинична писала в статье «К делу об убийстве тов. Спиридонова», опубликованной в «Правде» 5 августа 1922 года: «Проникая в наши ряды под видом друзей, они (враги. — Авт.) разлагают нас изнутри, распространяя заразу, внося разложение. Для таких людей не может быть снисхождения, не может быть пощады...»

По инициативе Марии Ильиничны позднее замечательному рабочему «Правды» Н.И.Спиридонову был установлен памятник на Ново-Спасском кладбище. На открытии памятника М.И.Ульянова выступила с краткой речью, посвященной памяти прекрасного человека и смелого рабочего корреспондента.

«Крайне интересен и как тип рабочего и как человек тов. Н.Спиридонов, погибший в 1922 году, — позднее писала Мария Ильинична. — Это был глубоко честный и преданный делу пролетариата человек. Перо он взял в руки для борьбы и выпустил его лишь на краю могилы...»

Страшное известие пришло в «Правду» из Чувашии. Кулаки жестоко расправились с сельским корреспондентом, бесстрашным юношей Семеном Григорьевым. Его избили до полусмерти, вырезали на голове пятиконечную звезду и сбросили под мост. Саше еще не было 18 лет. К счастью, Григорьев выжил.

Свои заметки в газету Саша подписывал «Херлихэм» — что по-чувашски означает «Красная искорка». Такие ленинские красные искорки вспыхнули по всей стране, и никакая сила не могла их уже погасить.

По инициативе Ульяновой в Чувашию была послана специальная бригада для расследования. Суд вынес убийцам смертный приговор.

Работа сельских корреспондентов, борющихся и вскрывающих самые различные злоупотребления на селе, разоблачающих врагов Советской власти, имела колоссальное значение. Эта борьба с пережитками прошлого, с безграмотностью, с некультурностью в деревне вызывала яростное сопротивление кулачества и служителей церкви.

В 1925 году в редакцию приехала из Вятской губернии, со станции Зуевка, неграмотная старушка Макарьева, мать двух корреспондентов. Она

долго плакала, все никак не могла успокоиться и наконец рассказала, как ее двух сыновей арестовали неизвестно за что. Она все повторяла: «Не воры они у меня, не хулиганы какие-нибудь. Похвальные грамоты имеют...» В Вятку был командирован собственный корреспондент К.Алтайский. Он сразу пошел на прием к прокурору и в губком партии. Губернский прокурор и работники губкома в один голос заявили, что братья Макарьевы арестованы за дело и что их рабкорство ни при чем. Тогда Алтайский поехал в Зуевку, где встретился со старыми рабочими-партийцами, и те прямо заявили, что Макарьевы прекрасные товарищи, честные работники. За разоблачительные статьи, критикующие порядки в железнодорожных мастерских, начальник решил свести с ними счеты и сумел убедить в их виновности местные власти.

Алтайский немедленно отправил телеграмму М.Ульяновой. На следующий день губернский прокурор получил от нее телеграмму. «Содержание телеграммы мы так и не узнали, — вспоминает Алтайский, — но, судя по тому, как энергично действовал прокурор, тон ее был категорический».

Через три дня рабкоры были освобождены, ложные обвинения с них сняты. Владимир Макарьев перешел работать в редакцию газеты «Вятская правда».

Узнав обо всей этой истории, рабкоры и селькоры Вятской губернии стали еще активнее сотрудничать в печати. Они говорили: «Ильинична в обиду не даст!»

Иногда рабселькоры оказывались без работы, терпели нужду, в тяжелое положение попадали их семьи. Тогда по инициативе М.И.Ульяновой при «Правде» был создан «Железный фонд» помощи рабселькорам, пострадавшим от преследователей.

Фонд создавался за счет взносов центральных газет и отдельных лиц.

Мария Ильинична в счет фонда стала отчислять все свои литературные гонорары. Все свои личные ценности в 1922 году она отдала в фонд помощи голодающим.

В Центральном партийном архиве хранится интересный документ: квитанция, выданная Марии Ильиничне Ульяновой Правлением Государственного банка 22 апреля 1922 года. В ней перечислены ценные вещи, сданные Ульяновой в депо хранения ценностей Московской губернской комиссии помощи голодающим: золотая цепочка, кольцо, медальон, серебряная солонка, серебряная иностранная монета и несколько других мелких предметов. Общий вес их составлял 13 золотников и 63 доли, то есть всего 58 граммов. Других ценностей у Марии Ильиничны не

было.

Марию Ильиничну отличала удивительная скромность, ленинская чистота и принципиальность. Тяжело заболев (воспаление легких, плеврит), она отказывается получать зарплату. Сохранилась ее записочка в редакцию от 17/VIII-1926 года. «...Вычеркните меня, пож., из списков с 1 января. Работать я, вероятно, еще долго не смогу и получать деньги зря нет никакой охоты. Если смогу возвратиться к работе, тогда восстановите меня в правах».

В кремлевской квартире и сейчас хранится адрес, присланный Марии Ильиничне рабочими корреспондентами Красной Пресни.

«Дорогой Марии Ильиничне наш „привет“.

В день одиннадцатой годовщины «Правды», связанной с празднованием дня рабочего корреспондента.

Вы явились первой из первых, воплотившей в жизнь идею вовлечения широких рабочих масс в печать.

Вы явились к нам, как вождь, наведший нас на энергичную борьбу при помощи печати со всеми недостатками нашего огромного механизма.

Вы указали нам путь, вы дали лозунг: рабочие в печать, и на этот клич быстро отозвался рабочий класс, дав своих рабочих корреспондентов.

Вы, Мария Ильинична, своей упорной работой из года в год добились широкого участия рабочих не только в нашей газете, но и в других органах печати.

Вы из года в год добиваетесь расширения странички рабочей жизни, и теперь, когда рабочая печать празднует день рабочего корреспондента, перед вами не единицы, а целый ряд рабочих корреспондентов: она еще недостаточно сильна, она учится, учится серьезно.

В этот исторический день мы, рабочие корреспонденты Красной Пресни, просим Вас принять наш скромный подарок (модель аэроплана), изготовленный рабочим корреспондентом «Правды».

Пусть Ваша мысль, брошенная в рабочие массы, летит по всем уголкам Советской Республики.

Мы надеемся, что недалек тот час, когда мы вместе с Вами будем праздновать день рабочего корреспондента во всех странах

земного шара.

Да здравствует рабочая печать всего мира, ее корреспонденты — рабочие и их вдохновительница, Мария Ильинична Ульянова».

Таких писем и адресов Мария Ильинична получала немало. Ее знали сотни, тысячи рабочих и крестьянских корреспондентов, они постоянно ощущали ее заботу и помощь.

Число селькоров росло с каждым годом, с каждым месяцем. Так, с 1925 года по 1927 год число рабселькоров выросло с 217 тысяч до 400 тысяч. В 1927 году армия селькоров насчитывала в своих рядах 492 788 человек, причем 10 процентов от этого числа составляли женщины. Хотя число это и невелико, но сам факт участия женщин-работниц в общественной печати имел огромное воспитательное значение.

Мария Ильинична придает большое значение привлечению к сотрудничеству в газете женщин-работниц. Для корреспонденции женщин-работниц отводится особое место под заглавием: «Страничка работницы».

Женщины-рабкоровки охотно посещали собрания рабкоров, активно и смело там выступали, приносили с собой, кроме собственных заметок, письма и записки товарок.

«Особенно оживленно, — вспоминала Мария Ильинична, — проходили эти собрания перед Международным днем работниц при выпуске особой, праздничной странички, в составлении которой принимали участие и работницы. Тут было немало рабкорок, великолепно справляющихся со своей задачей. Корявый почерк, но какой яркий и своеобразный стиль, сколько огня и чувства. И как быстро росло число этих новых борцов на фронте печати!» Далее Мария Ильинична рассказывает об одной из рабкоровок, Анне Оглодковой: «Писала она как бы особенно легко и интересно, и ее корреспонденции никогда не приходилось править, хотя образования она не получила никакого. Читаешь, бывало, и диву даешься — откуда это? Природные способности, очевидно, сказывались. Было и несколько поэтесс-работниц, которые снабжали «странички» стихами».

Мария Ильинична выступает со специальной статьей: «Вовлечение женщин в рабселькоровскую работу». Она пишет: «Привлечение широких слоев трудящихся женщин к участию в газете, собственно говоря, только еще начинается.

...Усиление работы среди работниц и крестьянок во всех областях поставлено высшими партийными органами как боевой вопрос. Больше

внимания должно быть обращено и на работу их в области печати... Надо только, чтобы этот вопрос широко ставился на обсуждение партийцев совместно с представителями газет, женотделов и рабкоров. Надо, чтобы ежедневная пресса, рабкоровские и женотдельские издания уделили ему больше внимания».

В мае 1926 года состоялся съезд рабселькоров. Делегаты бурными аплодисментами встретили появление Марии Ильиничны Ульяновой в президиуме. «Вождя рабкоров» знали и любили все. Но большинство делегатов видели Ульянову впервые.

Мария Ильинична со свойственной ей скромностью села во второй ряд президиума. И вскоре на столе у председателя съезда начала расти горка записок — почти одинакового содержания: делегаты требовали, чтобы Ульянова сидела в первом ряду. Записки поступали до тех пор, пока Мария Ильинична не пересела вперед.

Теперь уже громада записок росла на столе, за которым сидела Мария Ильинична. Среди них приветствия, предложения, вопросы и т.д.

«1) будут ли клубы рабкоров в городах Харьков, Екатеринославль и др.

2) нужно ли техническое образование рабкору?»

«Как идет рабселькоровское движение в Чувашской и Татарской республиках?»

«Просят узнать у Вас, как у ближайшего человека, сестры, что Ленин завещал в последние дни и минуты нам и партии. Журавлев».

Мысли уносят ее в то далекое и близкое время, когда рядом с ней был человек, отдавший всего себя делу служения рабочему классу. Что он завещал рабочему классу? Весь смысл его жизни — это борьба за освобождение рабочего класса, борьба за построение нового общества. И Владимир Ильич всей своей жизнью завещал рабочим довести это святое дело до окончательной победы, до конца.

Мария Ильинична смотрит в зал: хорошие, открытые лица, а в глазах жадное желание все узнать, как можно больше услышать, чтобы потом там, дома, рассказать людям.

Что завещал Владимир Ильич им, рабочим и крестьянским корреспондентам, предполагал ли он, что такая огромная армия рабселькоров вырастет в ближайшие годы? И вдруг на память ей пришло одно письмо Ленина, которое он разослал русским организациям еще в 1904 году перед выходом газеты «Вперед». Ленин писал: «Мы просим корреспондировать всех, а особенно рабочих. Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету, писать обо всем решительно, писать как можно больше о будничной своей жизни, интересах и работе... Мы просим

писать, кроме того, для переписки, заведомо не корреспонденции, т.е. не для печати, а для товарищеского общения с редакцией и осведомления ее, осведомления не только о фактах, событиях, но и о настроении и о будничной, «не интересной», обычной, рутинной стороне движения»⁷⁹.

«Давайте пошире возможность рабочим писать в нашу газету», — слышит она ленинские слова. «Что завещал Ильич? Бороться до конца, до победы», — про себя повторяет Мария Ильинична.

И в 1928 году, выступая на Всесоюзном совещании редакторов, Мария Ильинична скажет, что «одной из основных задач рабселькоровского движения на ближайшее время является решительный переход на массовость...».

Огромное значение Мария Ильинична придавала международному сотрудничеству рабочих корреспондентов.

В 1927 году, в октябре, состоялась встреча московских рабкоров с представителями иностранных делегаций, прибывших в СССР на празднование 10-летия Октября. Мария Ильинична выступила на встрече с докладом. Она говорила делегатам о том, что формы и способы связи газет с широкими массами трудящихся, которые установились в нашей стране, признаются правильными и все более необходимыми и в других странах. «Благодаря привлечению трудящихся к участию в западноевропейской и американской коммунистической прессе имеется возможность шире проводить большевизацию коммунистической прессы, что является необходимым условием успеха дальнейшей работы этой прессы».

О тяжелых условиях жизни американских рабочих корреспондентов рассказывал Марии Ильиничне редактор американской коммунистической газеты «Дейли уоркер», товарищ Люис Энгдол. Встреча с ним состоялась в День печати, 5 мая 1927 года в редакции журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент».

В 1928 году М.Ульянова опубликовала статью «Международная связь», в которой дала оценку международным связям рабочих корреспондентов. Впервые вопрос о международной связи рабочих корреспондентов разных стран возник еще в 1924 году, на вечере рабкоров «Правды» и делегатов V конгресса Коминтерна. В том же 1924 году в Германии состоялась I конференция германских рабкоров, поставившая вопрос о необходимости установления прочной связи с рабкорами СССР. Вскоре такое же решение приняла I конференция рабкоров округа Галле — Мезенбург.

На необходимость такой связи указывал один из руководителей

«Юманите». Его слова приводила в своей статье Мария Ильинична: «Огромное большинство рабочих вне зависимости от того, читателем какой газеты он является — коммунистической, буржуазной, социалистической, — очень интересуется положением Советского Союза, больше всего жаждет услышать правдивое слово от самих рабочих СССР об их жизни, условиях труда, о всех достижениях, недостатках их новой, свободной жизни... Письма рабкоров Советского Союза окажут нам огромную пользу в деле завоевания масс...»

Неприхотливая в быту, скромная и простая, Мария Ильинична была всегда заботлива и внимательна к друзьям своим, к товарищам по работе...

Она всегда первая спешила на помощь коллегам.

Так, Мария Ильинична берет под свою защиту Аркадия Гайдара, тогда начинающего писателя и журналиста. Аркадий Петрович жил в те годы в Перми. Однажды он написал едкий фельетон, но совершенно справедливый, в котором в резкой форме критиковались действия следователя Филатова. Его отдали под суд, обвинив в «сплошной клевете и выдумке». Народный суд, хотя и признал критику справедливой, все-таки присудил Гайдара к семи дням лишения свободы (правда, заменив это наказание общественным порицанием), у писателя даже взяли подписку о невыезде из города. Когда об этом «судилище» узнала Ульянова, она ужасно возмутилась и немедленно направила в Пермь специального корреспондента Д.Ершова, который разобрался в этом деле и все рассказал ей. 5 апреля 1927 года в «Правде» появилась статья под заглавием «Преступление Гайдара», в которой осуждалось неправильное решение суда. И вскоре суд отменил свой приговор.

Добрым другом была Мария Ильинична и для работников редакции. Время тогда было голодное. Всем приходилось трудно. Иногда она получала дополнительные карточки в столовую ЦК и всегда отдавала кому-нибудь из сотрудников, кому особенно требовалось дополнительное питание, боясь при этом обидеть кого-либо.

Как-то она увидела, что репортер газеты Л.Н.Ядринцев даже в жарко натопленной комнате не снимал теплую шубу да еще застегивался на все пуговицы. Будучи очень тактичным человеком, Мария Ильинична никак не решалась спросить его, в чем дело. Наконец ей объяснили, что у Льва Николаевича костюм не выдерживает никакой критики. Тогда Мария Ильинична обратилась за помощью к Владимиру Ильичу. Вскоре она привезла от Ленина записку в Моссовет. И вот через несколько дней Ядринцева в редакции не узнали. Он появился в светлом пальто, сером костюме и новой рубашке, и, что самым невероятным образом всех

удивило и рассмешило — в светлом котелке. Видимо, на складе другого головного убора не нашлось.

Кто мог предполагать, что костюм сыграет «особую» роль в журналистской работе Ядринцева. В 1925 году в Россию приехала первая профсоюзная делегация Швеции. Этому событию придавалось очень большое значение, но освещать визит ВЦСПС поручил газете «Труд», и других корреспондентов к делегации не допускали. И вдруг в кабинет Марии Ильиничны входит торжествующий Лев Николаевич и кладет на стол подробную информацию о том, где были шведы, кто их принимал, о чем говорили. Все изумились. «Как вам это удалось?» — спросила Мария Ильинична. «Очень просто, я выдал себя за шведского комсомольца, присоединился к группе, и мне все вежливо и подробно объясняли по-шведски. Хорошо еще, что наши-то говорили по-русски». Все присутствовавшие рассмеялись. Весело, до слез смеялась и Мария Ильинична. «Нет, недаром вы взяли этот котелок!» — говорила она сквозь смех.

Как и все Ульяновы, Мария Ильинична в быту довольствовалась только самым необходимым и не допускала мысли, что может пользоваться какими-то привилегиями. С одеждой было плохо. Все выдавали по ордерам. Выделили однажды и Марии Ильиничне ордер на котиковую шубку. Вечером она пригласила в кабинет ночного сторожа Олимпиаду Никаноровну Журавлеву и вручила ей свой ордер на шубу, а сама продолжала ходить в старом, поношенном пальто.

Для всех сотрудников она служила примером духовной красоты, принципиальности, редкой трудоспособности. Многие учились у Марии Ильиничны работать, старались подражать ей.

«Я не помню сейчас, — рассказывает старейшая работница «Правды» Наталья Пилацкая, — были ли какие-то установленные часы работы редакционных сотрудников. Вероятно, были. Но суть в том, что каждый считал себя ответственным за дело, которое он ведет, и просто в голову не приходило, что можно не выправить к сроку какой-либо материал или не оказаться на месте для условленной встречи с рабкором. У кого хватило бы совести поступить так, когда изо дня в день на наших глазах неутомимо трудилась сестра и помощница Ленина, за плечами которой долгий путь революционной борьбы.

Нам было очень весело работать. И не потому только, что мы были молоды. Сама Мария Ильинична была на редкость жизнерадостным человеком. Как умела она смеяться — заразительно, до слез! В этот момент особенно прекрасны были ее глаза, совсем молодые и веселые».

Когда Наташа Пилацкая заболела туберкулезом, Мария Ильинична срочно отправила ее в Крым, в санаторий. Едва почувствовав себя лучше, Пилацкая известила редакцию телеграммой о своем возвращении в Москву. И вот какую телеграмму она получила в ответ: «Погода в Москве отвратительная. Ехать сейчас с юга, значит подвергаться серьезной опасности. Очень просим переждать хотя немного. Сами страшно соскучились о вас и вызовем при первой возможности. Послушайтесь, Наташа, милая. Целуем. Ульянова».

В дальнейшем Мария Ильинична принимала самое теплое участие в жизни Наташи Пилацкой, многие годы они переписывались, и в личном архиве Марии Ильиничны сохранились некоторые письма Пилацкой-Астаховой к М.Ульяновой. Осенью 1936 года Н.Пилацкая пишет из Крыма, где она отдыхала на даче в Суук-Су: «В Москве, говорят, холод и дождь. Неужели Вы и слякотною осенью будете сидеть в Москве или под Москвой и не поедете куда-нибудь на юг?! Это просто скандал, Мария Ильинична, работать столько времени, не отдыхая толком»⁸⁰.

Как-то весной Мария Ильинична получила письмо из Турции и очень удивилась: «От кого бы могло быть?» Распечатала конверт: «Ну, конечно же, Наташа!» Ее глаза быстро пробежали по строчкам: «Милая Мария Ильинична! Наверно, Вы уже забыли о том, что на свете есть Наташа. Вот уже год, как я в Турции работаю немного для ТАСС в Анкаре, а сейчас замещаю уехавшего корреспондента ТАСС по Стамбулу.

Так что, если увидите телеграмму из Анкары, знайте, что это Ваша воспитанница действует... Не забывайте о Наташе, которая Вас крепко любит и помнит...

Стамбул, 12 мая!».

Вокруг газеты Мария Ильинична сумела собрать и ученых, крупнейших специалистов в самых различных областях науки.

В двадцатых годах благодаря усилиям Марии Ильиничны в «Правде» активно сотрудничали Г.М.Кржижановский, профессора Н.М.Тулайков, Д.Н.Прянишников, П.Н.Кулешов, И.М.Кулагин, С.П.Скорняков, В.В.Кузнецов, И.Е.Богданов, В.Р.Вильямс, агроном Н.Н.Борисов, член комиссии ГОЭЛРО В.З.Есин и многие другие.

Всегда активно выступал на страницах «Правды» историк, государственный и общественный деятель Михаил Николаевич Покровский. Нередко Мария Ильинична обращалась к нему с просьбой написать статью на какую-либо определенную тему.

«Уважаемый товарищ!

Редакция «Правды» просит Вас написать к Ленинскому номеру (21 января) статью на тему «Ленин — историк партии». Срок предоставления статьи — 17 — 18 января.

О согласии просим уведомить.

С товарищеским приветом

Секретарь «Правды» М. Ульянова».

Сохранилась и другая записка:

«Москва, 20 марта 1928 г.

М.Н. Покровскому.

Дорогой товарищ!

Редакция «Правды» выпускает специальный номер в связи с 60-летием со дня рождения М.Горького и 35-летием его литературной деятельности. Редакция «Правды» просит Вас дать статью на тему: «Горький и русская интеллигенция».

Нам необходимо получить Вашу статью не позднее 26 марта.

С тов. приветом

Секретарь «Правды» М. Ульянова».

Редкий день Владимир Ильич не интересовался у Марии Ильиничны: «Как идут дела в «Правде»?» На его письменном столе в кремлевском кабинете лежит телефонная книжка-алфавит.

Вот номер, по которому звонил Владимир Ильич в «Правду» почти ежедневно, — 006. Это телефон главного редактора, здесь же номер домашнего телефона — 053. «В «Правду» Владимир Ильич звонил и днем и поздней ночью. Вскоре после приезда в Москву Ленин дает предписание члену коллегии Наркомпочтеля Г.Л.Волленбергу принять меры к установлению телефонных линий в редакции «Правды» для работы ночью»⁸¹.

На столе у Ленина каждое утро лежал свежий экземпляр «Правды». И еще до начала рабочего дня Владимир Ильич внимательно просматривал газету.

Став главою правительства, Ленин остался постоянным корреспондентом «Правды», всегда откликался статьей на любое серьезное и важное событие в партийной и советской жизни. Он учил сотрудников «Правды» давать в газете регулярные и правдивые сведения о положении в нашей стране, широко освещать международную жизнь, борьбу

пролетариата за рубежом, пропагандировать успешную работу и выносить на общественный суд отсталых работников, бюрократов, лентяев, дезорганизаторов. Ленин советовал как можно больше уделять внимания материалам с заводов, рудников, из совхозов и т.п.

Сам Владимир Ильич охотно откликался на просьбы газеты. Так, в 1921 году редакция «Правды» готовила сборник к четырехлетию Октябрьской революции. В числе авторов, которым предлагалось написать статьи, был и Ленин. Мария Ильинична направила Владимиру Ильичу официальное письмо следующего содержания:

«Москва, 14 сентября 1921 г.

тов. Ленину

Уважаемый товарищ!

К четырехлетию Октябрьской революции редакция «ПРАВДА» выпускает сборник статей под заглавием «За четыре года». Статьи должны носить итоговый характер. В них кратко и в то же время с максимальным количеством фактического и цифрового материала должна быть дана картина того, что пережила советская Россия за 4 года, во всех областях своей борьбы и строительства. Намечены статьи о гражданской войне, международном положении, внешней политике, о хозяйстве, о советском аппарате, красной армии, профсоюзах, партии, о национальной политике, литературе, искусстве и науке за 4 года, о быте советской России и многие другие темы. Всего должно быть около 40 статей. Размер статьи не свыше печатного листа в 16 страниц. Срок представления в редакцию не позже 7-го октября. Вам предлагается взять тему «Тактика и стратегия».

Ответ о согласии взять тему должен быть дан в течение 1 дня по получении этого извещения. Предложение взятой Вами темы для сборника будет немедленно рассмотрено редакцией.

С комм. приветом.

Секретарь редакции М. Ульянова».

14 октября 1921 года Владимир Ильич написал статью «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции». Статья была написана в срок и 18 октября опубликована в газете «Правда» за № 234.

Ленин писал: «Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятой в

целом»⁸².

По просьбе Владимира Ильича были сделаны фотокопии редчайших номеров газеты «Правда» за 1917 год — с 1-го по 84-й номер. Эти фотокопии и сейчас хранятся в кремлевском кабинете В.И.Ленина.

Иногда поздним вечером семья Владимира Ильича собиралась дома в маленькой уютной столовой за самоваром. Надежда Константиновна рассказывала о наркомпросовских делах, показывала «ребячьи» письма, которые она получала из самых отдаленных уголков нашей страны. Мария Ильинична рассказывала о делах в газете. Однажды она поведала, как они встретили немецкую делегацию. Она вместе с Николаем Леонидовичем Мещеряковым топила печку. Дрова были совершенно сырыми, печка дымила нещадно, «истопники» покрылись копотью. И в этот момент вошли иностранные товарищи. Гости приняли покрытых сажей и копотью Марию Ильиничну и члена редколлегии за курьеров и попросили их доложить редактору и ответственному секретарю, что немецкие коллеги хотят побеседовать с ними. Пришлось попросить гостей прийти попозже, чтобы привести себя и комнату в порядок. Порою топить «буржуйку» приходилось старыми комплектами газет. Об этом виде топлива Владимир Ильич тоже знал и, посмеиваясь, спрашивал Марию Ильиничну: «Ну за какой год горят «Русские ведомости»?»

Как-то морозным зимним днем 1920 года порог редакции переступила женщина, имя которой уже знал весь мир, — Клара Цеткин. После подавления революции в Германии она одна уцелела из руководства «Спартак». Ее спасли рабочие и нелегально переправили в Советскую Россию. Она уже виделась с Лениным, а теперь вот пришла в «Правду».

Она сразу начала рассказывать Марии Ильиничне о своем приезде в Петроград, о встрече на Финляндском вокзале, когда весь перрон расцвел красными косынками женщин-работниц и флагами. Со слезами на глазах она рассказывала об этой встрече. Наконец, успокоившись, Цеткин достала фотографию и протянула ее Марии Ильиничне: «Bitte, Mari, zeigen Sie ihm» (Покажите ему, пожалуйста. — Авт.). Мария Ильинична стала внимательно вглядываться в лица людей, сидящих в каком-то цветущем саду под густыми деревьями. И она узнала среди них Энгельса и в одном ряду с ним молодую, нарядно одетую Клару Цеткин.

Клара Цеткин подробно расспрашивала Марию Ильиничну, как ведется в «Правде» страничка женщин-работниц, сколько женщин посещает ликбез, сколько рабфаков в столице. Ее интересовало все: и даже количество продуктов, которые получали по карточкам кормящие матери. В разговоре Клара Цеткин сказала и о том, что удивило ее в московских

учреждениях: везде у нее спрашивали пропуск. Почему? — недоумевала Клара Цеткин. И уже по-немецки добавила: «Только в «Правде» без пропуска. Дорога в «Правду» свободна».

Вечером Мария Ильинична рассказала Владимиру Ильичу о встрече с Цеткин; когда разговор зашел о пропусках, Владимир Ильич насторожился: «Не отгородились ли в самом деле наши милые совбюрократики пропусками от народа? С них станется... Надо это дело проверить и, где возможно, пропуска отменить. Хорошо бы послать рабочих, пусть потолкаются в учреждениях, убедятся — можно туда пробиться или рогатки понаставлены. Только чтобы не выдавали себя, что для проверки посланы. Пусть прикинутся простачками».

Зато Владимир Ильич был чрезвычайно доволен, что в «Правду» вход был свободен, и несколько раз повторил по-немецки: «Der Weg in die «Pravda» ist frei!» («Дорога в «Правду» свободна». — Авт.).

В 20-е годы в «Правде» часто выступали выдающиеся деятели международного коммунистического движения: Клара Цеткин, Георгий Димитров, Бела Кун, Тибор Самуэли и многие-многие другие.

Через «Правду» они говорили с советским читателем, с советским народом, рассказывали о положении рабочих в своих странах, о борьбе коммунистических партий за рубежом — об огромных трудностях, о победах и поражениях, о борьбе за освобождение рабочего класса от империализма.

В 1927 году в Москве гостил известный французский писатель и публицист, видный общественный деятель Анри Барбюс. Он пожелал посетить редакцию газеты «Правда» и лично познакомиться с сестрой великого Ленина. Встреча состоялась в рабочем кабинете ответственного секретаря. Мария Ильинична показала французскому писателю, как создается «Правда», они побывали в наборном цехе, беседовали с рабочими.

Затем вернулись в кабинет Марии Ильиничны. Писателя интересовало все: как живут рабочие, где учится рабочая молодежь печатному делу, как привлекают писателей к сотрудничеству в газете. Барбюс рассказывал о Франции, поговорили о Париже. Ведь Мария Ильинична жила во Франции в молодости. Перед расставанием сфотографировались на память.

В 20-х годах сотрудники редакции не раз видели и слышали видного деятеля международного рабочего движения, славного сына болгарского рабочего класса Георгия Димитрова. Особенно часто его можно было встретить в иностранном отделе в дни работы конгрессов Коминтерна и

пленумов Исполкома. Он приносил свои статьи и корреспонденции.

Писал он о положении на Балканах, о борьбе болгарских крестьян и рабочих, приносил и большие теоретические статьи по другим вопросам международного рабочего движения. Иногда они вдвоем подолгу беседовали с Марией Ильиничной в ее рабочем кабинете.

Частым гостем в редакции бывал А.М.Горький, особенно когда вернулся окончательно на родину в 1928 году из Италии. «Вскоре по возвращении из Сорренто он неожиданно появился в нашей редакции, — писал в своих воспоминаниях А.Зуев. — Пока разогревали большой «правдинский» самовар — подарок тульских рабочих — и сдвигали в одной из комнат редакционные столы для чая, Горький сидел в кабинете Марии Ильиничны, на ее обычном месте. Он снял пиджак и повесил на спинку стула. Заправляя в мундштучок одну за другой ароматные сигареты, он сидел по-домашнему, в голубой рубашке с вязаным галстуком и, поставив на стол локти, внимательно слушал объяснения хозяйки. Задумчиво щурился, стряхивая пепел сигаретки. А мы приглядывались к нему. Еще темный, тугой ершик его волос чуть серебрился «под бобра». Под пожелтевшими, прокуренными усами по временам растекалась мягкая улыбка. Видимо, по поводу каких-то своих мыслей.

Выяснилось, что Горький еще не видел стенных газет, и Мария Ильинична попросила показать их гостю. Как раз после недавней выставки их у нас оказалось много и разных: заводских, деревенских, красноармейских, учреждений. Мы развернули длинные свитки на столах, на диване, на креслах.

Жадный до всего нового, что народилось тут без него, Горький на какое-то время буквально притянулся к этим исписанным от руки, испещренным неумелыми рисунками листам. Это было подлинное творчество масс, и писатель сразу оценил его значение.

Когда он сел за стол, лицо его стало серьезным, даже строгим. Видимо, он взвешивал про себя это новое впечатление.

— А знаете ли, большое дело. Отличное дело! — повторил он, повернувшись к Марии Ильиничне».

С Алексеем Максимовичем Марию Ильиничну связывали добрые, теплые отношения. Они много виделись и в Кремле, в Горках, куда писатель часто приезжал при жизни Ленина. «Мало было людей, к которым Ленин относился бы с такой любовью, как к Горькому», — писала Мария Ильинична.

В 1928 году в «Правде» печатались главы из его романа «Жизнь Клима Самгина», видимо, по инициативе Ульяновой. Она очень радовалась его

приходам в редакцию и всегда приглашала сотрудников послушать Алексея Максимовича. Обычно, по воспоминаниям товарищей, Горький шел сразу в кабинет Марии Ильиничны и усаживался подле нее в глубоком кресле. Она внимательно слушала его неторопливый рассказ, а в глазах ее горели какие-то лукавые искорки. Иногда только она подавала короткие реплики, в ответ на которые Алексей Максимович почтительно склонял голову набок. С таким же вниманием он выслушивал и замечания остальных сотрудников.

Мария Ильинична познакомилась с Алексеем Максимовичем в конце 90-х годов в Нижнем Новгороде, куда была выслана под надзор полиции. Ближе она узнала писателя в предреволюционное время в Петрограде. Алексей Максимович жил тогда на Петроградской стороне на Кронверкском. Ульянова часто приходила к нему по поручению Ленина. Приносила письма, передавала ему рукописи Владимира Ильича, которые Горький устраивал в издательства.

Горький часто помогал революционерам, у него иногда проходили конспиративные встречи.

В своих воспоминаниях о Горьком Мария Ильинична рассказывает, какое огромное влияние на нее в молодости оказал писатель, как молодежь зачитывалась его романом «Мать», как наизусть учили его «Песнь о Буревестнике».

В середине 20-х годов в газете «Правда» сформировалось писательское ядро, в которое входили Д.Бедный, А.Серафимович, поэт А.Безыменский, Ник.Погодин, известные советские журналисты М.Кольцов, И.Филиппченко.

О дружбе и сотрудничестве Марии Ильиничны и Демьяна Бедного хочется сказать особо. Они познакомились еще до революции. Д.Бедный принес свои басни и стихотворения в «Звезду», которая издавалась по распоряжению ЦК партии. Владимир Ильич сразу обратил внимание на молодого даровитого поэта и посоветовал привлечь его к сотрудничеству в газете.

Ленину нравилась в творчестве Бедного злободневность, умение ясным народным языком живо откликаться на острейшие вопросы современности. После революции Д.Бедный навсегда связал свою деятельность с «Правдой». Он жил в Москве, в Кремле. Часто они виделись с Владимиром Ильичем и Марией Ильиничной на прогулках, много беседовали. С Ульяновой Демьян Бедный почти ежедневно встречался в редакции. Он охотно откликался на ее просьбы — написать срочно басню или стихотворение на любую тему, к любому событию.

Ефим Алексеевич приходил в редакцию — и вокруг него всегда

толпился народ, он весело шутил, рассказывая удивительно интересные истории. Обычно, когда выходила в свет его новая книга, экземпляр с дарственной надписью ложился на стол Марии Ильиничны. И таких одиннадцать книг писателя сохранилось в кремлевской библиотеке Ульяновых. Уцелела и книга, изданная накануне Октября в Петрограде в издательстве «Жизнь и знание». Это сборник басен, озаглавленный: «Всякому свое». На титульном листе надпись: «М.И.Ульяновой от автора с любовью. Демьян Бедный. П., 1917 г.»

Среди книг есть «Земля обетованная», изданная в Москве в 1918 году в издательстве «Прибой». На первой странице дарственная надпись гласит: «Милому товарищу Марье Ильиничне Ульяновой на добрую память от каверзного Демьяна. 27/IV.1918 г.».

Немало книг было подарено поэтом Владимиру Ильичу. На книге «Царь Андрон. Апокалиптическая повесть» (книга сейчас хранится в кремлевской библиотеке Владимира Ильича), на второй странице обложки поэт написал: «Рескрипт. Владимир Ильич. В ознаменование великих трудов Ваших ко благу родины нашей и памятуя заслуги Ваши перед отечественной «словесностью», всемилостивейше Вам препровождаю книгу сию для внимательного чтения на предмет умственных умозаключений. Неизменно к Вам благосклонный Андрон. Дано Москва, Кремль. 17.X.21 г.».

Хотя Владимир Ильич глубоко уважал поэта и ценил острую злободневность его писательского пера, он не мог не видеть и некоторых недостатков в его творчестве. Как-то Владимир Ильич сказал Горькому, что Бедный иногда идет в хвосте масс, а поэт должен быть впереди.

В творческой судьбе поэта Александра Безыменского Мария Ильинична сыграла немалую роль. Он рассказывает в своих воспоминаниях, как принес свое первое стихотворение в «Правду»: «Я очень робел. Передав листки со своим стихотворением «О шапке», я сразу повернулся к двери, уверенный в том, что ответ получу не скоро.

Меня остановил ласковый и вместе с тем слегка насмешливый голос Марии Ильиничны:

— Неужели вы думаете, товарищ Саша, что я постесняюсь прочесть ваше стихотворение в вашем присутствии? Садитесь!

От волнения я чуть не сел мимо стула...

Мария Ильинична прочла мои строки и очень просто сказала:

— Завтра стихи будут напечатаны. Теперь можете идти. Приносите стихи, не стесняясь. Приходите прямо ко мне...

На следующий день стихотворение появилось в «Правде», а вскоре газета напечатала мою поэму «Петр Смородин», и с той поры мое сотрудничество в «Правде» стало постоянным, оно продолжается по сей день...»

Прошло с тех пор немало лет... Однажды уже широко известный поэт Александр Безыменский посетил кремлевскую квартиру Ленина с группой московских комсомольцев. Они сразу прошли в рабочий кабинет Владимира Ильича. Александр Ильич разволновался, ведь здесь он был у Ленина с группой членов президиума I съезда комсомола. И вот спустя почти 40 лет Безыменский снова перешагнул порог кремлевского кабинета Ленина. Комсомольцы 60-х годов внимательно слушали человека, который был современником Ленина, встречался с ним, слушал его речь на III съезде РКСМ.

Александр Ильич попросил провести его в комнату Марии Ильиничны. Он сказал: «Я впервые здесь, в кремлевской квартире Ульяновых, впервые вижу, как жила Мария Ильинична». Он подошел к шкафу, внимательно рассматривая стоящие на полках книги, и вдруг воскликнул: «Как интересно, все мои книги Мария Ильинична сохранила!» На «Комсомолии», подаренной Марии Ильиничне в 1924 году, такая надпись: «Светлой радости комсомола Марии Ильиничне.

А.Безыменский. 24.IX.1924 г.».

Поэт удивительно точно передал в этих словах безграничную любовь молодежи к сестре Ильича.

Мария Ильинична пристально следила за творчеством своего «крестника» в поэзии.

И, вспоминая о той роли, которую сыграла Мария Ильинична в его жизни, Александр Ильич Безыменский сказал: «Нам, молодым, она прокладывала дорогу, способствовала нашему творческому росту, всегда поддерживала своим авторитетом».

Неизвестно, как сложилась бы творческая судьба драматурга Николая Федоровича Погодина, автора трилогии о Ленине. В начале своего пути он сразу попал под влияние Марии Ильиничны. Долгие годы он был газетчиком, собственным корреспондентом «Правды». Под руководством Ульяновой Погодин прошел хорошую школу.

Погодин, вспоминая о своей работе в редакции, писал:

«Мария Ильинична была строга, требовательна и умела накричать. Фактически она везла весь воз редакции. И вот теперь я вижу ее, пробегающей по длинному нашему коридору обычно с

рукописью в руках. Она любила забежать в отдел и в отделе вместе со всеми сотрудниками разобраться в материале, а то и распушить нашего брата, в особенности за небрежности, неграмотность — словом, за плохое качество работы.

Мария Ильинична обладала огромной властью, мы ее боялись, мы ее бесконечно уважали, не боюсь слова «чтили». Да, чтили, хоть она могла быть подчас несправедливой, могла вспылить, имела свои слабости, и вместе с тем мы тогда не знали угнетающего чувства дистанции, которое отделяет малых от больших».

Телеграмму Ульяновой, адресованную ему, молодому корреспонденту из Ростова, Николай Погодин берег всю жизнь как самую ценную реликвию: «Телеграфируйте согласие быть постоянным корреспондентом «Правды» с Дона».

Мария Ильинична посылала его в творческие поездки в самые различные районы нашей страны, на стройки, в колхозы. Погодин исколесил Дальний Восток, Урал. А в 1930 году в Театре Вахтангова москвичи увидели первую пьесу еще никому не известного автора Н.Погодина. Название этой пьесы «Темп». Пьеса была встречена хорошо и зрителями и критикой. Мария Ильинична искренне радовалась за начинающего драматурга.

Тесное общение с сестрою Ленина, ее рассказы о Владимире Ильиче оказали огромное, благотворное влияние на все дальнейшее творчество писателя. Погодин пришел в расцвете своего творческого пути к ленинской теме. Его перу принадлежит трилогия: «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая».

Когда писатель готовил пьесу «Человек с ружьем», Мария Ильинична уже не работала в «Правде». Они встречались редко. И драматург звонил ей вечерами по телефону и просил послушать тот или иной отрывок. Он внимательно прислушивался к ее советам и пожеланиям. Наконец пьесу увидели зрители, впервые она шла в Театре имени Вахтангова. О воздействии пьесы на зрителя писала Н.К.Крупская: «На пьесе Н.Погодина в театре Вахтангова публика реагирует на манер рабочих французского предместья на волнующую их пьесу: зрители аплодируют победам рабочих, успехам братания, делают вслух замечания, восклицают — видно, переживают пьесу вместе с автором и артистами, ее играющими. Это, по-моему, очень большое достижение».

Это была высшая оценка творчества Николая Погодина.

Не без влияния Марии Ильиничны очень быстро вырос из газетного репортера в блестящего журналиста Михаил Кольцов. Социальная направленность его фельетонов, острое и меткое перо нашли яркое выражение в литературно-философских зарисовках, собранных под одним заглавием «Сотворение мира». Свой труд он не раз показывал Марии Ильиничне, консультировался по многим вопросам, затронутым в книге. И когда книга вышла, М.Кольцов подарил ее Марии Ильиничне с надписью: «Дорогой Марии Ильиничне, кому автор обязан очень многим в содержании этих книг от любящего Мих.Кольцова. Июль 1925 год».

Мих. Кольцов вел в «Правде» отдел фельетона. Мария Ильинична хотела, чтобы в «Правде» фельетон на самую актуальную тему стал обязательным в каждом номере, поэтому наряду с М.Е.Кольцовым к сотрудничеству в газете привлекались такие видные советские фельетонисты, как Г.Рыклин, А.Зорич, Тихон Холодный, Д.Заславский и другие.

Постепенно «Правда» стала первой и главной школой советского фельетона.

Мария Ильинична любила побеседовать с сотрудниками редакции еще до выхода номера, выслушать мнение каждого. Она всегда заботилась о живости и литературном разнообразии номеров.

О роли Марии Ильиничны в жизни редакции, в становлении газеты очень образно рассказывает известный советский фельетонист Д.Заславский: «Официально Мария Ильинична была только ответственным секретарем редакции. Было несколько членов редколлегии. Некоторые бывали в редакции, а некоторых я так никогда и не встретил. Мария Ильинична была фактически редактором.

В большом полутемном кабинете за огромным столом она казалась совсем маленькой. Я смотрел на Марию Ильиничну Ульянову, как и многие другие, с чувством, близким к обожанию. Я искал в ее лице отражение черт Владимира Ильича. Я думал: да ведь это же «Маняша» — так любовно называл ее Владимир Ильич, — его младшая сестра, постоянная и незаменимая помощница. Но знакомым был только чудесный высокий лоб да еще небольшие, но удивительно живые и проницательные глаза. Они смотрели не только на вас, но и в вас, как бы заглядывая в самую душу. Ленинской была ее замечательная скромность...

Она была редактором требовательным и строгим. Но она никогда не приказывала, никогда не командовала. Она поддерживала дисциплину в многочисленном и беспокойном коллективе единственно силой своего обаяния...

Вместе с другими она создавала «Правду», и то, что она делала, становилось в последующие годы традицией ленинской партийности.

Она матерински заботливо относилась к сотрудникам. Она высоко ценила инициативу каждого, обладала широтой взглядов и терпимостью к чужому мнению. Строгая и даже как будто суховатая по своему внешнему облику, Мария Ильинична очень любила и ценила хорошую шутку, подлинное остроумие. Возможно, в молодости она была смешлива. Я редко видел, как она смеется, но часто видел ее милую и добрую улыбку, в особенности когда приходил в ее кабинет, возвратившись из дальних странствий, Михаил Ефимович Кольцов и рассказывал забавные истории».

Ее работоспособность восхищала и изумляла всех сотрудников. Она вносила в редакцию какой-то молодой задор, жизнерадостность и кипучую энергию.

Для себя у нее не было никаких привилегий, ни минуты свободного времени. Ей нравилась такая жизнь: кругом люди, она — в центре важнейших новостей и событий, интересные встречи, близость к рабочим. Все это давало силы пережить неурядицы быта, холод и голод. В редакции Марию Ильиничну всегда ждали с нетерпением: ее любили и уважали безмерно. Как-то незаметно ее стали называть «душой редакции». Она обладала редким даром — притягивать к себе умных, хороших людей, вокруг нее всегда был народ, слышался смех и шутки.

Тогда часто в журналах печатались дружеские шаржи.

Однажды художник Борис Ефимов нарисовал дружеский шарж, где была изображена и Мария Ильинична... «Это был большой многофигурный разворот под названием «Пленарное заседание московских журналистов» — карикатуры на наиболее популярных редакторов, публицистов и фельетонистов того времени. Здесь можно было найти А.Луначарского и П.Керженцева, В.Попова и Б.Волина, Ю.Стеклова и К.Еремеева, Д.Бедного и многих других. Марию Ильиничну, намекая на ее руководящую и неутомимую деятельность в рабселькоровском движении, я изобразил в виде заботливой «мамки» с великовозрастным «ребеночком»-рабкором на руках», — писал Борис Ефимов.

Ни одно новое явление в жизни Советской страны не оставалось не замеченным Марией Ильиничной. Она хорошо знала и высоко ценила романы замечательного писателя-борца, несгибаемого коммуниста Николая Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Последние годы своей жизни писатель вместе с семьей жил в Сочи. В 1934 году Мария Ильинична и Дмитрий Ильич, находясь в Сочи, навестили больного писателя. Они в числе первых поздравили его с орденом Ленина.

Сохранилось письмо Н. Островского:

«Дорогие и любимые Мария Ильинична и Дмитрий Ильич!
С большой искренней радостью прочел Ваше поздравление.
Бывают минуты, когда нет слов, чтобы сказать все.
Но Вы ведь верите, как я счастлив.
Крепко, крепко жму Ваши руки.
Надолго сохраню в своей памяти нашу встречу.
Любящий Вас Н. Островский»⁸³.

Это письмо писатель отправил незадолго до своей смерти.

Мария Ильинична писала тогда родным Николая Островского:
«Дорогие мои, любимые Ольга Осиповна, Рая, Екатерина Алексеевна и
Дмитрий Алексеевич!

Слов нет сказать, как больно, что нет уже Вам родного, родного нам
всем Николая Алексеевича.

Что это был за замечательный мужественный, кристальный человек!

Моя встреча с ним, хотя и кратковременная, оставила на мне
неизгладимое впечатление.

И всегда, когда бывало после тяжело, вспоминалась его
необыкновенная жизнь, желание побороть все и всякие препятствия,
сохранить мужество и неустанно работать»⁸⁴.

В конце 1936 года уже после смерти Н.Островского его семья прислала
в подарок Марии Ильиничне последний роман писателя «Рожденные
бурей».

На форзаце книги читаем дарственную надпись:

«Дорогой и любимой Марии Ильиничне от матери Коли и
его семьи.

Ольга Осиповна Островская (написано рукой матери. —
Авт.), Рая Островская. Москва 26/XII-36 г.»

Часто в редакцию заглядывал крупный советский писатель Александр
Серафимович Серафимович. Когда он закончил свой замечательный роман
«Железный поток», Мария Ильинична уговорила его читать отрывки из
романа на собраниях рабкоров. И вот каждую пятницу в рабкоровском
клубе «Правда» появлялись Мария Ильинична и Александр Серафимович.
Писатель скромно усаживался между печной и стеной и начинал читать...

Рабкоры вместе с Марией Ильиничной оказались первыми читателями

романа.

Мария Ильинична обладала удивительным талантом собирать вокруг себя инициативных, способных людей. Она сумела привлечь к активному сотрудничеству всегда занятого Анатолия Васильевича Луначарского. Нарком просвещения любил беседовать с обаятельной и остроумной сестрой Ильича, выполнял все ее «задания» и просьбы.

Однажды поздно ночью в редакцию пришло экстренное сообщение о смерти прекрасного драматического актера А.И.Сумбатова-Южина.

И вот ночью Мария Ильинична решила побеспокоить Анатолия Васильевича. Только он мог дать к утру статью об этом замечательном артисте Малого театра.

«— Извините меня, дорогой Анатолий Васильевич, — вполголоса говорила Мария Ильинична по телефону, — но у нас буквально безвыходное положение. Вы знаете, что умер Южин?

— Слышал, да.

— Не продиктуете ли нам хоть небольшую заметку? Уж извините, что разбудила...

— Ничего, ничего. Для вас я всегда готов».

...К телефону садится стенографистка, и через полчаса на редакторском столе целый «подвал» — блестящая статья Луначарского, посвященная памяти Южина. Утром статья уже в газете.

Весной 1927 года газета отмечала пятнадцатилетний юбилей. Мария Ильинична в статье «Пятнадцать лет «Правды» писала: «...История «Правды» — это история рабочего движения с 1912 года, когда подъем массового движения вынес на гребне все вздымающейся революционной волны первую ежедневную рабочую газету...

...Пусть же и впредь она является нашим знаменем, верным хранителем ленинских заветов, единства нашей партии, воспитателем широких масс новых строителей, которые доведут до конца дело строительства социализма».

В эти юбилейные дни сотрудники редакции решили отметить заслуги Ульяновой и рассказать читателям газеты об ответственном секретаре редакции, рассказать о том бесценном вкладе, который она внесла в дело создания и становления большевистского органа печати. Мария Ильинична отвергала категорически какие-либо попытки отметить ее работу в «Правде». Тогда сотрудники редакции написали коллективную статью под скромным названием «Мария Ильинична», статья была напечатана в газете 6 мая 1927 года за подписью 42 правдистов.

Товарищи писали: «Невозможно учесть, скольким обязан коллектив

работников «Правды» и как, может быть, виноват он перед ней, временами позволяя ей взваливать на свои плечи огромную, непосильную для одного человека работу... Каждый механизм имеет свою двигательную пружину. Неутомимой, всегда туго заведенной стальной напряженной пружиной, в течение десяти лет толкающей кругооборот газетного дня «Правды», была, есть и, вернее, долго еще будет Мария Ильинична. Без нее мы, работники «Правды», не можем представить себе наши трудовые будни; вместе с ней мы счастливы праздновать в эти дни всесоюзный юбилей «Правды».

Забота о ленинском наследии

Наступил апрель 1920-го. В этом году Владимиру Ильичу исполнилось пятьдесят лет. Мария Ильинична обегала все букинистические магазины Москвы. Она во что бы то ни стало хотела достать немецко-русский словарь для Владимира Ильича. Она знала, что Владимир Ильич давно мечтал иметь такой «толстенный словарь». Наконец ей повезло: на Кузнецком мосту у букиниста она нашла то, что искала так долго, — немецко-русский словарь под редакцией Тиандера. Словарь оказался отменным — по существу, он превосходил все выпущенные до сих пор. В подзаголовке так и значилось: «Энциклопедия немецкого языка». Рано утром 23 апреля⁸⁵ Мария Ильинична положила на тумбочку у кровати Владимира Ильича словарь. На титульном листе она написала: «Дорогому Володе от горячо любящей его Маняши. 23-10-IV-20».

Мария Ильинична горячо любила Владимира Ильича, они до последних дней оставались большими друзьями. Его отношение к Маняше было трогательным и нежным... Л.А.Фотиева, вспоминая об их дружбе, писала: «Мария Ильинична рассказывала... как заботится о ней Владимир Ильич. В сырую погоду проверял, надела ли она калоши; если видел ее утомленной, спрашивал, не очень ли она «переустиала». Однажды во дворе Кремля я встретила Владимира Ильича и Марию Ильиничну на прогулке. Мы с Марией Ильиничной затеяли игру в снежки. Веселая игра продолжалась до тех пор, пока мои снежки не засыпали воротник Марии Ильиничны.

Владимир Ильич подошел к ней и заботливо стряхнул снег, чтобы он не попал ей за воротник».

Такие минуты отдыха случались редко. «Когда вырывалась свободная минута, любил он, — вспоминает Крупская, — забрав меня и Марию Ильиничну, ездить по окрестностям Москвы, ездить все в новые места, ехать и думать, дыша полной грудью».

В семье Ульяновых любовь к природе, к раздолью русских полей и лесов привила детям мать. Мария Ильинична вспоминала уже после смерти Владимира Ильича:

«Любимым его отдыхом были прогулки. Он старался отыскивать новые красивые места, по преимуществу более безлюдные, ездил на далекие прогулки на велосипеде, и это давало ему настоящий отдых от умственной работы, от трепки нервов...

За исключением кратковременных поездок на отдых в деревню (за границей), во время которых он, конечно, тоже не порывал с политической работой, я не знаю ни одного месяца, больше того, ни одного дня, когда бы он не жил жизнью партии, не болел ее неудачами, не радовался ее успехам».

В начале двадцать второго года Владимир Ильич чувствовал себя уже плохо. Он все чаще уезжает в Горки. Сотрудники редакции видели, как изменилась Мария Ильинична. Она редко смеялась, выглядела усталой, часто звонила домой, а однажды сказала с горечью: «Не уберегли мы Ильича». И ей вспомнилось, как еще в 1918 году в Петрограде пришел в «Правду» рабочий и принес стихотворение о вожде. Каждая строка кончалась как бы припевом: «Товарищи, братья! Великих своих берегите вождей!»

Весну и лето 1922 года Ленин с семьей прожил в Горках. Там Владимир Ильич чувствовал себя лучше, стал совершать длительные прогулки, спускался к реке.

Однажды в Горки пришла посылка из Пермской губернии от пчеловода Кузнецова. А в посылке две рамки душистого июльского меда. Владимир Ильич попросил Марию Ильиничну поблагодарить пчеловода. Она пишет в деревню Баской Пермской губернии: «Дорогой товарищ! Ваш подарок мы получили, и Владимир Ильич поручил мне написать Вам и поблагодарить за вкусный мед и добрые пожелания. Владимир Ильич теперь поправляется и, надеемся, скоро снова может приняться за работу. Его очень интересует, как поставлено дело на Вашей пасеке, давно ли Вы там работаете. Напишите как-нибудь об этом.

Еще раз спасибо Вам, привет и пожелание успеха в работе от Вл.Ильича»⁸⁶.

В конце лета Владимир Ильич вычитал где-то об успешной деятельности канадской научно-растениеводческой организации «Обновление земли». 18 сентября 1922 года Мария Ильинична писала И.Горбунову в Берлин: «...И-чу хотелось бы связаться с организаторами «Обновл. земли», чтобы выписывать оттуда семена, книги и пр. Хотелось бы также пересадить и флору Канады в РСФСР и, в частности, в наш совхоз. Можно снестись и с канадскими земледельческими и садоводческими фирмами?

Видимо, этот вопрос очень его занимает, так что он часто к нему возвращается.

В нашем совхозе кое-что уже делается: подбираются люди,

подходящие для проведения такого плана, сносимся с разными садоводствами и пр., И-ч теперь молодцом, рвется к работе и с 1-го будет уже, вероятно, в городе. Но работать придется с частыми передышками, и «образцовый совхоз», если его удастся создать, будет хорошим местом для этого...»⁸⁷

В октябре Владимир Ильич вернулся в Москву. Уже 3 октября он председательствует на заседаниях Совнаркома, и снова в его кабинете до позднего вечера горит свет.

В эти дни к Марии Ильиничне обратились с не совсем обычной просьбой. В 1922 году приехал в Москву американский художник Оскар Цезаре. Он делал портреты выдающихся деятелей партии большевиков для прогрессивных американских журналов. В США хотели знать о тех людях, которые изменили мир, и, конечно, о Ленине. Но вот с Владимиром Ильичем Цезаре и не мог встретиться, Ленин был болен и большую часть времени проводил в Горках, а когда приезжал в Москву, был так загружен работой, что ни о каком позировании художникам секретари не хотели слышать. Цезаре выручил случай. «Как-то встретился с одним знакомым коммунистом, — вспоминал художник, — энергичным, находчивым. Он-то сделал для меня все.

В дождливый вечер мы отправились в «Правду», официальный орган партии. Там я встретил сестру Ленина, Ульянову, женщину средних лет, с милым лицом, стального цвета волосами, карими глазами и изящными манерами. Говоря со мною по-немецки, она согласилась устроить дело при условии, что выручка от продажи портрета Ленина пойдет в пользу голодающих русских детей. С радостью, ответил я. Она тут же позвонила своему брату и получила его согласие».

Это было так необычно, что, когда Мария Ильинична сообщила о согласии Владимира Ильича принять художника Лидии Александровне Фотиевой, та с трудом поверила в это. В книге, где секретари Совнаркома отмечали приемы и поручения Ленина, появилась следующая запись: «В пятницу, 13 октября, Владимир Ильич обещал (через Марию Ильиничну) принять Цезаре (художника) днем на 10 минут для зарисовки Владимира Ильича».

Мария Ильинична понимала, как дорога каждая минута Владимира Ильича, вместе с тем она знала, какое большое значение придает он установлению контактов — торговых, культурных, политических между деятелями России и Америки, и потому решила обратиться к брату с этой просьбой. Цезаре назвал свои воспоминания «Сеанс в счастливую пятницу», в них он дает правдивый и точный портрет Владимира Ильича:

«Передо мной был вызывающий более всего дискуссий, интереснейший человек мира нашего времени. Он поднялся с кресла и прошел до самой двери, чтобы пожать мне руку.

Если бы вы не знали, что он был болен, никогда бы этого не подумали. Вы бы скорее подумали, что он от природы несколько бледен. Мне показалось, что он ростом 5 футов и 4 дюйма. Лицо его осветилось широкой улыбкой, когда он здоровался со мной... У него приятные манеры его сестры, хотя они, кроме роста, друг на друга не похожи.

Его рыжевато-красная борода поседела. Глаза темные... Он несколько наклоняется и пронизывает тебя пытливым и живым взором. Когда он улыбается, его лицо освещается живым выражением».

В благодарной памяти художника рядом с великим Лениным навсегда осталась и Мария Ильинична — сестра, друг, помощник, партийный работник и обаятельная женщина. Цезаре был последним художником, рисовавшим Владимира Ильича с натуры.

Болезнь Ленина прогрессировала, и в ноябре Владимир Ильич чувствовал себя неважно. Тем не менее 13 ноября 1922 года Ленин выступил на утреннем заседании IV конгресса Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».

Владимир Ильич говорил по-немецки, зал ловил каждое его слово. А рядом около трибуны сидела Надежда Константиновна, готовая в любую минуту прийти на помощь. Мария Ильинична в эти часы находилась в редакции, работала над очередным номером газеты. Несколько раз она звонила в Президиум конгресса, узнавала, как говорит Ленин. Ее успокаивали: «Гром оваций потрясает зал, все стоя приветствуют Ленина».

Конец ноября и начало декабря Владимир Ильич продолжал работать, но 12 декабря вечером он почувствовал себя плохо. 16 декабря он слег совсем.

В январе — феврале 1923 года Ленин диктует последние теоретические статьи и письма: «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». В этих статьях Ленин подводит итоги деятельности партии в первые годы Советской власти и намечает конкретные пути дальнейшего строительства социализма в нашей стране.

О последних работах Ленина Мария Ильинична писала так: «...он последним мощным усилием дал, может быть, лучшее из всего, что он писал во всю свою жизнь. Он диктовал эти статьи стенографистке, потом заставлял прочитывать ее написанное и исправлял. Врачи не сразу разрешили ему эту работу, но скоро им пришлось уступить». 2 марта Ленин

закончил диктовать последнюю статью «Лучше меньше, да лучше». 3 марта Мария Ильинична принесла Владимиру Ильичу свежую корректуру. Он внимательно просмотрел весь материал и попросил немедленно сдать в печать. И 4 марта на страницах центральных газет была опубликована последняя статья Ленина, и все полагали, что Владимир Ильич поправился и приступил к работе.

Вечером 9 марта, как всегда, Мария Ильинична сидела у постели Владимира Ильича, они тихо беседовали, в соседней комнате отдыхала Надежда Константиновна, она дежурила ночью, боясь оставить Владимира Ильича хотя бы на минутку одного. Впоследствии в своих воспоминаниях Мария Ильинична расскажет об их последней беседе, перед тем как Владимир Ильич навсегда потеряет речь.

«...за несколько часов до потери Ильичем речи мы сидели у его постели и перебирали минувшее. «В 1917 г., — говорит Ильич, — я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 г. — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого и не было...»

Через два часа Владимир Ильич потерял сознание. Всю ночь продолжался приступ. Всю ночь Мария Ильинична простояла у постели брата. Утром врачи сказали ей, что положение донельзя тяжелое: больной лишился дара речи, снова паралич более серьезной формы, чем первый. Осталась одна надежда: Владимир Ильич от природы был сильным и здоровым человеком. Врачи надеялись, что организм сможет справиться с болезнью... А пока борьба за каждый день, за каждый месяц, борьба с тяжелейшим недугом, который обрушился на Ленина. Близкие поняли, что Владимиру Ильичу угрожает смерть. Мария Ильинична решила на время оставить работу в редакции, чтобы быть все время рядом с Ильичем и поддерживать Надежду Константиновну, которая чувствовала себя очень плохо, и помогать ей. Все ее помыслы о здоровье брата. А в «Правде» волнуются и ждут ее сотрудники и товарищи. Приближается День печати. В Горки приходит дружеское послание: «Дорогая Мария Ильинична! Сотрудники и рабкоры отдела «Рабочая Жизнь» «Правды» приветствуют Вас, как основательницу Отдела «Рабочая Жизнь», чей внимательный глаз и твердая рука отчетливо сказывались на каждой заметке, на каждой строчке за все время существования Отдела.

Теперь, когда Вас нет с нами (уверены ненадолго), мы больно чувствуем Ваше отсутствие. Тем не менее мы твердо помним и, по мере сил, выполняем Ваши указания.

В настоящий праздник рабочей печати мы горячо приветствуем Вас. С

нетерпением ждем Вашего возвращения к работе.

К празднику рабочей печати мы счастливы сообщить Вам об открытии при «Правде» клуба красных директоров и рабочих корреспондентов имени Марии Ильиничны Ульяновой. Таким образом, Вами начатое дело, дело смычки рабочих хозяйственников и рабочих корреспондентов, получило свое осуществление...»⁸⁸ Среди тех, кто подписал письмо, и Наташа Пилацкая, и Ольга Тоом, и Владимир Куканов, и многие другие. Мария Ильинична читала письмо и думала о том, как быстро растут люди, как крепнут связи с широкими массами, как ширится актив «Правды». Она показала письмо Владимиру Ильичу — ведь он всегда так ратовал за создание рабоче-крестьянского актива вокруг «Правды».

Лето провели в Горках вместе. Мария Ильинична и Надежда Константиновна всюду сопровождали Владимира Ильича. Совершали пешие прогулки по окрестным лесам и полям. Иногда выезжали на машине в соседний лес. «На днях ездили сравнительно далеко в лес за брусничкой. Ильич любит детей, и с крестьянскими ребятами у него всегда длинные и веселые разговоры. Часто, бывало, мы дорогой забирали целый автомобиль белокурых головок и катали их», — вспоминала Мария Ильинична.

За несколько дней до заседания коллегии она разбирала неотложные дела, кое-что из срочных материалов и писем увезла с собой в Горки, надеясь найти минуту и просмотреть их. А своему заместителю Попову-Дубовскому оставила записочку:

«В.С.! Мне очень жаль, что я Вам передаю дела, не упорядочив их предварительно, но у меня заболел брат, и я бросила все вверх тормашками...

Если хотите, чтобы я разобралась в загоне, который завтра тиснут весь, пришлите мне его сюда, я верну скоро. Могу и в рукописях здесь разобраться. Пока до свидания. Привет всем.

М.Ульянова».

Она обращается к В.С.Попову-Дубовскому, заместителю ответственного секретаря «Правды», с просьбой предоставить ей отпуск «ввиду особо важных причин». Причина всем ясна — тяжелая болезнь брата.

Сохранилось постановление редакционной коллегии «Правды»:

«Об отпуске М.И.Ульяновой.

Предоставить Марии Ильиничне отпуск с 1 сентября 1923 года ввиду особо важных причин.

Просить ее, насколько она найдет возможным, помогать «Правде» советами, особенно рабочему отделу»⁸⁹.

И хотя Мария Ильинична понимала, что Владимир Ильич смертельно болен, она и виду не показывала. Держалась ровно и спокойно, была очень внимательна и нежна с Надеждой Константиновной, старалась каждую свободную минуту побыть рядом с братом.

Осенью в здоровье Владимира Ильича наблюдалось некоторое улучшение, он начал понемногу ходить. И вот неожиданно для всех 18 октября в полдень, «как там врачи ни упорствовали, но в Москву мы все-таки выбрались», — вспоминала Мария Ильинична: Мария Ильинична была рядом с Владимиром Ильичем. В тот день они остались ночевать в кремлевской квартире, а на другое утро, прежде чем вернуться в Горки, на машине проехали по территории первой сельскохозяйственной выставки РСФСР. Мария Ильинична вспоминала, что настроение Владимира Ильича в часы посещения выставки было оживленное, радостное. И после возвращения Владимира Ильича в Горки врачи констатировали временное улучшение в его здоровье.

После осмотра выставки Владимир Ильич попросил Гиля проехать по главным площадям и улицам столицы. Мария Ильинична понимала брата — он прощался с Москвой.

Поздно вечером Ульяновы вернулись в Горки. Владимир Ильич был заметно расстроен.

Осенью 1923 года Мария Ильинична стала появляться в редакции, помогала решать ряд неотложных вопросов и, забирая кучу рукописей с собой в Горки, говорила: «Пришлю утром, ведь какая длинная ночь впереди». Утром на столе главного редактора лежали правленные рукописи...

Однажды она присутствовала на очередном собрании рабкоров, как вдруг в комнату вбежала напуганная секретарша: «Мария Ильинична, вас срочно просят к телефону из Горок».

«Мы видели, как сразу переменялось ее лицо, — вспоминал А.Зуев. — А через минуту слышали ее болезненный вскрик из соседней комнаты. Она тут же вернулась, торопливо одеваясь на ходу. Всегда живые ее глаза померкли, лицо стало бескровным, губы дрожали.

— Вы уж тут без меня...

И, не договорив, схватила свой портфель и выбежала.

На другой день мы узнали, что в здоровье Ленина наступило резкое ухудшение».

Настроение было тревожным. Мария Ильинична в редакции почти не появлялась. Срочные материалы ей пересылали в Горки. По вечерам она звонила и приглушенным, каким-то угасшим голосом спрашивала: «Ну как вы там? Что нового?» И никогда не жаловалась. Правда, она совсем не могла спать. Ночами, накинув на плечи теплый платок, тихонько ходила по затемненным комнатам горкинского дома, подолгу стояла у дверей комнаты Владимира Ильича. Иногда она забывалась тяжелым коротким сном.

Однажды — это было в начале января — Мария Ильинична простудилась и затемпературилась, лежала и все думала об Ильиче.

«...По случаю температуры видела сон: будто Ильич стал говорить, — пишет она Шушанике Никитичне Манучарьянц, — эх, как бы сон был в руку!»⁹⁰

Близкие и товарищи поражались ее стойкости, силе ее воли, присутствию духа. Эти качества она, несомненно, унаследовала от матери. Так же, как и Мария Александровна, она умела быть твердой и спокойной в труднейшие минуты жизни.

Иногда ей казалось, что Владимиру Ильичу лучше, что он поправляется. Вот и сегодня, 20 января утром, когда принесли почту и там оказался большой альбом с фотографиями и брошюра — подарок Ильичу от бывших красноармейцев Таманской армии, Владимир Ильич внимательно перелистал альбом, просмотрел брошюру и попросил Марию Ильиничну ответить. И Мария Ильинична тотчас ответила письмом.

«Дорогие товарищи!

По поручению Владимира Ильича шлю Вам горячее спасибо за альбом и теплые пожелания.

Альбом он просмотрел с большим удовольствием. Сожалея, что представители славных таманцев не могли быть лично приняты Владимиром Ильичем, выражаю надежду, что в недалеком времени здоровье его настолько поправится, что он сможет сам поблагодарить и поприветствовать.

С горячим приветом М.Ульянова»⁹¹.

А на другой день после обеда Владимиру Ильичу стало совсем плохо. В 18 часов 50 минут он скончался.

Наутро 22 января вокруг дома в Горках собралось несколько сотен людей.

В тот год морозы стояли очень сильные, дорога до станции была завалена сугробами. Близкие уговаривали жену и сестру Ленина доехать до поезда на санях, но они наотрез отказались. Взяв под руку Надежду Константиновну, Мария Ильинична твердо сказала: «Мы пойдем пешком со всеми...»

Снежная дорога убегала к горизонту, и, сколько можно было охватить взором, везде одни люди, они стояли вдоль дороги с непокрытыми головами. Это крестьяне окрестных сел пришли проводить Ильича...

Мария Ильинична все делала, чтобы поддержать Надежду Константиновну. Они везде были вдвоем. Вечерами подолгу сидели в опустевшей кремлевской квартире. Телефоны молчали: знакомые и друзья старались не беспокоить их. Они перебирали фотографии, сделанные Марией Ильиничной в последние месяцы жизни Владимира Ильича в Горках. Она специально научилась фотографировать, чтобы запечатлеть брата в минуты отдыха, в кругу семьи.

Вечером 24 января на стол Марии Ильиничне положили большой конверт — это пришло соболезнование из Центральной Контрольной комиссии РКП. Товарищи писали ей: «Дорогая Мария Ильинична! В дни великой потери, которую понесли партия, рабочий класс, трудящиеся всего мира, Центральная Контрольная комиссия РКП выражает уверенность, что Вы, Мария Ильинична, родная Ильичу не только по крови, но и по духу, в умении настойчиво и неуклонно служить рабочему классу, найдете в себе силы настойчиво и неуклонно продолжать то дело, которому Вы отдавали всю свою энергию, всю свою силу».

Горе не сломило ее. Сотрудники редакции были немало удивлены, когда на следующий день после похорон Мария Ильинична вошла в свой кабинет. На недоуменные взгляды товарищей сказала: «Что же теперь делать. Работать надо». И она с головой окунулась в работу... Дел за ее отсутствие накопилось немало. Стол был завален рукописями. Пачки писем лежали нераспечатанными. Много писем со словами соболезнования и теплого участия... Без конца звонили телефоны, и только замолчал навсегда «верхний», никогда она не услышит голос Владимира Ильича, никто не спросит ее, не «переустила» ли она очень и не пора ли домой...

Теперь заботу о Крупской Мария Ильинична полностью берет на себя, она звонит в Наркомпрос и спрашивает у ее секретаря В.С.Дридзо: «Как там Надежда Константиновна?» И если у Крупской нет приема или заседаний, то просит соединить с ней, чтобы сказать Надежде Константиновне несколько слов, подбодрить ее как-то. Но усталость, нервное напряжение сделали свое дело, уже в начале февраля Мария

Ильинична сильно простудилась и слегла надолго. Она пишет в редакцию своему заместителю:

«Дорогой В.С.!

Я свалилась: у меня плеврит и воспаление правого легкого. Пахнет минимум 2 неделями; как ни грустно, а придется Вам отложить свою поездку в Чайку.

Всего хорошего. М.Ульянова 9/II.

Посылаю рукописи. Раздайте по принадлежности.

В.С.! В столе листки с намеченными статьями и пометки, кто их берет. Эти пометки надо продолжить со звонков и записок авторов. В частности, там есть записка Ларина, ее надо согласовать с др. авторами и позвонить ему. Статья Керженцева (речь идет о статье «Ленин и газета». — Авт.) для «Рабкора». Моя заметка в столе не для печати.

С прив.

М.Ул.».

Вечерами Мария Ильинична разбирала письма Владимира Ильича к ней, присланные из Парижа и Шушенского, из Женевы и Лондона... Как это было недавно... В ее личном архиве оказалось несколько рукописных работ Ленина, она еще раз бережно перелистала их, аккуратно сложила в портфель и позднее передала в Институт Ленина. В Центральном партийном архиве ИМЛ хранится документ, который гласит: «...Получено Институтом Ленина от М.И.Ульяновой рукописи В.И.Ленина.

1) «Великий почин» на 61 л.

2) «Государство и революция» 83 л.

3) «Проект декрета о раб. контроле» на 2 л. со справкой т.Лозовского. 6/VI-24 г.»⁹².

Просматривая как-то очередную корреспонденцию, Мария Ильинична обратила внимание на знакомый почерк. Она быстро распечатала конверт, да, она не ошиблась, письмо от Василия Александровича Савельева, с детьми которого она когда-то занималась математикой и французским языком.

«Дорогая Мария Ильинична,

я намеренно не писал Вам ничего за это время, кроме короткого письма в день смерти В.И., все слова казались ненужными, лишними. И теперь я хочу только сказать Вам, что

мое искреннее желание быть членом РКП и тем самым быть неразрывно со всеми Вами — действительными товарищами. Я все же не решался вступить в партию, имея даже Вашу рекомендацию, только потому, что все думал, чтобы из-за меня не было лишнего упрека партии...»

Савельев писал, что теперь он много работает и для него нет личной выгоды «примазаться к партии». «...И для детей мне хочется через себя сблизить их также с требованием новой жизни»⁹³. Мария Ильинична радовалась, она знала, что партия приобретает стойкого борца, и гордилась, что в этом есть и ее заслуга.

После смерти Ленина его рабочий кабинет был закрыт, ключи находились в комендатуре и у Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Иногда они ходили туда, следили за уборкой.

Однажды Марии Ильиничне передали просьбу студентов Университета имени Я.М.Свердлова. Они хотели бы осмотреть кабинет Владимира Ильича. Она ответила согласием, но сама не могла встретить их, так как болела, да и горе ее было слишком свежо. Каждый раз, входя в кабинет, она испытывала невыносимую боль: никогда Владимир Ильич не сядет за свой стол, не возьмет любимой книги, не позвонит здесь телефон. Студенты передали ей письмо:

«Многоуважаемая Мария Ильинична! Очень благодарим за данное разрешение осмотра комнат Владимира Ильича, нашего дорогого вождя, и желаем Вам скорейшего выздоровления.

С коммунистическим приветом группа студентов-свердловцев. 24.II.1924»⁹⁴.

Тогда Мария Ильинична впервые серьезно задумалась о сохранении кремлевского кабинета Ленина для потомков, она понимала, что придет время и кабинет Ильича станет музеем. Этим она будет заниматься долгие годы. Сохранились документы, свидетельствующие о ее постоянной заботе о сохранности кремлевского кабинета и вещей, хранящихся в нем.

«Коменданту Кремля Петерсену

Копия: Ульяновой М.И.

Мне звонила Мария Ильинична, что в кабинете Владимира Ильича сильно выгорают от солнца стены, мебель, книги и др. предметы.

Прошу Вас распорядиться повесить темные занавеси на окна или вставить стекла, не пропускающие ультрафиолетовые лучи.

Управделами СНК СССР и СТО Горбунов.

3 мая 1930 г.⁹⁵.

По предложению Марии Ильиничны была создана специальная комиссия. Осмотрев вещи и мебель, находившиеся в кабинете, комиссия рекомендовала: «Сохранить существующую печь, сделав отопление другой системы, не изменяя внешнего вида комнаты. Рекомендовано: гидрометр, вторые внутренние занавески, реставрация дивана, дополнительные чехлы на все предметы, существующую электропроводку сохранить без изменений, произвести научную инвентаризацию и общую опись предметов, предлагается произвести цветную и черную фотографию и зарисовки как всего кабинета в целом, так и отдельных предметов, установить наблюдение специалистов со стажем музейной работы»⁹⁶.

Эти меры, принятые вовремя благодаря заботам Марии Ильиничны и Надежды Константиновны, сыграли важную роль в сохранении обстановки кремлевского кабинета Ленина и дали возможность современникам нашим, людям 70-х годов, видеть и ощущать подлинную атмосферу кремлевской квартиры, где жил и работал Владимир Ильич.

К этому же периоду относится переписка Марии Ильиничны с советским пресс-аташе в Париже Александром Аросевым по вопросу сохранности квартиры Ульяновых по улице Мари-Роз, 4.

«Дорогая Мария Ильинична!

Очень и очень рад был получить через Константина Матвеевича Ваш ответ. О квартире Владимира Ильича я писал в Институт Ленина. Я договорился уже о покупке этой квартиры. Есть возможность сохранить ее за нами и даже прибить доску. Надо только торопить институт...»⁹⁷

Вскоре после смерти Владимира Ильича ряд газет и журналов начали публиковать воспоминания о нем. Со многими из них Мария Ильинична знакомилась тотчас, просматривая газеты, а некоторые воспоминания еще в рукописи ей присылали на просмотр и рецензию. И вот на страницах «Правды» 8 июня 1924 года М.И.Ульянова поделилась своими впечатлениями об этих воспоминаниях, которые часто писались людьми,

плохо знавшими Ленина, не всегда серьезно и строго подходившими к этому ответственному делу.

«...Воспоминания о Ленине нужно писать. Каждый факт, каждый штрих его жизни, описанный его современниками, будет иметь значение для будущего биографа Ленина.

Но только факты, строго проверенные, а не такие, какие приводятся в указанных выше воспоминаниях», — писала Мария Ильинична в заключение в своей статье.

Серьезно анализируя работу А.Меньшого «На могилу Ильича», Мария Ильинична приводит такие примеры, которые вызывают не только сожаление, но и подчас возмущают своей неправдоподобностью. Автор, например, писал: «...Он быстро научился косить и не отставал от крестьян, работал всей душой, весь ушел в работу. Поработавши, с наслаждением курил махорку...»

Мария Ильинична пишет: «...Ильич никогда не косил и не курил, ни с «наслаждением, ни без наслаждения».

Или в другом месте автор пишет следующее: «Ленин никогда не смотрел в зеркало. В течение последних десяти лет своей жизни не видел он лица своего. Осмотрите все комнаты, в которых жил Ленин в последние годы, — ни в одной из них зеркала нет».

«И опять неправда, — замечает Мария Ильинична. — Все это взято из головы». Статья Меньшого изобилует подобными нелепостями.

Возмущенная таким «описанием» жизни и деятельности Ленина, Мария Ильинична очень резко критикует Меньшого, обвиняя его в том, что он в своих воспоминаниях изображает Ленина каким-то ханжой и филистером.

Останавливается она и на материалах, опубликованных в номере 36-м журнала «Долой неграмотность», предназначенного для чтения в школах и кружках малограмотных. Там в статье «Ленин и Октябрьская революция» рассказывалось, что в июльские дни «было решено переправить т.Ленина в Кронштадт. Переезд из Петрограда в Кронштадт был обставлен со всеми предосторожностями. Тов. Ленин был переодет в костюм простой женщины. В таком виде он прибыл к Неве, где его ожидал катер...»

Материал содержал множество подобных «фактов» вплоть до того, что Ленин работал кочегаром на трех кораблях. «Здесь около раскаленных котлов, обливаясь потом, обдаваемый угольной пылью, вождь революционного пролетариата обдумывал дальнейшие пути революции».

«Сильно сказано и красиво, — заключала Мария Ильинична, — только... неверно с начала до конца».

С мнением Марии Ильиничны по вопросам пропаганды ленинского наследия считались такие авторитетные члены партии и близкие Ленина, как его старшая сестра Анна Ильинична. В 1931 году она выпускает книжку «В.И.Ульянов (Н.Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности», которую присылает младшей сестре с такой дарственной надписью: «Дорогой Марусичке с тем, чтобы отвлеклась от взгляда ласковой сестрички, взглянула строгим беспристрастным взором члена Ц.К.К. и выяснила, насколько подходит для молодых, новых членов партии и, — если подходит вообще, то какие изменения, исправления должны быть сделаны для след. издания, чтобы бумага и др. расходы на издание были произведены рационально. А.Ульянова. 9.XII-31».

Эта книга, и сейчас хранящаяся в комнате Марии Ильиничны в Кремле, содержит многочисленные ее закладки и пометки. Так, на странице 45 на полях читаем: «Таммерфорс, конф. была в дек. 1905 г.». В тексте говорится о ноябре 1906 года. На странице 61 к словам автора «Ленин во главе партии большевиков разъяснял рабочим...» Мария Ильинична делает замечание: «Не совсем верно, был ряд товарищей, ведших вместе с ним борьбу».

Внимательно и глубоко принципиально подходила Мария Ильинична к книгам, отражающим жизнь и деятельность Ленина.

Когда Мария Ильинична в 1929 году ушла из редакции «Правды», ей представилась возможность исполнить свою давнишнюю мечту — собрать и издать отдельным сборником письма Владимира Ильича к родным. Работа эта была серьезной и требовала много свободного времени. Мария Ильинична долгие часы и месяцы проведет за разбором писем Владимира Ильича к матери, к Анне Ильиничне и к ней, к его Маняше.

Какую радость и боль доставит ей чтение этих писем! Она бережно перебирает пожелтевшие листочки, отправленные к ней в Брюссель из затерявшегося где-то в сибирских просторах таежного села Шушенского, — эти письма сразу от двоих дорогих ее сердцу людей — от Владимира Ильича и Надежды Константиновны. В этих письмах забота и тревога только о ней, о молоденькой курсистке, уехавшей далеко от родных, и ни слова о собственных трудностях и печалях.

Мария Ильинична работала над сборником вместе с Анной Ильиничной, и они вспоминали далекие годы, прекрасный период их жизни, наполненный событиями огромной важности, именно в те годы родилась и оформилась партия большевиков. В первый сборник им удалось включить почти все письма за 1884 — 1917 годы, которые сохранились, к счастью, в оригинале, и только некоторые приводились с копий, взятых из

дел жандармских управлений или департаментов полиции в том виде, в каком они сохранились и были включены в дело в качестве «улик». Так, в Центрархиве мы нашли выписки из шести писем Владимира Ильича, приложенных к делу московского жандармского управления в качестве «вещественных доказательств», — пишет Мария Ильинична.

Вся деловая переписка в основном велась конспиративно, выполнялась «химией» в книгах и журналах, посылалась на чужие «чистые» адреса. Так как все письма к родным и знакомым, как правило, перлюстрировались, то Владимиру Ильичу приходилось частенько прибегать к всевозможным намекам и условностям.

Боязнь подвести товарищей или близких заставляла Владимира Ильича быть очень осторожным и не называть ни фамилий, ни имен.

Чтобы избежать упоминания фамилии кого-либо из более или менее легальных знакомых, о ком Владимир Ильич хотел сообщить что-либо, передать привет и пр., он сплошь и рядом прибегал в этих письмах к кличкам и объяснениям, имеющим связь с тем или иным известным нам фактом или событием. Так, Владимир Ильич называет «историком» (имея в виду его исторические работы) И.И.Скворцова-Степанова, с которым у него — через сестер — шла одно время оживленная переписка.

Под «китайским путешественником» подразумевается А.П.Скляренко, служивший тогда на железной дороге в Маньчжурии.

В целях конспирации Владимир Ильич «...не давал нам, — пишет Мария Ильинична, — для переписки своего личного адреса, и, когда он жил в Швейцарии или Мюнхене, мы писали ему на Париж или Прагу».

Анализируя переписку Ленина с родными, Мария Ильинична подчеркивает, что при внимательном чтении писем Ленина можно видеть, как работал он в эмиграции, какие посещал библиотеки, каких трудов ему стоила публикация его литературных работ, как «воевал» с издателями.

«Большие трудности представляли и цензурные условия: статьи Владимира Ильича урезывались и искажались (как, например, статья «Некритическая критика»), книги конфисковались («Аграрный вопрос», II том) и пр., и т.п. Но помимо того, большие трудности представляла и оторванность от России и невозможность в силу этого завязать часто непосредственные связи с издательствами и т.п.».

Далее в предисловии к книге Мария Ильинична пишет, что по письмам Ленина к родным можно судить не только об его удивительно чутком и добром отношении к близким, но и к людям вообще.

Письма Ленина к Марии Александровне говорят о нем как о сыне, о нежном, добром и внимательном сыне, постоянно заботившемся о матери.

«Особенно сильно проявлялось внимание Владимира Ильича к матери, когда ее постигала какая-нибудь гроза, а этих гроз было так много в ее жизни, — вспоминала Мария Ильинична. — То один, то другой член нашей семьи подвергался аресту или высылке, при этом иногда бывало арестовано несколько человек зараз, и ей, бывшей тогда уже в пожилых годах, приходилось снова и снова ходить в тюрьмы на свидания и с передачами, просиживать часами в приемных жандармов и охранников, болеть душой, порой в полном одиночестве, за своих детей, лишенных свободы. Как беспокоился Владимир Ильич за нее в эти периоды ее жизни и как тяготился оторванностью от нее, особенно ярко видно по письму его к матери от 1.IX.1901. Мария Ильинична и Марк Тимофеевич сидели тогда в тюрьме, Анна Ильинична была за границей и не могла вернуться в Россию, так как это повлекло бы ее арест по тому же делу, а Дмитрий Ильич также не мог оставаться с матерью, потому что должен был кончить университет в Юрьеве (Дерпт. — Авт.)».

По переписке можно видеть, как заботлив и внимателен был Владимир Ильич к сестрам и брату, постоянно интересовался их делами, был всегда в курсе их забот и тревог.

«Он старался устроить переводы для нас, — вспоминает Мария Ильинична, — посылал для этого иногда иностранные книги, интересовался и нашим чтением и занятиями, звал пожить к себе и пр. Много внимания проявлял Владимир Ильич и к товарищам, расспрашивал о том, как им живется, старался прийти им на помощь и в материальном отношении. Так, он брался писать предисловия к переводам товарищей, чтобы облегчить им издание этих переводов, а таким образом и возможность иметь заработок».

Особой заботой и теплотой пронизаны все письма Ленина к младшей сестре, к его Маняше. Даже в письмах, адресованных матери или старшей сестре, Владимир Ильич постоянно спрашивает о Маняше. Так, в одном и том же письме от 6-XII.1900 года, посланном из Мюнхена, он спрашивает о сестре дважды: «Как идут дела у Маняши? Не очень ли много она работает? Вполне ли здорова теперь? — ей, может быть, полезно побольше бегать, т.е. ходить в разные концы города?..

Катается ли Маняша на коньках? Здесь есть какой-то kunstliche (!) Eisbahn, — я все собираюсь посмотреть на эту подделку»⁹⁸.

Мария Ильинична подчеркивала, что переписка дает возможность широкому читателю увидеть те черты характера Ленина, те особенности его удивительной личности, которые наиболее полно раскрываются во взаимоотношениях с близкими людьми. По переписке читатель сможет

полнее представить себе образ жизни Ленина в период ссылки и эмиграции, узнать больше и подробнее о привычках его, склонностях, об его отношении к музыке, природе и т.д.

Внимательно перечитывая письма Ленина к родным, читатель может представить себе, как Ульяновы, живя долгие годы вдали от родины, смогли быть всегда в курсе российских событий, не отрываться от товарищей. Владимир Ильич в своих письмах затрагивает все животрепещущие для того времени вопросы марксистской теории и практики.

«Судя по письмам, — заключает Мария Ильинична, — можно ясно представить, что Ленин знал о положении дел в партии лучше и полнее, чем российские товарищи, только что прибывшие за границу».

В предисловии к переписке Мария Ильинична дает соответствующее объяснение определению Владимира Ильича своей эмигрантской жизни вроде того, что живет «очень тихо», «помаленьку», «тихо, мирно».

Во время второй эмиграции и особенно в период империалистической войны Владимир Ильич крайне редко получал возможность выступать публично. Выступать он мог только на небольших собраниях, в кружках иностранных рабочих, почти полулегально. «Понятно, что возможности эти для В.И. были крайне мизерны, и, если по рассказу Н.К.Крупской, он в начале революции в России производил впечатление льва, который рвался из своей клетки, то не была ли для него эмигрантщина и отрыв от России и раньше, особенно в период империалистической войны, клеткой, которая в значительной степени стесняла, не давала развернуться, не удовлетворяла его натуру вождя, народного трибуна? Он рвался к работе, гораздо более широкой, рвался поистине как лев и принужден был обрабатывать двух-трех товарищей, чтобы через них получить доступ к более широким массам. И разве для такой натуры, как В.И., такая деятельность, как и общая обстановка в сонном Берне, не была действительно слишком «тихой», идущей слишком «помаленьку»?»

Из писем Ленина, резюмировала Мария Ильинична, можно было также судить, что если Владимир Ильич умел систематично, усидчиво и крайне плодотворно работать, то он умел и отдыхать, когда для этого, впрочем, предоставлялась возможность... Владимир Ильич очень любил природу, и в его письмах постоянно встречаются описания ее красот, куда бы ни забрасывала его судьба.

Последней корреспонденцией от Владимира Ильича из эмиграции оказалась нижеследующая телеграмма:

«Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде».

«Только еще две маленькие записочки получила я от Владимира Ильича, коротенькие, как коротко было его подпольное пребывание в Финляндии во времена керенщины и корниловщины, накануне великой Октябрьской победы», — писала в конце предисловия к переписке М.И.Ульянова. Кроме предисловия к сборнику, Мария Ильинична снабжает примечаниями почти каждое письмо Владимира Ильича.

Здесь и краткие биографические данные названных в письмах товарищей, расшифровка имен и фамилий, пояснения, описание ряда интересных событий и фактов, которые упоминает Ленин. Например, Владимир Ильич пишет матери:

«...В Питере с приближением весны ходят, говорят, разные эпидемические болезни».

Мария Ильинична в сноске так расшифровывает эту фразу: «В.И. подразумевает аресты».

Или Владимир Ильич пишет 30.IX.1908 г. из Женевы о своей поездке в Брюссель, и Мария Ильинична в сноске объясняет, что Ленин ездил в Бельгию на заседание Международного Социалистического Бюро.

На упоминание Лениным прекрасного местечка в Альпах, где он был и очень сожалел, что не довелось там побывать вместе, Мария Ильинична пишет: «Горная возвышенность в западных Бернских Альпах, на границе швейцарских кантонов Ваадт, Валлие и Берн. Самая высокая вершина ее — Дом достигает 3246 метров над уровнем моря».

Первое издание «Писем к родным» вышло 100-тысячным тиражом в 1930 году в Государственном издательстве, отпечатано в типографии Госиздата «Красный пролетарий» в Москве. Книжка эта разошлась мгновенно, и вскоре Мария Ильинична и Анна Ильинична начали готовить к переизданию второй выпуск.

С 1930 года Мария Ильинична начинает собирать материалы о рефератах, читанных Владимиром Ильичем в годы эмиграции. Собранные ею документы, хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма, насчитывают несколько сот листов. Она составляет две таблицы, по которым распределяет необходимые сведения.

Первая схема⁹⁹:

Дата	Город	Тема реферата	Где был прочитан реферат или лекция	Были ли прения	Данные	Сколько времени
------	-------	---------------	-------------------------------------	----------------	--------	-----------------

Вторая схема¹⁰⁰:

Тема	Город	Год	Ленинский материал	Опублик.
Аграрный вопрос	Льеж	1902	План-конспект на стр. 33, 1207 4 лекции в Высш. шк. конспект.	Аграрная программа русск. с.-д. См. III Лен. сб., стр. 323 69, 226
	Париж	1903		
	Берн	»		
	Лондон	»		
	Париж	»		

Мария Ильинична скрупулезно собирает воспоминания товарищей по партии, присутствовавших на рефератах, ведет с ними большую переписку, просит их вспомнить и записать подробности, собрать документы. Она составляет подробный план работы, которую не успела написать: предисловие, затем статьи-воспоминания (сохранился длинный список лиц, опрошенных ею), содержание реферата, обстановка, в которой читался реферат, прения; перечень мест, где проводились чтения.

Мария Ильинична обращается к советским дипломатам с просьбой поискать в зарубежной прессе отчеты о рефератах Владимира Ильича, бережно подбирает рецензии, сообщения, объявления.

Она пишет в этот период: «...Я занята в настоящее время работой по собиранию материалов об открытых рефератах Владимира Ильича за границей за все время его пребывания в эмиграции. Материалов об этих его выступлениях не ахти много, или, вернее, очень мало, и они должны быть в значительной степени пополнены воспоминаниями товарищей, которым приходилось эти рефераты слышать и организовывать»¹⁰¹. Сто восемьдесят человек опросила Мария Ильинична! Остается только пожалеть, что этот

свой труд она не успела закончить.

Мария Ильинична оставила интереснейшие воспоминания о детстве и юности старшего брата, о методах его работы, о его литературных и музыкальных вкусах, о чертах его характера. Со страниц этих воспоминаний встает образ Ленина — вождя, товарища, человека. Ей принадлежит глубокая и очень точная характеристика Владимира Ильича как человека будущего, коммунистического общества. Мария Ильинична подчеркивает необходимость для будущих поколений изучать во всех аспектах жизненный путь Ленина. Она писала: «Владимир Ильич был подлинным коммунистом, и большее знакомство с его жизнью, с его характером, чертами и обычаями принесет многим и многим из молодых членов партии большую непосредственную пользу, будет иметь для них воспитательное значение, показав им, как должен проявлять себя настоящий коммунист, предохранит от многих неправильностей, высокомерия и зазнайства.

Владимир Ильич прекрасно знал себе цену и понимал свое значение, и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры».

Поздний вечер. Уже ушли в набор последние телеграммы из-за рубежа, последние трамваи спешили в парк, а на опустевшей улице редкие прохожие все еще видели освещенные окна «Правды».

Обычно около двух часов ночи в редакции появлялся кремлевский шофер Качалов. Он спокойно, молча вставал у двери, напротив стола Марии Ильиничны. Взглянув раз-другой на шофера, Мария Ильинична засовывала в портфель недосмотренные страницы будущей статьи, устало поправляла волосы и, набросив на плечи пальто, тихо спускалась по лестнице вниз на безлюдную Тверскую. Когда подъезжали к Кремлю, часы на Спасской башне отбивали четверть третьего... И так почти каждый день... От постоянного переутомления весной 1925 года Мария Ильинична стала чувствовать себя очень плохо, да еще сказался застарелый плеврит и прошлогоднее воспаление легких.

Состоялся семейный совет: Надежда Константиновна и Анна Ильинична настаивали на отдыхе в Крыму, врачи тоже рекомендовали юг. И Маняша наконец поддалась уговорам. Она очень любила Крым. Собрались ехать вместе с Надеждой Константиновной, которой тоже срочно нужно было делать передышку: опять сдавало сердце, резко ухудшилось общее состояние.

Около месяца они вдвоем прожили в уединенном местечке — Мухалатке. Но Марии Ильиничне не терпелось приступить к работе, и частенько после обеда закрывалась она одна в комнате или устраивалась на веранде и писала для «Правды».

«20.IV.25 г.

Дорогой В.С.

Посылаю Вам кое-что, набросанное о «Правде» 1917 г. Вы говорили мне перед отъездом, что какое-то комсомольское издание просило дать меня что-либо для них. Будьте только добры, прежде чем отдавать рукопись, просмотреть ее предварительно, боюсь, то ли вышло, что нужно. Получилось описание лишь внешней стороны работы, и я сомневаюсь, годится ли это. Простите, что утруждаю Вас.

Говорят у Вас в М-ве тепло, а здесь холодно, не знаешь, как согреться. Сидим у моря и ждем погоды. Прошла неделя, как мы здесь, но, кажется, гораздо больше.

Как-то Вы там живете? Что нового? Не забрали ли кого из наших ребятишек?

Шлю привет всей публике.

Жму крепко руку

Ваша М.Ульянова».

Когда выдавались теплые дни, они отправлялись с Надеждой Константиновной на прогулку. Однажды во время прогулки они встретили будущую писательницу Галину Серебрякову, с которой Мария Ильинична познакомилась еще в Мисхоре в 1921 году. В тот свой приезд в Крым Мария Ильинична часто гуляла одна и как-то, спускаясь с горы, оступилась и сильно повредила ногу.

Группа комсомольцев, работавших тогда в Алупке, решила достать Марии Ильиничне трость. Вот как об этом эпизоде рассказывает сама Галина Серебрякова: «Во дворце Юсупова находилась коллекция чудесных тростей.

Я отправилась туда, выдала сторожу расписку на великолепную палку с набалдашником из слоновой кости, казавшуюся мне самой подходящей для больной, и торжественно понесла ее в санаторий.

Пока мои товарищи ждали в саду, я вошла в комнату Марии Ильиничны. Она лежала в шезлонге и читала.

Оробев, я пролепетала что-то бессвязное и протянула трость,

объяснив, где мы ее взяли. Вдруг гневно насупились брови Марии Ильиничны, и она обрушилась на меня с упреками:

— Как могли вы совершить этот недостойный поступок? Немедленно верните палку во дворец Юсупова. Это народное достояние, так можно скатиться до очень скверных дел. Это недостойно большевиков.

Много еще сказала мне Мария Ильинична недобрых, но справедливых слов. Совершенно растерявшаяся и опозоренная в своих собственных глазах, я направилась к двери. Когда я была на пороге комнаты, Мария Ильинична уже ласковее сказала:

«Когда сдадите палку, вернитесь, мы поговорим. — И улыбнувшись, отчего стала еще миловиднее, добавила ободряюще: — Поговорим о другом».

Лето 1925 года пролетело в напряженной работе. В Москве было душно и пыльно, но даже в Горки Мария Ильинична выбиралась редко. Уже началась большая работа по подготовке к XIV съезду партии. К концу лета Мария Ильинична стала чувствовать себя хуже, появился сухой кашель, и обеспокоенная Анна Ильинична уговаривала Маняшу ехать с ней в Евпаторию. Но каждый раз, когда Анна Ильинична заводила разговор об отдыхе, младшая сестра сердито возражала: «Ну, как я «Правду» брошу, да и съезд партии скоро». Тогда Анна Ильинична решила действовать иначе: она обратилась к ближайшим сотрудникам сестры с письмом. Она написала заместителю ответственного секретаря редакции с просьбой повлиять на Марию Ильиничну и уговорить ее все-таки поехать в Крым...

«Мы беседовали с Вами раз по телефону в Москве, весной, и я намерена побеседовать на ту же тему. Речь о сестре, Мар.Ил-не. Ей обязательно советовали южный берег Крыма повторить осенью — так с 15-го авг. по 15 сент. Она, конечно, упорствует, едет в Горки, где вследствие ненастья ничего не может взять для своих легких, где висит на телеф., откуда мотается в Москву. Я сейчас в Евпатории, но обстоятельства складываются так, что, прохворав весь свой отпуск, я должна бы была подкрепиться на южн. берегу. И вот я писала ей и звала ее. Думается, хорошо было бы, если бы Вы... и кто у Вас еще там в «Правде», не в отпуску, поддержали бы меня. Она, конечно, не решится оставить работу, если товарищи по работе не подтолкнут... Только меня уж не выдавайте, а то все дело расстроится.

В надежде на Вашу помощь и вперед за нее благодарная.

С комм. привет.
А.Елизарова».

Но в ту осень Марии Ильиничне так и не довелось выехать в Крым — шла напряженная работа по подготовке к съезду партии. С наступлением осенних холодов ей снова нездоровится, и она вынуждена уехать хотя бы в Горки. Правда, в Горках абсолютный отдых не получается. Как и думала Анна Ильинична, сестра звонит и пишет в Москву, занимается делами.

Из записок товарищам по работе становится ясно, как она «отдыхала» в Горках.

15 сентября 1925 года она пишет В.С.Попову-Дубровскому.

«Дорогой В.С.!

Поправка моя идет знатно, и на будущей неделе я и думаю уже быть в Москве.

Борисов писал мне, что Евгенова мобилизуют в деревню. Его никоим образом нельзя отдавать. Попросите, пож., Баркова от моего имени его отстоять. Иначе журнал некому будет вести.

Просьба еще не вводить до моего приезда шахматного отдела, как собирался это делать Гусман. Приеду — обсудим.

Как-то Вы там живете? Я уже соскучилась его Москве, «Правде», работе и т.п....

А солнышко, знаете, хорошая вещь, особенно если тишина в придачу. Нервы отдыхают.

Ну, будьте здоровы, всем приветы.

До скорого!

М.Ульянова.

Скажите Докукину, что я стала усиленно писать. Не убьет он меня, если я с собой привезу статью, а не пошлю сейчас?»

Последние годы жизни

Работа сверх всякой меры, чрезмерная перегруженность давали себя знать. В 1928 году, когда Надежда Константиновна собралась ехать на пароходе по Волге и Каме и стала усиленно звать Марию Ильиничну ехать вместе, она с радостью дала свое согласие. Ведь предстояло увидеть родные места, где прошли счастливое детство и тревожная юность, увидеть старый дом в Ульяновске, могилу отца. Поездка планировалась на август — сентябрь, лучшее время года на Волге. Наконец далеко позади осталась Москва с ее шумной столичной жизнью. Тихие волны реки несли пароход все дальше. Подплывали к Перми.

«Мы все едем, едем и едем. Когда вернемся, аллах ведает.

Ехать удобно, на Каме ужасно красиво, — пишет Надежда Константиновна в Москву Варе Арманд, — заезжали в Ярославль, Нижний, Казань, Пермь.

Казань стала неузнаваема. Стала поразительно организованной и культурной. Но интереснее всего Урал. Осматривали Мотовилиху и еще один завод. Культурно мы явно растем».

Мария Ильинична и Надежда Константиновна любили отдыхать и ездить вдвоем. Они не раз отдыхали в Кисловодске и в Крыму в Мухалатке. Сотрудник редакции «Правды» Сара Крылова однажды — это было в конце лета 1930 года — была приглашена Марией Ильиничной в Мухалатку, где она отдыхала вместе с Надеждой Константиновной и секретарем Крупской — Верой Дридзо. «Во время прогулок с Марией Ильиничной и Надеждой Константиновной я, — вспоминала Крылова, — тараторила о музыке, о молодых композиторах, о нашей борьбе с цыганщиной...

Много пели хором, причем, конечно, пели и Мария Ильинична с Надеждой Константиновной. Я осмеляла меланхолическую «Тишину», муз. Кашеварова (был там патефон с пластинками), за цыганщину и дешевую чувствительность и учила всю компанию пролетарским песням. Когда я уехала, Мария Ильинична мне писала: «Пролетарские песни получили в здешнем месте большое распространение, и «Качка» распевается многими, хотя, может, и страдает в их передаче, но все же цыганщине нанесен некоторый удар. Правда, «Тишина» и прочие еще процветают, но в этом повинны Вы — слишком скоро сбежали».

Надо сказать, что эта «Качка» (музыка Коваля) стала популярной в Мухалатке, особенно лихо у нас звучало: «Помнишь девятнадцатый годок,

как дрались с махновцами, браток...»

Мария Ильинична очень заинтересовалась композиторами, которые стремятся отразить советское в музыке и рассматривают музыку как общественную задачу...»¹⁰²

Сара Крылова рассказывала, как однажды в конце лета 1930 года она по приглашению Марии Ильиничны привезла в Горки группу молодых композиторов и поэтов: Белого, Шехтера, Давиденко, Лебединского; они привезли с собой только что вышедший сборник «Песни каторги и ссылки». Собравшиеся читали тексты песен, обсуждали особо понравившиеся. Мария Ильинична, услышав песню «По духу братья мы с тобой», задумалась, помолчала немного и сказала, что эта песня живо напомнила ей детство, отца, эту песню пел Илья Николаевич и его друзья.

Мария Ильинична всем сердцем приветствовала рождение новой, советской песни, нового, советского искусства.

Тяга к искусству в народе была огромная. В 30-х годах в жизни театральной Москвы возникло интересное начинание. На базе и при поддержке старых академических театров образовались колхозные филиалы. Так, по инициативе молодых артистов Малого театра в Заметчине был создан колхозный филиал. Тогда и Театр Революции собрался создать свой филиал в деревне. В Театре Революции в то время играла молодая актриса Ел.В.Левицкая, дочь больших друзей Марии Ильиничны. Актриса решила вместе с мужем, тоже актером, покинуть сцену в Москве и уехать в деревню. Многим ее намерение показалось необдуманным, и она попросила совет у Марии Ильиничны. «Я сейчас же пошла к Марии Ильиничне рассказать о таком событии, посоветоваться, услышать ее слово. Надо было видеть, с каким воодушевлением приняла мое сообщение Мария Ильинична. Она говорила, что это замечательное начинание — нести в широкие массы настоящее искусство, культуру, приобщать к искусству людей, еще очень далеких от него, но большей частью чутких ко всему хорошему. Предупреждала, что можно нарваться и на непонимание и даже насмешку. Но все нужно преодолеть, забыв о себе, о своих личных трудностях. Перспектива этого начинания грандиозна, говорила Мария Ильинична»¹⁰³, — вспоминала много лет спустя Левицкая.

Колхозный филиал театра исколесил сотни километров сельских дорог, и деревенский зритель сторицей воздал прекрасному начинанию молодых актеров, подарив им любовь и признание. Во время поездок муж Левицкой сделал большой фотоальбом, и молодые супруги с удовольствием вручили его своей «крестной матери».

Осенью 1935 года на семью Ульяновых обрушилось большое горе — 14 октября 1935 года скончалась Анна Ильинична Ульянова. Она давно уже была серьезно больна: сказались тяжелые переживания, аресты, ссылки. Мария Ильинична очень любила старшую сестру, глубоко ее уважала. Отовсюду, где бы ни была Мария Ильинична в ссылке, за рубежом, летели открытки, письма Анне Ильиничне. Младшая сестра всегда рассказывала старшей подробно о своей жизни, о трудностях и успехах. Письма сестры бережно хранили, они составляют объемистую папку с почтовыми штемпелями многих стран и городов. В последние дни жизни старшей сестры Мария Ильинична не отходила от нее ни на минуту. Все эти дни больная была в полузабытьи... вдруг громким, каким-то помолодевшим и чистым голосом начала декламировать немецкие стихи из «Buch der Lieder» — «Книги песен» Генриха Гейне, из той самой книги, которую на прощальном свидании с матерью просил принести приговоренный к смерти Александр Ильич Ульянов.

Мария Ильинична потеряла близкого друга, родного и милого человека. Похоронили Анну Ильиничну согласно ее последней воле рядом с матерью на Волковом кладбище в Ленинграде. Вскоре после похорон пришло письмо от Марии Федоровны Андреевой.

Андреева писала: «Все эти дни почти неотрывно думаю о Вас, Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Мне очень хотелось в тяжелые Ваши дни как-то дать Вам знать, что в моей душе Вы такие мне близкие и дорогие, что светлая память о Владимире Ильиче, горячая любовь к нему роднит меня с Вами и Ваша боль, Ваше горе — и мои тоже, хоть и не в той степени...

Вспоминается мне Анна Ильинична в питерские времена, времена «Работницы»...

Помню ее приходы к нам на Кронверкский.

Такая всегда простая, энергичная и скромная.

Наши беседы с нею тогда...»¹⁰⁴

Мария Ильинична тяжело переживала смерть сестры, старалась забыться, много работала, совсем не бывала дома, в выходные дни уезжала в бюро жалоб, где работы было сверх головы. В Объединенном Бюро жалоб Наркомата РКИ она работала с 1932 года.

Беспрестанно звонили телефоны. Стол был завален письмами, рукописями, книгами... Родные и близкие удивлялись силе ее воли и стойкости. Старались чем-нибудь отвлечь ее от грустных мыслей, уговаривали уехать в Горки...

Сохранились трогательные в своей бесхитростности письма домашней работницы Пелагеи Никитичны Листиковой, которая жила в семье. В одном из них она пишет:

...«У Вас, кроме дел, такая масса забот, что Вы отдыхаете только ночью, и то не как следует. Вы за эти годы так много переживаете, болезнь Анны Ильиничны, не имеете выходных дней, а если и бывают, то Вы только ухаживаете за другими... Жалею Вас, как Вы великий и добрый человек...»¹⁰⁵

Весной 1936 года Мария Ильинична опять собралась ехать отдыхать по Волге. Любила она такой отдых, неоглядные приволжские дали, безбрежную водную ширь могучей реки, а главное — ей очень хотелось снова побывать в Ульяновске.

Ульяновцы торжественно встречали Марию Ильиничну. Ее сразу же повели в Дом-музей Ленина. Мария Ильинична с волнением осматривала комнаты, где протекало ее детство. Поднялась в комнату Владимира Ильича и Александра Ильича, постояла у письменного стола отца. В столовой Марии Ильиничне живо вспомнились семейные вечера, когда мать сидела за роялем, а дети стояли вокруг и затаив дыхание слушали прекрасную музыку...

Мария Ильинична долго ходила по комнатам, затем прошла в сад и там только смогла говорить с сотрудниками музея. Она рассказывала им, как лучше и точнее оформить экспозицию, делилась воспоминаниями. Директор музея попросил Ульянову оставить свое впечатление о посещении музея в книге отзывов, и она написала: «Приятно было побывать на старых родных местах, где прошло детство Владимира Ильича и всей нашей семьи. Музей, организации которого уделяли такое большое, исключительное внимание А.И.Ульянова-Елизарова, В.В.Кашкадамова и др., содержится прекрасно и так живо переносит к старым, давно прошедшим годам. Пусть молодое наше поколение изучает не только богатое литературное наследство Ленина, но изучает и как человека, великого основоположника нашей партии. Музей помогает в этом».

Это было ее последнее посещение родного дома. Затем Мария Ильинична осмотрела Дворец пионеров, побывала в школе, где в гимназические годы учился Владимир Ильич, осмотрела прекрасный детский парк и очень интересный краеведческий музей.

Довольная, отдохнувшая и посвежевшая возвращалась Мария Ильинична с Волги в Москву. На работе ждали дела и дела... А дома всегда ждала ее заботливая и внимательная Надежда Константиновна и веселый и неугомонный племянник Виктор. Последние годы они много уделяли ему

внимания.

Виктор очень любил тетю Манечку, крепко к ней привязался. Каждый вечер он ждал ее с работы, а не дождавшись, оставлял записки, в которых рассказывал о важнейших событиях дня, и почти всегда просил разбудить его пораньше: «Я не могу завести часы. У них все время переводятся стрелки, и, кроме того, они странно бегут, за ночь на 30 минут. Покойной ночи. Витя».

Сохранились не только записки за многие годы, но и письма Виктора Дмитриевича к Марии Ильиничне. Их целая пачка: из пионерлагеря, из туристического похода...

В конце мая 1931 года Виктор писал Марии Ильиничне из пионерского лагеря в Крыму:

«Здравствуй, тетя Маня!

Я уже 2-ую неделю в Крыму. Работы много, сейчас сажаем на огородах помидоры. Огороды очень большие, около 1000 га. В садах работы еще нет.

26 — 27 будет открытие, если хочешь, приезжай, будет, наверно, интересно, будет военная игра.

У нас пруд большой и глубокий.

Эшкене

Виктор

27.V.31 г.»[106](#).

От года к году письма Виктора становятся интереснее и полнее. Вот письмо с Урала:

«...Мы пришли в Кауровку, дошли очень хорошо, прошли около 70 км с полуторاپудовыми мешками... Сейчас ночь, около 4-х утра, я дежурю до 8...

Довольно прохладно, хотя показалось уже солнышко. Над рекой стоит густой белый туман, закрывая противоположный берег.

Место очень красивое, с одной стороны реки расположено село, оно находится на отлогом берегу, с другой возвышается громадная отвесная гора метров 40 высотой с огромными плоскими камнями, выдающимися из стены...

...Сегодня выезжаем из Кауровки на лодках... 14/III-38 г.»[107](#).

Мария Ильинична порадовалась письму; хорошо, что Виктор умеет ценить красоту, умеет любоваться природой. Она очень внимательно и заботливо относится к племяннику, следит за его занятиями, сама покупает ему учебники, книги, одежду, старается привить ему вкус к музыке, литературе. Вечерами подолгу сидит с ним или гуляет в Тайницком саду, где так легко дышится среди густой зелени. Иногда они зазывают с собой на прогулку Надежду Константиновну, которая совсем «заработалась» и почти не отдыхает.

Мария Ильинична, как все Ульяновы, очень любила детей. В 20-х годах страшным бедствием страны стала детская беспризорность. Она нередко видела на улицах, на вокзалах стайки голодных, оборванных детей, беспомощных и брошенных. Как-то она вызвала к себе сотрудника редакции и, показав ему на пачку писем, повествующих о несчастных судьбах беспризорных детей, взволнованно заговорила: «Видите эту стопу писем? В каждом из них горестные рассказы о тяжелой участи беспризорников... Мы должны, мы обязаны вернуть эту детвору к жизни, окружить ее материнской лаской, и мы сделаем это непременно. Но сейчас у государства нет достаточно средств, чтобы создать широкую сеть домов, где беспризорники могли бы жить, воспитываться и приучаться к труду. Нужна помощь общественности. Мы откроем сбор средств, будем регулярно печатать в газете фамилии читателей, которые откликнутся на наш призыв и внесут деньги на организацию дома-колонии для беспризорных...»

Через несколько дней, 5 декабря, в «Правде» была напечатана короткая статья М.Ульяновой «На помощь беспризорным».

Вслед за статьей стояла рубрика «Наши вызовы». Первыми внесли деньги Н.К.Крупская и М.И.Ульянова, против фамилии Марии Ильиничны стояло — 10 руб.

Мария Ильинична приглашала последовать ее примеру Ем.Ярославского, Сольца, Смидовичей, Кржижановских...

В редакцию стали приходить десятки, а затем и сотни посетителей. Тут были партийные работники, рабочие, домохозяйки, служащие, студенты, делегации от предприятий и учреждений. Приносили копейки и рубли. Вместе с денежными переводами приходили трогательные письма... Однажды Мария Ильинична обошла чуть ли не все отделы редакции, вслух читая строки:

«Постановление детей.

Дети детского сада № 8 Гознака вносят 2 р. 11 коп. и предлагают всем детским садам конфет не покупать, а для беспризорных деньги собирать».

Вскоре появляется еще одна статья-призыв М.И.Ульяновой: «Об организации читателями «Правды» дома-колонии беспризорных». «Мы предлагаем, — писала Мария Ильинична Ульянова, — организовать для беспризорных детей дом-колонию читателей «Правды»...

На страницах нашей газеты открывается сбор пожертвований на организацию этого дома.

Пусть каждый читатель «Правды» откликнется на наш призыв, поможет этому общему делу».

В этом же номере было напечатано первое сообщение о первых взносах и вызовах.

Как-то в редакцию «Правды» из Казани приехал заведующий детским домом В.Тонков.

Работа у него была не из легких, возникало много сомнений и вопросов. Еще из Казани Тонков написал М.И.Ульяновой в «Правду», но письмо так и не отослал. И вот приехал сам.

— Вы ко мне, товарищ? Войдите!

«Я растерялся, — вспоминал он. — Молчу, не могу сказать ни слова. Видимо, поняв мое состояние, Мария Ильинична усадила меня в кресло и заговорила первая. Она расспросила, кто я, где работаю. Узнав, что я из Казани, стала рассказывать, каким был город в те годы, когда там учился Владимир Ильич, где он жил, по каким улицам ходил в университет.

Я слушал как замороженный. Потом Мария Ильинична незаметно перевела разговор на меня и мою работу. Многие детали из жизни беспризорников, которые тогда казались мне почему-то малозначительными, она записывала в свою тетрадь, с чем-то соглашалась, что-то отвергала. Речь зашла о детской чуткости, привязанности, дружбе, которые часто глубоко запрятаны под огрубелой внешностью.

— Мы не должны забывать, — заметила Мария Ильинична, — как много пришлось испытать, пережить беспризорным детям».

Мария Ильинична шефствовала над Домодедовским детским домом. И дети отвечали ей трогательной признательностью. В ее комнате в кремлевской квартире хранятся детские подарки, в разное время присланные ей или преподнесенные лично.

Как-то разбирая личные вещи М.И.Ульяновой, сотрудники музея обнаружили в кармане кофточка, которую Мария Ильинична носила в последние дни, записку, написанную карандашом на листочке, вырванном из школьной тетради: «Мария Ильинична! Мы, пионеры 538-й школы Москворецкого района г.Москвы, очень просим Вас, чтобы Вы, если сможете, приехали к нам в школу на пионерский отрядный сбор, который

посвящаем памяти В.И.Ленина.

Мария Ильинична! Если Вы сможете приехать к нам, то позвоните по телефону: В-3-13-78.

Но, если вы не сможете, то если у Вас есть материал о Ленине, то вы позвоните по этому же телефону, тогда мы приедем к Вам на службу.

Будете звонить по телефону, то вызывайте вожатую Нину Пискареву. Адрес школы: 1-ый Коровий пер., д. 2/4, 538-я школа. 7-й класс «Б», 2-й отряд. Были пионеры: Ануркина М., Аксенова В., Боровкова С., Иванова Н., Качалова Т., Мишустина Л.»¹⁰⁸.

Мария Ильинична была членом губернского совета общества «Друг детей». В ее архиве сохранился членский билет за № 21664, выданный 1 февраля 1927 года.

Всю заботу о доме, о хозяйстве Мария Ильинична взяла на себя. Она даже завела книгу расходов, в ней записывала, сколько денег истрачено на продукты, сколько оплачено по продуктовым карточкам. Учтены даже спички, горчица и лавровый лист. Сохранился счет на продукты для Анны Ильиничны, отправленные в Горки, и тут же счет на материю для платья Надежды Константиновны. Выписана книжка накладных-требований на продукты, получаемые в совхозе «Горки».

Секретарь Крупской Вера Дридзе рассказала, что Мария Ильинична почти всегда покупала Надежде Константиновне носильные вещи, заказывала билеты в театры, неизменно заботилась о ее здоровье, направляла к ней врачей. А в воскресные дни старалась увезти Крупскую в Горки. Но в Горках им было очень тяжело — все в доме, в парке напоминало о Владимире Ильиче, воспоминания обступали со всех сторон, отдыха не получалось... Тогда они стали ездить в дом отдыха «Архангельское», расположенное недалеко от Москвы по Калужскому шоссе. Обычно там отдыхали старые друзья: Глеб Максимилианович и Зинаида Павловна Кржижановские, Вера Рудольфовна Менжинская, Михаил Степанович Ольминский и многие другие добрые и хорошие товарищи. Мария Ильинична заметила, что Надежде Константиновне лучше отдыхается на людях, она любила общество.

Для каждого члена партии съезд — огромное событие, новая веха в жизни. Мария Ильинична была делегатом всех съездов партии после победы Октября. Не раз выступала с высокой партийной трибуны.

В декабре 1925 года собрался XIV съезд партии. Он вошел в историю как съезд индустриализации. Вставшие перед партией в связи с

индустриализацией страны важные и трудные задачи можно было решать только при абсолютном единстве партии. Ко времени созыва съезда в партии оформилась «новая», или «ленинградская оппозиция», возглавляемая Каменевым и Зиновьевым. Они перешли на троцкистские позиции, став ярыми противниками ленинской теории построения социализма в одной стране.

Зиновьев от лица оппозиции утверждал, что государственная промышленность Советского Союза является не социалистической, а государственно-капиталистической, что нэп — это отступление к капитализму.

Съезд в своем подавляющем большинстве осудил линию, проводимую «новой оппозицией», и одобрил политическую и организационную линию ленинского ЦК.

На вечернем заседании съезда 21 декабря слово взяла делегат съезда Мария Ильинична Ульянова... Говорила сестра Ленина, его соратница, старейший член партии, и весь зал внимательно слушал ее. «Товарищи, я хотела бы напомнить вам о том, как относился Ленин к дискуссиям в нашей партии, как больно он их переживал, как всегда старался принять все меры к тому, чтобы возможно скорее их изжить, ибо он понимал — и это должен понять каждый член нашей партии, — как дорого они нам обходятся, как много сил мы на них растрачиваем.

Вспомните дискуссию, которая была перед X съездом нашей партии, — дискуссию о профсоюзах. Владимир Ильич прилагал тогда все усилия к тому, чтобы разногласия, которые были тогда, изжить в ЦК партии и не выносить дискуссию перед лицом всей партии...»

Мария Ильинична требует от оппозиции не формального подчинения воле большинства, а осмысления своих ошибок и отказа от всяких форм антипартийной работы. Она говорит, обращаясь к ленинградцам: «Пусть же это не будет лишь формальным подчинением, пусть это будет ленинское подчинение. Пусть — и здесь я приведу опять слова Ленина — после этого съезда не будет «ни малейших следов фракционности, где бы она ни проявлялась, чтобы этих следов не осталось ни в коем случае». Она так заканчивает речь:

«Для того, чтобы выполнить те крупные задачи, которые стоят перед нами, нужна полная сплоченность. И необходимость подчинения решениям съезда должны сознавать не только вожди, но и все рядовые члены нашей партии».

XIV съезд партии оказал Марии Ильиничне высокое доверие, избрав ее членом Центральной Контрольной Комиссии, куда она будет избираться

также на XV и XVI съездах партии. Она восприняла это избрание как большую честь и отдавала работе в комиссии много сил и труда.

Она остро воспринимает и переживает внутрипартийную борьбу, которую оппозиционеры не прекратили, несмотря на все свои заверения, сделанные на съезде партии.

Мария Ильинична хорошо понимает, какие стремления движут лидерами «новой оппозиции», она их хорошо знает и по-ленински определяет корни их ошибок, понимает всю неоднородность оппозиционеров. Так, она сообщает старому другу всей семьи Ульяновых, социал-демократу-искровцу А.И.Ермасову: «...Новая оппозиция мечется от одного разногласия к другому, много тут дутого, много значит, что вожди ее не знают партии, а в первую роль играть хочется. Не понимают, как много практической работы сейчас и как жалко тратить время на всякую склоку...»¹⁰⁹ В письме звучит мысль, общая для всех Ульяновых, — никаких личных целей в политике, все должно быть подчинено одному — борьбе за общие интересы трудящихся.

1931 год... 7 ноября Мария Ильинична и Надежда Константиновна, празднично настроенные, вышли из здания правительства и направились к Спасским воротам, скоро начинался парад. Об этом Мария Ильинична впоследствии рассказывала так: «Утром мы с Надеждой шли на Красную площадь и встретили в Кремле Сталина. До открытия торжественного парада еще оставалось минут двадцать. Сталин усадил нас на скамеечку и стал расспрашивать о здоровье, о работе. Я ему сказала, что Ярославский предложил мне заведовать библиографическим отделом в одном историческом журнале и что меня это не устраивает.

«А куда бы вы хотели?» — спросил Сталин.

«Я бы предпочла пойти на какую-нибудь массовую работу», — сказала я.

На другой день мне позвонил Ярославский, не возьмусь ли я заведовать Бюро жалоб РКИ. Я сразу согласилась...»

Итак, Мария Ильинична — заведующая Бюро жалоб... Вот где ее способности развернулись в полной мере. Дел было непочатый край. О масштабах работы можно судить хотя бы по таким цифрам: в 1927 году было получено около 4000 жалоб, а в 1932 году — свыше 32 тысяч, в 1933 году — 37 623.

В первом квартале 1932 года Бюро жалоб приняло 1719 посетителей, в 1933-м — в первом квартале 6177, во втором — 7833. Объем работы увеличивался с каждым месяцем, с каждым днем. Мария Ильинична избрала единственно верный путь, апробированный еще в бытность ее

секретарем «Правды». Она подобрала надежных и верных помощников и, что чрезвычайно облегчало дело, организовала очень быстро сеть внештатных инспекторов из рабочих и служащих.

Когда стало известно в Москве, а затем и в провинции, что Бюро жалоб заведует сестра Ленина — Мария Ульянова, поток писем пошел прямо на ее имя; на адреса значилось кратко: «Бюро жалоб — сестре Ленина», или: «Марии Ильиной», или: «Москва — М.Ульяновой»!

Мария Ульянова была очень популярна в народе, была популярна даже там, где далеко не все знали ее как сестру Владимира Ильича, но все хорошо знали, что в Бюро жалоб есть человек — Мария Ильина, которая все решит по справедливости. «Как-то на прием в Бюро жалоб пришел высокий худой старик узбек. Плохо владея русским языком, сказал «Марию Ильину». Переспрашиваю: «Вы, наверное, к Марии Ильиничне?» — «Не знаем». — «Ну к Марии Ильиничне, сестре Ленина?» — «Не знаем, — все так же тихо, устало, сдержанно проговорил старик, — нам сказали, в Москве есть справедливый человек Мария Ильина...» — вспоминает О.Тоом.

В Бюро жалоб шли домохозяйки, студенты, рабочие, красноармейцы, учителя...

Теперь обычный трудовой день Марии Ильиничны начинался с просмотра списка посетителей. Она размечала свое дообеденное время по минутам: нужно было принять как можно больше желающих встретиться именно с ней. Поздними вечерами Мария Ильинична разбирала свежую корреспонденцию. Все письма, адресованные ей, она просматривала сама, если находила возможность, тотчас отвечала, принимала действенные меры.

У нее на столе лежала толстая книга, в которую она записывала суть жалобы, меры, которые следовало принять, сроки исполнения и фамилию ответственного за исполнение. Раз в неделю Мария Ильинична, склонившись над книгой, внимательно перечитывала записи сотрудников, отмечавших, что сделано в связи с поступившей жалобой.

Сотрудничавший с Марией Ильиничной долгие годы в «Правде» журналист А.Зуев рассказывал об одном приеме посетителя в Бюро жалоб, свидетелем которого он стал случайно: «...как сейчас помню одного посетителя... За столом рядом с ней сидел пожилой грузный человек в тужурке из солдатского шинельного сукна. Тихим, прерывающимся голосом он излагал свое «дело».

По суровому его лицу, по бородатым щекам струились слезы. Он быстро полез в карман и большим, смятым платком долго прижимал

набухшие, покрасневшие глаза.

Неподвижно выпрямившись, бледная, со страдающим лицом (не могу сказать иначе) слушала его Мария Ильинична. Потом, украдкой смахнув слезинку, низко склонилась к столу и стала что-то писать...

— Очень вам благодарен-с!

Грузный человек в тужурке встал. Он почтительно и бережно подержал в огромной лапище маленькую руку Марии Ильиничны, спрятал глубоко за пазуху полученную от нее записку, вздохнул и, осторожно ступая, двинулся к дверям.

Мария Ильинична несколько мгновений сидит в грустной задумчивости.

— Ох, беда, беда! Такое иной раз расскажут, и не придумаешь! — вздыхает она.

И тут же нажимает звонок...»

Она обладала редким талантом — умением слушать собеседника, умением понять его, проникнуться к нему сочувствием.

В Бюро жалоб наплыв посетителей был настолько велик, что пришлось установить определенные дни и часы приема. Сотрудники отдела поражались, как умела Мария Ильинична держать себя в руках, быть со всеми ровной и неизменно внимательной, что не всегда удавалось ее заместителям. Когда Мария Ильинична была на работе, прием посетителей она вела обязательно сама. Ей как нельзя лучше это удавалось, вспоминали сотрудники бюро. Сохранилось письмо от сотрудницы Л.Новоселовой. Она писала из Одессы в Москву Марии Ильиничне:

«...Ну, как Вы себя чувствуете, дорогая?

Я представляю себе, какой там сейчас наплыв посетителей после Вашего двухмесячного отсутствия. У нас с Вашим Замом как-то приемные дни нормально никогда не проходили, т.к. он всячески их избегал...»¹¹⁰

Заботливо относилась Мария Ильинична и к своим коллегам в Бюро жалоб. Она видела, как они уставали, постоянно допоздна засиживаясь вместе с ней на работе. Следила, чтобы каждый сотрудник непременно отдыхал, старалась обеспечить каждого путевкой в санаторий.

Мария Ильинична была внимательна и справедлива даже к провинившимся по службе. Она никогда не позволяла унижать людей, «добивать» виновных до конца. Главной задачей руководителя она считала: наказывая, воспитывать и перевоспитывать, добиваться, чтобы виновник понял свою ошибку, дать ему возможность исправиться. Какие благодарные письма получала она, какие слова любви, уважения и признательности слышала от сотрудников!

В ее личном архиве лежат письма от контролера Бюро жалоб С.М.Тер-Огормяна, который был справедливо осужден товарищами по работе за неправильные действия, хотя у него имелись некоторые объективные причины, оправдывавшие его поведение. Тер-Огормян, получив партвзыскание, автоматически увольнялся из Бюро жалоб. И все-таки Мария Ильинична нашла возможным помочь товарищу, выслушать его и посоветовать ему ходатайствовать о снятии взыскания. Чрезвычайно тронутый ее участием в этом столь щепетильном деле, благодарный и взволнованный ее отношением, С.М.Тер-Огормян писал ей: «Откровенно заявляю: больше чем совестно перед Вами и всеми, знающими о моем злосчастном деле...

Немало пришлось и Вам портить нервы из-за меня. Я себя чувствовал очень неловко, когда Вы упрашивали т.Назаретяна выслушать меня. Я же отлично сознаю, что не будь моего дела, Вы бы не стали его упрашивать.

Зная о Вашей исключительно чуткой заботе и участии в моем деле, я еще раз хочу не скрывать перед Вами того, что я еще и еще раз прихожу к выводу, что, помимо существа моего партвзыскания, мне не следует работать в Бюро жалоб...»¹¹¹

На улицу Куйбышева, 21 приходили письма самого разного содержания, касающиеся не только личных дел граждан, но и вопросов государственного и партийного строительства, злоупотреблений должностных лиц, ошибочных действий администрации и т.д.

17 сентября 1936 года Мария Ильинична получила письмо из Казани. Во время поездки по Волге летом этого года Мария Ильинична, посещая ленинские места Поволжья, была и в Казани. Встречалась с партийными и советскими работниками, которые занимались восстановлением мемориальных музеев в городах Поволжья, просила писать ей о ходе работ по восстановлению музея в Кокушкине. И вот тревожное письмо из Казани от Е.Жаковой. «Прежде чем начать хлопоты в 1935 году о реставрации дома в Казани и Кокушкине, где жил В.И.Ленин, я хотела посоветоваться еще в прошлом году с Вами, но, когда это не удалось, я обратилась в Москву к Адоратскому, а в Казани — в Совнарком с докладной запиской, где просила обратить внимание на то, что дома эти в забросе, и предлагала свою помощь для этого. В ответ на это... Совнарком прислал мне приглашение для совместной выработки плана реставрации домов. Было решено восстановить дом, где В.И.Ленин был в Кокушкине, а в Казани организовать музей. Я сейчас составила план флигеля, составила смету, выразившуюся в 24 тысячи. Съездила в Кокушкино — восстановили место, насколько было возможно зимой. Но затем дело стало — какая причина, не

знаю. Все мои напоминания ни к чему не приводят. Говорят, дело движется. Мне очень хотелось восстановить оба дома, и поэтому я просила Колю Веретенникова составить план обоих домов, подписать и просить подписать Дмитрия Ильича...

Мне хотелось восстановить оба дома и в одном устроить школу, а в другом ряд мастерских, где все желающие могли бы учиться и, выучившись, открывать такие школы и мастерские в глухих уголках Татарии. Словом, устроить уголок имени Ленина... Если мне удастся весной увидаться с Вами, то я бы рассказала Вам о всех моих планах и мечтах...

Сейчас в Казани дом уже реставрируется, а в Кокушкине нет, обещают вскоре и им заняться...»¹¹²

Это письмо Мария Ильинична взяла домой, видимо, еще не раз перечитывала, показывала Надежде Константиновне и Дмитрию Ильичу. Она приняла самое деятельное участие в реставрации мемориальных музеев В.И.Ленина в Поволжье.

Очень интересен еще один документ, хранящийся в личном архиве Марии Ильиничны в ее комнате в Кремле. Это выписка из протокола заседания Президиума ЦКК ВКП(б).

8 февраля 1932 года на заседании Президиума Центральной Контрольной Комиссии Ем.Ярославский докладывал о деятельности члена ЦКК Ульяновой М.И.

Мария Ильинична сообщила о проделанной работе. Постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) Ульянову М.И. ввели для постоянной работы в парткомиссию ЦКК ВКП(б)¹¹³. С ноября 1932 года и до конца жизни она возглавляла Бюро жалоб...

«На этой работе она как-то особенно развернулась, борясь изо всех сил за линию партии, настойчиво и умело добиваясь ликвидации всяких ошибок, извращений, мешающих налаживанию советской работы. Работа эта ее удовлетворяла, это была живая помощь социалистическому строительству», — скажет о ней Надежда Константиновна Крупская, выступая на страницах газеты «Правда» в день смерти М.И.Ульяновой.

В конце января 1934 года в Кремле собрался XVII съезд партии.

Партия пришла к съезду, имея большие успехи во всех сферах народного хозяйства, где господствующее положение заняла социалистическая система в форме общенародной и кооперативно-колхозной собственности. В стране шла глубочайшая культурная

революция, из страны темной и неграмотной, какой была дореволюционная Россия, Советский Союз становился страной передовой культуры.

Съезд уделил большое внимание вопросам идейно-политического воспитания. Съезд призвал воспитывать коммунистов в духе интернационализма, смело критиковать отклонения от марксизма-ленинизма.

Мария Ильинична выступила на одиннадцатом утреннем заседании XVII съезда ВКП(б) 1 февраля. В своем выступлении она призывала партийные организации укреплять связи с массами, чутко прислушиваться к их голосу, быстро и правильно реагировать на жалобы трудящихся. Она говорила о борьбе за преодоление пережитков капитализма в сознании людей: «...когда перековываем вчерашних мелких собственников в членов социалистического общества, когда вытравляем из сознания, из психологии широчайших масс трудящихся, включая даже отсталые слои рабочих и значительные слои интеллигенции, взгляды, чувства, привычки, проникнутые мелкобуржуазным подходом, окрашенные мелкобуржуазным индивидуализмом, — в этот период особую важность приобретает особое внимание к конкретным живым людям, к повседневной их жизни — личной, бытовой и общественной, ибо здесь-то и проявляются мелкобуржуазные пережитки, и переделка этих живых людей и повседневного их поведения необходима через массовые организации, ибо иным путем, чем через массовые организации, до них не дойдешь, и только массовые организации, если они возьмутся за конкретную практическую переделку людей в активных и сознательных строителей бесклассового общества, окончательно ликвидируют «сухарежку», которая живет еще в душе и действиях бывшего мелкого хозяина».

XVII съезд избрал М.И.Ульянову членом Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров СССР.

В 1935 году М.И.Ульянова была избрана членом ЦИК СССР.

За выдающуюся, самоотверженную работу в области коммунистического воспитания и просвещения работниц и крестьянок 8 марта 1933 года Мария Ильинична Ульянова была награждена орденом Ленина.

Ее не раз избирали в Московскую контрольную комиссию ВКП(б).

Она работала не щадя себя, не думая о своем здоровье. Еще в 1930 году был такой случай. Мария Ильинична с группой товарищей выехала в инспекционную поездку в Дагестан. 2 января прибыли в Махачкалу и уже вечером приступили к работе.

4 января Мария Ильинична по просьбе комсомольцев пришла к ним в клуб. После собрания она еще долго беседовала с местными товарищами, засиделась допоздна. Впоследствии она вспоминала, что в клубе было очень холодно и она сильно продрогла в тот день.

На другой день делегация завершила работу и собиралась в тот же день выехать во Владикавказ. Перед отъездом Мария Ильинична решила пойти в Дом горянок, куда ее пригласили накануне активистки дома. К вечеру Марию Ильиничну начало сильно лихорадить. Пригласили врача. Он констатировал воспаление легких. Температура повышалась с каждым часом. Срочно прибыли из Москвы профессора Егоров и Гетье. Собрался консилиум, который подтвердил диагноз.

Лишь 23 января 1930 года в специальном вагоне, в сопровождении доктора Гетье и медсестры больную вывезли из Махачкалы. 26 января вечером поезд прибыл на Курский вокзал. Санитарная машина доставила Марию Ильиничну в кремлевскую больницу. В тот же вечер в больницу пришла Надежда Константиновна. Она очень переволновалась за это время, очень беспокоилась за Маняшу, зная, что та мало заботится о своем здоровье. И вспомнила Надежда Константиновна о таком случае. Дело было вскоре после смерти Владимира Ильича. Старый друг их семьи Алиса Ивановна Радченко пригласила к себе на дачу ее и Марию Ильиничну. Письмо с приглашением было адресовано Марии Ильиничне, которая тотчас же принесла его и положила на стол Надежде Константиновне. Алиса Ивановна писала Марии Ильиничне, что Надежда Константиновна берет на себя слишком большую нагрузку, мало отдыхает и сорваться может...

Мария Ильинична отвечала Алисе Ивановне:

«Относительно темы Вашего письма я неоднократно говорила с Надеждой Константиновной, поэтому вполне согласна с Вами, что совсем нерационально так размениваться на мелочи и трепаться. Но воздействовать здесь трудно. Это мог сделать и делал только один человек — В.И. (Владимир Ильич. — Авт.). Больше никому. И никакой ЦК тут ничего не сделает... Что касается предложения приехать к Вам отдохнуть еще где-либо, то я лично сейчас никуда не могу уехать — у меня уже 3-й месяц серьезно больна сестра. Надя, конечно, могла бы поехать, но по обыкновению и слышать об этом не хочет. Нервы ее требуют, чтобы быть все время на людях, на работе и проч.»¹¹⁴.

В каждой строчке письма жила забота о Надежде Константиновне, об Анне Ильиничне, только не о себе... И так всегда, всю жизнь она думала и заботилась о близких, о друзьях...

Даже в последние минуты жизни, почувствовав себя очень плохо, она попросила ничего не говорить Надежде Константиновне. Елена Дмитриевна Стасова впоследствии рассказывала о самых последних часах жизни и деятельности сестры Ленина... «Вспоминаю нашу последнюю встречу с ней. Мы втроем — Мария Ильинична, Надежда Константиновна и я — участвовали в 1937 году на конференции Московской партийной организации. Марии Ильиничне нужно было уйти с заседания для выполнения какой-то срочной работы. Она, всегда заботливо относившаяся к Надежде Константиновне, попросила меня проводить ее до дому, так как Надежда Константиновна плохо видела. Придя в свой кабинет, Мария Ильинична почувствовала страшную головную боль, вызвавшую обморочное состояние. Припадок прошел, но скоро повторился. Это было кровоизлияние в мозг, от которого Мария Ильинична и скончалась...»

Первый приступ начался 7 июня в 20 часов 30 минут. Немедленно прибыли врачи, и в их числе близкий к семье Ульяновых профессор Б.Вейсброд, лечащий доктор Н.Коновалов, медперсонал.

Им удалось добиться временного улучшения состояния, больная пришла в себя. Но вскоре начался второй приступ, после которого она впала в глубокое бессознательное состояние.

9 июня врачи констатировали появление признаков нарастающей слабости сердечной деятельности и ослабление деятельности нервных центров.

В последующие два дня положение резко ухудшилось. Мария Ильинична в сознание не приходила, деятельность сердца слабела с каждой минутой. И 12 июня М.И.Ульянова умерла...

13 июня все газеты Советского Союза сообщали о смерти М.И.Ульяновой.

«Правда» писала: «Умерла Мария Ильинична Ульянова, сестра Владимира Ильича, старейший боец великой партии Ленина. Партия, рабочий класс и все трудящиеся нашей страны с болью воспримут эту тяжелую весть».

«Жизнь М.И.Ульяновой, — говорится в извещении Центрального Комитета партии, — ее преданность делу Ленина и чуткое отношение к трудящимся послужат примером беззаветной борьбы для всех партийных и непартийных большевиков за победу коммунизма».

Надежда Константиновна самоотверженно пережила страшное горе — смерть Маняши. Со смертью Марии Ильиничны уходил навсегда прекрасный друг и самый близкий и родной ей человек...

Все дни болезни Марии Ильиничны рядом была Надежда

Константиновна, врачам не удавалось уговорить ее отдохнуть, и ей выпало на долю сообщить горестную весть Дмитрию Ильичу. Ее письмо полно скорби и любви: «Дорогой, родной Дмитрий Ильич! Умерла наша Маняша. Не звонила Вам потому, что было очень уж тяжело, да и врачи, по обыкновению, говорили по-разному...

Теперь надо составить ее биографию, собрать все воспоминания, составить сборник. Без вас этого нельзя сделать, Вы лучше всех, ближе всех ее знаете. Глубокая партийка, она отдавала себя всю работе, всю без остатка. Надо сохранить для истории ее образ, ее облик.

Надо все собрать; на Вас ложится сейчас большая задача. Поговорим об этом деле с Вами при свидании.

Крепко Вас обнимаю. Берегите себя. Ваша Н.К.».

Сама Надежда Константиновна нашла в себе мужество и силы за одну ночь написать статью о Марии Ульяновой, и утром 13 июня вся страна читала в «Правде»:

«...Вся ее жизнь была неразрывно связана с жизнью и работой Ильича... Первые годы ее работа проходит под руководством Ильича. Ее опыт широкой работы с массами, ленинская привычка прислушиваться к голосу масс сделали ее активным организатором рабкоровского движения... Сил своих она не жалела, работала с утра до 3 — 4 часов ночи, без отдыха, без перерыва. Уже больная, принимала активное участие в работах районной, Московской городской и областной конференций. Придя на работу с конференции, она почувствовала недомогание, слегла и уже не встала...»

Со смертью Марии Ильиничны ушел из жизни верный соратник Ленина, прекрасный большевик, человек яркий и интересный, сестра и друг Ленина, которая всю свою жизнь посвятила делу служения рабочему классу.

...За гробом Марии Ульяновой шло множество людей, в сердцах которых она зажгла свет ленинской правды...

Основные даты жизни и деятельности М.И. Ульяновой

1878, 6(18) февраля — Родилась в Симбирске в семье директора народных училищ Симбирской губернии И.Н.Ульянова.

1896 — Окончила 8-й педагогический класс Елизаветинской гимназии в Москве.

1896 — 1898 — Занимается на физико-химическом отделении Высших женских курсов Герье.

1898 — Вступает в РСДРП.

1898 — 1899 — Занимается на химико-физическом факультете Нового брюссельского университета. Возвращение в Москву.

1899, 30 сентября — Первый арест М.И. Ульяновой по делу Московского комитета РСДРП.

Октябрь — Высылка в Нижний Новгород под особый надзор полиции.

1900 — Возвращение в Москву.

1901, 1 марта — Арест и заключение в одиночную камеру.

Октябрь — Высылка в Самару.

1902, январь — Участие в общероссийской конференции сторонников «Искры».

1903 — Переезд в Киев и работа в Русском бюро ЦК РСДРП.

1904, январь — Третий арест.

Июнь — Освобождение из тюрьмы под залог. Переезд в Петербург. Отъезд в Швейцарию.

1905 — Возвращение в Петербург. Работа секретарем Василеостровского районного комитета РСДРП, участие в газете «Новая жизнь».

1907, 2 мая — Арест.

1908 — Переезд в Москву и работа в Московской партийной организации. Отъезд в Женеву.

1908, декабрь — Париж. Учеба в Сорбоннском университете.

1909, июнь — Возвращение в Москву.

1910 — Арест. Переезд в Саратов. Работа в Саратовской партийной организации.

1912, май — Арест и заключение в тюрьму.

1912, октябрь — Высылка в Вологду.

1914, сентябрь — Арест и заключение под стражу на оставшийся срок ссылки.

Октябрь — Возвращение в Москву.

1915, февраль — апрель — Обучение на курсах сестер милосердия.

1915, лето — Отъезд на Западный фронт с лечебно-питательным отрядом. Возвращение в Москву, работа в Московском комитете РСДРП(б).

1916, лето — Переезд в Петроград. Смерть М.А.Ульяновой.

1917, март — Начало работы в газете «Правда».

1918, март — Переезд в Москву. Мария Ильинична — ответственный секретарь газеты «Правда».

1925, декабрь — Участие в работе XIV съезда партии. Избрание в состав ЦКК ВКП(б).

1926, май — Работа на съезде рабоче-крестьянских корреспондентов. Выступление с докладом.

1927, декабрь — Участие в работе XV съезда партии. Избрание в состав ЦКК ВКП(б).

1930, июнь — июль — Участие в работе XVI съезда партии. Избрание членом ЦКК ВКП(б).

1932, февраль — Назначение заведующей Объединенным Бюро жалоб Наркомата РКИ СССР и Наркомата РКИ РСФСР.

1933, 8 марта — Награждение орденом Ленина.

1934, январь — февраль — Участие в работе XVII съезда партии. Избрание в состав Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров СССР.

1935 — Избрание членом ЦИК СССР.

1937, 12 июня — Кончина Марии Ильиничны Ульяновой.

Краткая библиография

- Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е издание.
Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4 — 8. М., 1970 — 1977.
- Переписка В.И.Ленина и редакции «Искры» с социал-демократическими организациями в России. 1900 — 1903. В 3-х т. М., 1969 — 1970.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1969.
- Переписка В.И.Ленина и руководимых им партийных органов с с.-д. организациями Украины. Киев, 1964.
- История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. М., 1964 — 1971.
- Ульянова М.И. Рабкоровское движение за границей и международная связь. М., 1928.
- Ульянова М.И. Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов. М., 1931.
- Ульянова М.И. Переписка В.И.Ленина с родными. Предисловие. М., 1934.
- Крупская Н.К. О Владимире Ильиче Ленине. М., 1975.
- Мария Ильинична Ульянова. М., 1978.
- Переписка семьи Ульяновых. 1883 — 1917. М., 1969.
- М.И.Ульянова — секретарь «Правды». М., 1965.
- В.И.Ленин в Москве и Подмосковье. М., 1974.
- Ленин и книга. Сб. М., 1964.
- Воронский А.К. Избранные произведения. М., 1976.
- Дягилев В. Сестра Ильича. М., 1970.
- Дридзо В. Н.К.Крупская. М., 1959.
- Ершов Д.А. Мария Ильинична Ульянова Саратов, 1965.
- Каравашникова С.В. М.И.Ульянова — журналист. М., 1972.
- Панченко Т.В. Мария Ильинична Ульянова. — «Вопросы истории КПСС», 1978, № 2.
- Полякова Р.С. Ульяновы в Саратове. 1957.
- Полякова Р.С. Сестра Ильича. Саратов, 1972.
- Родионов П. Сестра Ильича — журналистка, правдистка. — «Коммунист», 1978, № 4.
- Серафимович А. Военные рассказы М., 1962.

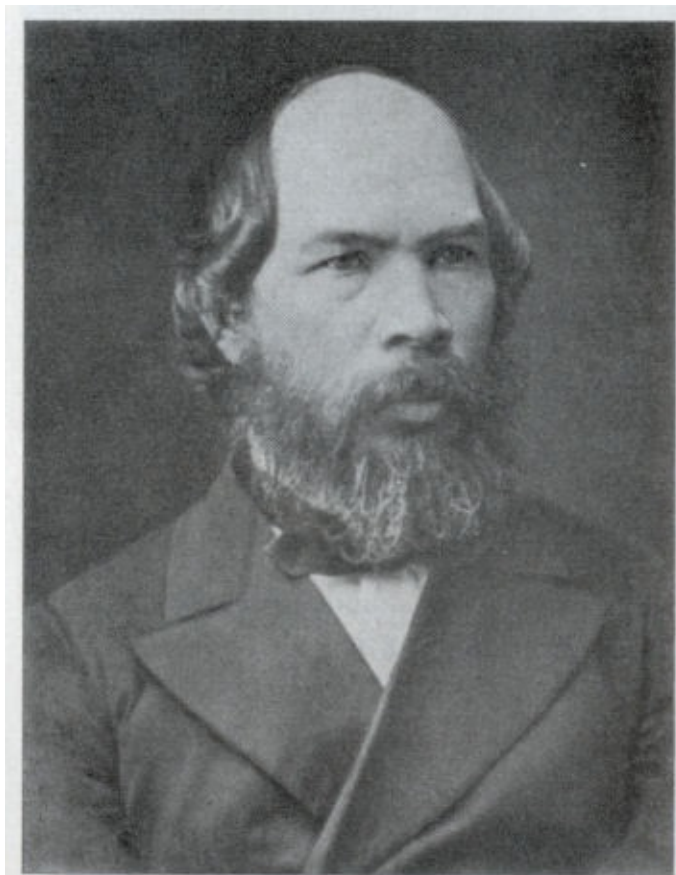

Серебрякова Г. Избранные произведения в 2-х т. М., 1975.

Иллюстрации

Мария Александровна
Ульянова. Москва, 1898 г.

Илья Николаевич Ульянов.
Симбирск, 1882—1883 гг.

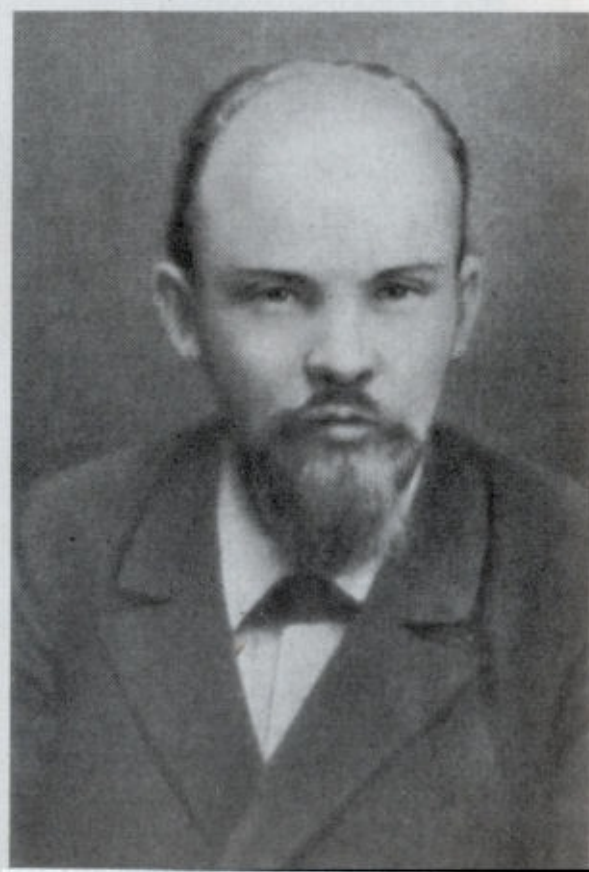
Семья Ульяновых. Симбирск, 1879 г.

Мария Ильинична Ульянова в детстве. Симбирск, 1881 г.

Анна Ильинична Елизарова.
Берлин, 1900—1902 гг.

Владимир Ильич Ульянов.
Петербург, февраль 1897 г.

Александр Ильич Ульянов.
Петербург, 1887 г.

Ольга Ильинична Ульянова.
Симбирск, 1887 г.

Дмитрий Ильич Ульянов. Юрь-
ев, 1900—1901 гг.

Мария Ильинична Ульянова.
Москва, 1895 г.

М. А. Ульянова, М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов, М. Т. Елизаров. Самара, 1902 г.

М. И. Ульянова.
1911—1912 гг.

М. И. Ульянова и А. И. Елизарова. Саратов, 1912 г.

М. И. Ульянова в группе политических ссыльных, Вологда, 1914 г.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова на Красной площади в Москве во время парада войск Всевобуча, 25 мая 1919 г.

В. И. Ленин и М. И. Ульянова в Горках.
Начало августа 1922 г.

М. И. Ульянова. Москва, 1924 г.

М. И. Ульянова и М. Е. Кольцов в группе саратовской делегации на III Всесоюзном совещании рабселькоров и юнселькоров при «Правде», «Бедноте» и «Комсомольской правде». Июнь 1926 г.

В пятницу 6-го декабря 1878 года в
г. Симбирске, где и жила до 9 мая, когда
уехала к старшему брату, в Самару к сестре,
и находившемуся там В.И., кончившему в
тот день, находившемуся в Симбирске, куда
она пришла совсем неожиданно в 9
часов утра. До находившегося в Симбирске
в Самару, и жила с сестрой в Самар-
ской губернии

Страница из автобиографии М. И. Ульяновой.

Н. К. Крупская и М. И. Ульянова среди работниц «Трехгорной мануфактуры» и фабрики «Интернационал» (Владимирская губерния), приветствовавших XV съезд ВКП(б). 1927 г.

Обложки рабселько-
ровских журналов.

М. И. Ульянова и редактор органа Компартии США Энгдол в редакции журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент». 5 мая 1927 г.

М. И. Ульянова и А. И. Елизарова среди делегатов I Всероссийского съезда работниц и крестьянок во время товарищеской встречи в МК ВКП(б). Ноябрь 1928 г.

М. И. Ульянова в редакции «Правды». Москва, 1929 г.

М. И. Ульянова, А. И. Елизарова и Д. И. Ульянов, Москва, 1930—1932 гг.

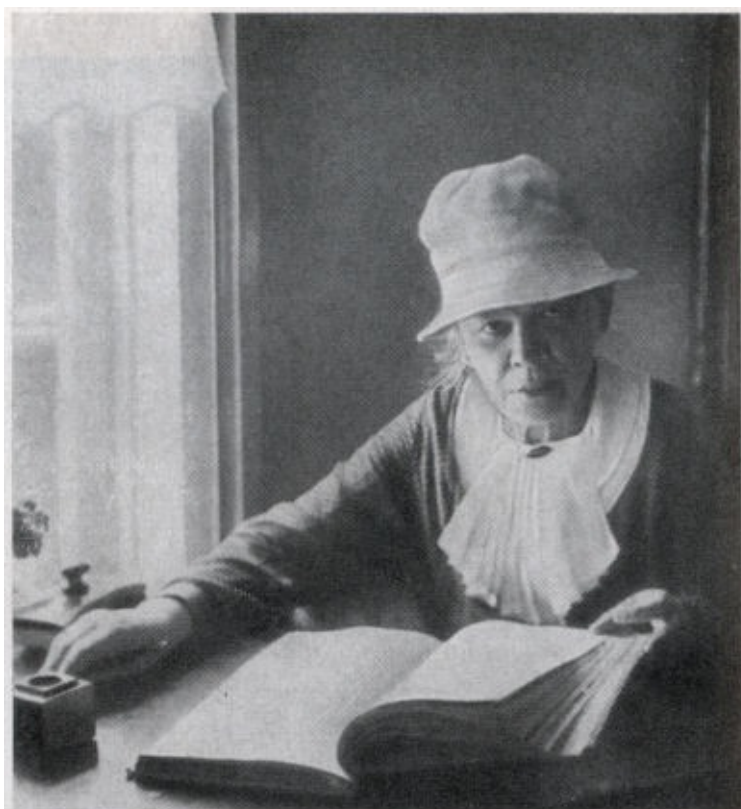

М. И. Ульянова выступает на заседании Бюро жалоб. 1932—1933 гг.

М. И. Ульянова и Анри Барбюс. 1935 г.

М. И. Ульянова
в Доме-музее
В. И. Ленина.
Ульяновск,
1936 г.

М. И. Ульянова, Н. К. Крупская, Д. И. Ульянов,
А. Ф. Ульянова, В. Д. Ульянов и О. Д. Ульянова.
1936 г.

М. И. Ульянова за работой. Горький, 1931 г.

---

notes

Примечания

Все даты до февраля 1918 года даются по старому стилю.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, ед. хр. 198, оп. 1, л. 7.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 26, т. 1.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 55, с. 2 — 3.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 4.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 5.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 6.

ЦПЛ ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 351, л. 1.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 27.

Мария Ветрова, народоволка, арестованная по делу о подпольной типографии и посаженная в Петропавловскую крепость, в знак протеста против тюремных порядков, позволяющих издеваться над заключенными, сожгла себя.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 95.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 246, л. 1.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 107 — 108.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 129 — 130.

ЦГАМ, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 17, л. 227.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 308, л. 3.

ЦГАОР и ОС, ф. ДПОО, 1899, д. 5, ч. 5, лит. «Б», л. 5.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с 200.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 6, л. 10.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 208 — 209.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 28, л. 8.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 6, л. 33.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 6, л. 35.

ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 5, л. 7.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 9.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 11, л. 1.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 30, л. 58.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 17, ед. хр. 1251, лл. 1 — 4.

Там же.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 30, л. 10.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 58, л. 13.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 31, л. 2.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 237.

ЦПА ИМЛ, ф. 14. он. 1, ед. хр. 275, л. 1 — 2.

ЦГАОР и СС, ф. ДПОО, 1911, оп. 9, ед. хр. 46, л. 169.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 230, л. 1 — 3.

Документ хранится в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле».

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 239.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 240 — 241.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 242 — 243.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 249.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 250.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 259 — 260.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 223, л. 4.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 226, л. 3.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 226, л. 3.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 295.

ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 7, л. 59.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 271, л. 11.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 316.

ИМЛ ЦПА, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 5, л. 114.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 33, л. 54.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 7.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 33, л. 12.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 33, л. 30.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 33, л. 14.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 33, л. 38.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 286, л. 1.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 345.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, од. хр. 35, л. 4.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 380.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1 — 3.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 350, л. 4.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 36, л. 16.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 36, л. 30.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 26, л. 9.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 26, л. 9.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 37, л. 2.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 12, л. 1.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 325.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 271, л. 55.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 69.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 216.

Материал хранится в кремлевской квартире В.И.Ленина. Публикуется впервые.

Материал хранится в кремлевской квартире В.И. Ленина. Публикуется впервые.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 698.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 107.

Письмо хранится в комнате М.И. Ульяновой в Кремле. Публикуется впервые.

ЦГАОР, ф. 130, он. 4, д. 299, № 183 (стр. сб. 1044).

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 144.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 227, л. 94 — 95.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 227, л. 94 — 95.

Владимир Ильич родился 10 апреля по ст. стилю, и в первые годы после введения в стране нового стиля его день рождения отмечали 23 апреля.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 221, л. 6 — 7.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 227, л. 28 — 29.

Документ хранится в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле».

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 45, л. 1.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 336, л. 3.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 221, л. 14.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 58, л. 5.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 58, л. 5.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 46, л. 5.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 46, л. 5.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 163, л. 3, 4.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 266, л. 17.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 195 — 196.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 142, л. 1.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 142, л. 9.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 126, л. 8.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 283, л. 15 — 16.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 332, л. 2 — 3.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 266, л. 11.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 269, л. 27.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 248, л. 11.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 248, л. 19.

Письмо хранится в комнате М.И.Ульяновой в Кремле.

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 341, л. 2.

Письмо хранится в комнате М.И.Ульяновой в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле». Документ публикуется впервые.

Документы хранятся в комнате М.И.Ульяновой в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле».

Письмо хранится в комнате М.И.Ульяновой в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле».

Документ хранится в комнате М.И.Ульяновой в музее «Кабинет и квартира В.И.Ленина в Кремле».

ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 227, л. 67.